Н.С. Цинцадзе

Г.Р. ДЕРЖАВИН: НА СЛУЖБЕ У ТРЁХ ИМПЕРАТОРОВ

ЧАСТЬ I

Государственная деятельность в царствование Екатерины II

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени Г. Р. ДЕРЖАВИНА»

Посвящается 275-летию со дня рождения
Гавриила Романовича Державина

Н. С. Цинцадзе

Г. Р. ДЕРЖАВИН: НА СЛУЖБЕ У ТРЁХ ИМПЕРАТОРОВ

Монография
в трёх частях

ЧАСТЬ I

Государственная деятельность в царствование Екатерины II

2-е издание, исправленное и дополненное

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТГУ

Тамбов 2018

УДК 930(092)
ББК 63.3
Ц65

Научный редактор
Ю. А. Мизис,
доктор исторических наук, профессор кафедры Российской истории
(ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»)

Научный рецензент
В. В. Канищев,
доктор исторических наук, профессор кафедры Российской истории
(ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»)

Для дизайна обложки использованы фрагменты
изображения здания Двенадцати коллегий (неизвестный художник, XVIII в.);
портрета Г. Р. Державина (В. Л. Боровиковский, 1795);
грамот на орден Святого Владимира III степени (22.09.1787)
и большого креста II степени (02.09.1793)
(ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 2. Д. 6. Л. 1. Д. 7. Л. 1)

Цинцадзе, Н. С.
Ц65 Г. Р. Державин: на службе у трёх императоров : монография : в 3 ч. — Ч. I. Государственная деятельность в царствование Екатерины II / Н. С. Цинцадзе ; науч. ред. Ю. А. Мизис. — 2-е изд., испр. и доп. — Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2018. — 196 с. : ил.

ISBN 978-5-00078-172-2

В первой части трилогии на основе широкого круга архивных и опубликованных источников раскрываются основные этапы политической биографии Г. Р. Державина в период правления Екатерины Великой. Изложение первого периода служебной карьеры предваряют материалы о происхождении, детских и юношеских годах, военной службе Г. Р. Державина. В книге подробно анализируется административная деятельность Г. Р. Державина на посту служащего в Сенате (1777–1783 гг.), губернатора Олонецкой (1785 г.) и Тамбовской губерний (1785–1788 гг.), секретаря Канцелярии Её Императорского Величества по принятию прошений (1791–1793 гг.), президента Коммерц-коллегии и сенатора межевого департамента Сената (1794–1796 гг.).

В приложении впервые опубликованы уникальные материалы к биографии Г. Р. Державина из отдела рукописей Российской национальной библиотеки: личные документы, патенты на чины, грамоты на ордена.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам, а также всем, кто интересуется историей России.

УДК 930(092)
ББК 63.3

ISBN 978-5-00078-172-2

© Цинцадзе Н. С., 2014
© Цинцадзе Н. С., 2018, с изменениями
© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина», 2018

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION
OF HIGHER EDUCATION
«TAMBOV STATE UNIVERSITY named after G. R. DERZHAVIN»

Dedicated to the 275th anniversary of the birth of Gavriil Romanovich Derzhavin

N. S. Tsintsadze

G. R. DERZHAVIN: ON SERVICE OF THREE EMPERORS

Monograph
In Three Parts

PART I
The State Activity in the Reign of Catherine II

Second Edition, corrected and enlarged

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТГУ

Tambov 2018

Science Editor
Yu. A. Mizis,
Doctor of History, Professor of the Department of Russian History
(FSBEI HE «Tambov State University named after G. R. Derzhavin»)

Scientific Reviewer
V. V. Kanishchev,
Doctor of History, Professor of the Department of Russian History
(FSBEI HE «Tambov State University named after G. R. Derzhavin»)

For the cover design were used fragments
of the image the Twelve Colleges' building (unknown artist, XVIII century);
portrait of G. R. Derzhavin (V. L. Borovikovsky, 1795);
diplomas of St. Vladimir' III degree (22.09.1787) and the Great Cross' II degree Orders (02.09.1793)
(Russian National Library, Department of Manuscripts. F. 247. Op. 2. D. 6. L. 1. D. 7. L. 1)

Tsintsadze, N. S.
G. R. Derzhavin: on Service of Three Emperors : Monograph : in 3 parts.— Part I. The State Activity in the Reign of Catherine II / N. S. Tsintsadze ; Science Editor Yu. A. Mizis.— 2nd Ed., cor. and enl.— Tambov : the Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin, 2018.— 196 pp. : il.

ISBN 978-5-00078-172-2

The first part of trilogy covers main stages of political biography of G. R. Derzhavin during the reign of Catherine the Great based on a wide range of archival and published sources. Narration of the first period of official career precedes information about G. R. Derzhavin's origin, childhood years and early days. The book contains detailed analysis of administrative job of G. R. Derzhavin as a public servant of Senate (1777–1783), a chief of Olonets (1785) and Tambov vicariates (1785–1788), as a secretary of Chancellery of Her Imperial Majesty on adoption of solicitations (1791–1793), a president of Collegium of Commerce and a senator of the boundary department of Senate (1794–1796).

Appendix contains the publication of unique materials for the biography of G. R. Derzhavin from the manuscript department of National Library of Russia: private papers, patents on ranks, certificates on awards.

The issue is intended for academic researchers, professors, postgraduate students, students, as well as for everyone interested in history of Russia.

ISBN 978-5-00078-172-2

© Tsintsadze N. S. First published, 2014
© Tsintsadze N. S., 2018, with changes
© FSBEI HE «Tambov State University named after G. R. Derzhavin», 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 7

ПРЕДИСЛОВИЕ
Гражданин Поэт 9

ГЛАВА I
Происхождение.
Военная служба и начало карьеры 19

ГЛАВА II
Губернаторство – проверка на прочность. 37

ГЛАВА III
Статс-секретарь императрицы Екатерины II –
усердный помощник. 73

ГЛАВА IV
Президент Коммерц-коллегии
и сенатор межевого департамента Сената – почётная ссылка 101

ПОСЛЕСЛОВИЕ
Гражданская служба на фоне «политической» поэзии –
первые успехи и огорчения 116

Принятые сокращения 121

Источники и литература 122

Информация об авторе 125

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1
Документы к общей и служебной
биографии Г. Р. Державина (1743–1796 гг.) 129

Приложение 2
Г. Р. Державин в портретном интерьере
Екатерининской эпохи 181

CONTENTS

From the author 7

PREFACE
A citizen. A poet 9

CHAPTER I
Origin.
Military service and the beginning of career 19

CHAPTER II
Governorate – as a challenge 37

CHAPTER III
State secretary of the Empress Catherine II –
a diligent assistant 73

CHAPTER IV
President of Collegium of Commerce
and a senator of the boundary department of Senate – an exile of honor 101

AFTERWORD
Civil service in the midst of «political» poetry –
initial successes and disappointments 116

Authorized abbreviation 121

Sources and literature 122

Information about author 125

APPENDIXES

Appendix 1
Papers to the general and official
biography of G. R. Derzhavin (1743–1796) 129

Appendix 2
G. R. Derzhavin in the portrait interior
of Catherine epoch 181

От автора

В 2018 г. исполняется 275 лет со дня рождения известного государственного деятеля и поэта Гавриила Романовича Державина. Он прочно вошел в историю российской литературы XVIII в. как яркий и самобытный предшественник «золотого века» отечественной поэзии. Не случайно знаменитый литературный критик XIX в. В. Г. Белинский назвал его «отцом русских поэтов». Однако интерес, по преимуществу литературоведческий, к личности Державина связан исключительно с его творческой деятельностью. «Вторая» жизнь поэта — административно-политическая — по традиции находится в тени литературной. Между тем Г. Р. Державин не менее ярко проявил себя на политической сцене последней трети XVIII — начала XIX в.: занимал должности губернатора в Олонецкой и Тамбовской губерниях, статс-секретаря (т. е. личного секретаря) императрицы Екатерины II, сенатора, президента Коммерц-коллегии, государственного казначея и, наконец, — вершина и финал его политической карьеры — министра юстиции. Он был автором ряда актуальных на тот период проектов: о реформировании Сената, третейских судов, регулировании дворянских опек, развитии рыбных и соляных промыслов в России, одним из разработчиков «Устава о банкротах» 1800 г., проекта преобразований в армии и пр.

Примечательно, что он, выходец из мелкопоместного и обедневшего дворянского рода Казанской губернии, благодаря своим способностям и беспорочной службе сумел добиться расположения трёх монархов и занимал высокие государственные должности. При этом Державин отличался неподкупностью, принципиальностью и стремлением служить благу Отечества.

Гавриил Романович за свою многолетнюю государственную деятельность успел сделать много полезного для страны: «с нуля» организовать работу наместничества в Карелии, основать там город Кемь, административные и социальные учреждения; «просветить» и благоустроить Тамбовский край; обеспечить продовольственным снабжением столицу и армию в период войн с Турцией; написать целый ряд должностных инструкций для государственных органов власти; оптимизировать работу приёмной главы государства по рассмотрению прошений, улучшить функционирование

Коммерц-коллегии, таможенной системы, казначейства, Министерства юстиции, Сената; содействовать развитию торгового флота Российской империи и интенсификации торговли с Азией; разработать полсотни законов; практической деятельностью повысить статус третейства и медиации. По поручению монарха он дважды направлялся в командировку и проводил государственные ревизии в Западном крае и Калужской губернии. По итогам первой подготовил основы «Положения о евреях» 1804 г., по итогам второй — антикоррупционный закон. При всём этом калейдоскопе профессиональных достижений Державин успевал руководить дворянскими опеками и попечительствами, которые являлись своеобразной общественно-корпоративной нагрузкой, практически не оплачиваемой и крайне хлопотной.

Данное издание посвящено 275-летию со дня рождения Гавриила Романовича Державина и представляет исправленную и дополненную трилогию «Г. Р. Державин: на службе у трёх императоров», вышедшую в период 2014–2016 гг. Дополнения и исправления были включены в 1-ю часть, во 2-ю и 3-ю части — лишь необходимые исправления. «Приложение» обновлённой первой части содержит копии уникальных и ранее не публиковавшихся архивных документов из фондов РГИА, раскрывающих основные вехи политической биографии Гавриила Романовича в период правления Екатерины II: указы о назначении на государственные должности, начиная с самой первой — экзекутора Экспедиции государственных доходов первого департамента Сената, — две записки времён губернаторства в г. Тамбове, а также письмо опального тамбовского экс-губернатора Г. Р. Державина, адресованное всесильному тогда Г. А. Потёмкину, с просьбой о содействии в восстановлении его репутации. Часть из опубликованных документов ранее экспонировалась только в г. Санкт-Петербурге в период празднования предыдущих юбилеев Гавриила Романовича. Теперь же эти материалы доступны широкой аудитории для ознакомления и изучения.

Автор трилогии выражает надежду на то, что данные книги повысят интерес к государственному наследию Г. Р. Державина в контексте истории Российского государства.

Предисловие
ГРАЖДАНИН ПОЭТ

У сознательной памяти — человеческой и исторической — есть свойство: со временем «затирать», вытеснять некоторые события, причём как положительные, так и отрицательные. Это, видимо, защитное качество, позволяющее организму (биологическому и социальному) оптимально функционировать без перегрузки. Вытесненные сюжеты, образы, персоналии находятся на резервном хранении — в подсознательной памяти. Г. Р. Державин — это типичный вытесненный (думается, что лишь на время) элемент исторической памяти государства и общества. Слишком прямолинейный, законопослушный, правильный, инициативный... и забытый как государственный деятель.

Выходец из знатного дворянского рода, обедневшего и уже к XVIII в. ставшего мелкопоместным (в терминологии тех времён — захудалым), типичный гвардеец периода дворцового переворота 1762 г., Державин оставил заметный след в политической жизни раннеимперского периода истории России: занимал должности губернатора[1] в Олонецкой и Тамбовской губерниях, личного секретаря Екатерины II, сенатора, президента Коммерц-коллегии, финанс-министра и, наконец, — вершина и финал его политической карьеры — министра юстиции. Он был автором ряда актуальных на тот период проектов: о реформировании Сената, введении третейских судов, регулировании дворянских опек, развитии рыбных и соляных промыслов в России, одним из разработчиков так называемого банкротского устава 1800 г., проекта преобразований в армии и пр. Главным делом своей жизни Г. Р. Державин считал именно государственную службу и, находясь на любых административных

[1] Согласно ст. 3 «Учреждений для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г. (Полное собрание законов Российской империи. Т. XX. № 14.392), должность руководителя губернии называлась «правитель наместничества, или губернатор». В данном исследовании мы именуем Державина губернатором, следуя его собственной служебной самоидентификации.

должностях, старался отстаивать государственные интересы. И в этой борьбе, по его собственным словам, «был горяч и в правде чёрт».

Не обделённый вниманием к своей общей биографии, и в особенности к творческой, поэтической, он остался неизвестен как фигура государственная. В настоящее время, как нам представляется, наступил именно тот момент, когда пора вывести героя из тени. Благо, а может, к сожалению, потребность в этом велика. Ведь в современных условиях распространения и укоренения в обществе и в некоторых политических кругах восприятия государственной службы исключительно как способа решения своих личных корыстных интересов, реализации амбиций пример государственной деятельности Г. Р. Державина выглядит особенно контрастно. Назидательный и воспитательный эффект биографии знаменитых людей известен ещё со времён Плутарха. Такие черты истинно государственного служащего, как патриотизм, честность, беспристрастность, неподкупность, востребованы в условиях утраты прежней социально-политической парадигмы и конструирования новой. Державин — это часть фонда государственно-политических ценностей. Этот пример честного политика необходим хотя бы для того, чтобы у государства и общества были зримые ориентиры, если так можно выразиться, буйки, за которые лучше не заплывать. Воспитывать будущих чиновников (шире — всех граждан) лучше именно на таких примерах. Конечно, не стоит идеализировать Г. Р. Державина. Безусловно, он часть своей эпохи и поколения, сложная, противоречивая личность. Однако общая тональность и направленность его карьеры — принципиальность, бескорыстность, приверженность законности, столь редкие человеческие и профессиональные качества,— заслуживают уважения.

С целью убедительной иллюстрации высказанного тезиса и актуализации взглядов Державина считаем нелишним сделать отступление в сторону нынешнего времени. В современном мире коррупция стала одной из острых глобальных проблем человечества, порождённой несовершенствами государственного аппарата, законодательства, социального устройства, деформацией морально-этических и нравственных устоев отдельных представителей власти и социума. Международное движение по противодействию коррупции — Transparency International — с 1995 г. ежегодно измеряет уровень социального восприятия коррупции в государственном секторе той или иной страны и составляет рейтинг индексов восприятия коррупции (ИВК), основанный на данных опросов, проведенных среди экспертов и в деловых кругах. Страны ранжируются по шкале от 0 до 100 баллов. Ноль баллов получают страны с самым высоким уровнем восприятия коррупции, 100 — с самым низким. Так, по дан-

ным за 2015–2016 гг. в рейтинге восприятия коррупции из 176 стран мира первое место заняли Дания и Новая Зеландия (по 90 баллов), второе заняла Финляндия (89 баллов), третье — Швеция (88 баллов). Аутсайдеры рейтинга — Северная Корея (12 баллов), Южный Судан (11 баллов) и Сомали (10 баллов). Россия получила 29 баллов, оказавшись в одном ряду с Ираном, Казахстаном, Непалом и Украиной.

По мнению аналитиков «Центра антикоррупционных исследований и инициатив "Трансперенси Интернешнл-Россия"», наблюдаются некоторые улучшения в сфере антикоррупционного законодательства, «однако правоприменительная практика меняется мало»[1]. Если сравнивать ИВК с показателями предыдущих лет, то можно все-таки отметить определенную положительную динамику: в 2011 г. Россия заняла 143 место из 183, в 2010 г.— 154 место из 178 возможных[2].

В целом коррупционная ситуация в стране стабилизировалась с тенденцией к более успешному пресечению, расследованию и наказанию фактов коррупционной направленности. По данным Следственного комитета Российской Федерации, за 9 месяцев 2017 г. из 117858 расследованных уголовных дел (с учетом преступлений прошлых лет) 3837 были преступлениями, связанными с получением и дачей взяток[3]. Председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин на расширенной коллегии Следственного комитета Российской Федерации в марте 2017 г. сообщил, что следователями в 2016 г. было проверено 35 тыс. сообщений о коррупционных преступлениях, по которым было возбуждено 23 тыс. уголовных дел, окончено — свыше 12,5 тыс. дел этой категории. Руководитель ведомства пояснил, что в числе фигурантов этих уголовных дел около 600 должностных лиц, обладающих особым правовым статусом[4]. Кроме того, по словам руководителя данного ведомства, позитивная динамика в борьбе с коррупцией отражается в том, что за 2011–2016 гг. по уголовным делам о коррупционных преступлениях государству

---

[1] Трансперенси Интернешнл-Россия: [официальный сайт]. URL: https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/indeks-vospriyatiya-korruptsii-2016-polozhenie-rossii-ne-izmenilos.html (дата обращения: 16.12.2017 г.).

[2] Там же. URL: https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/indeks-vospriyatiya-korruptsii-2011-nebolshaya-pozitivnaya-dinamika.html;

URL: https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/indeks-vospriyatiya-korruptsii-2010-kak-bylo-plokho-tak-plokho-i-ostalos.html (дата обращения: 16.12.2017 г.).

[3] Следственный комитет РФ: [официальный сайт]. URL: http://sledcom.ru/activities/statistic/ (дата обращения: 16.12.2017 г.).

[4] Там же. URL: http://sledcom.ru/news/item/1105170/ (дата обращения: 16.12.2017 г.).

ŒŸ–€ †€- •±••€ ‹†Ÿ®• Žµ –ƒ ƒ—Œ• •• ‹— — Œ€–•• µ ‘ –ƒ ƒ—Œ• ••¢ –€”•• •ƒ•‹‡ •• —±•‹‡†€ €Œ† •…• Ÿ‰ ’•

•••ƒ•–œ•Ÿ¥ ˜ƒ€ž—ƒ€ƒ €‹‹ ¥‹ž€¥ • •ƒ•• • • •¥ž• † €‡¢ Š•‡•€ €ž–• •¤ €-†—Š•••€ † €†•‡• • •ƒ•• † •˜ƒ•–• Ž“ « ,•¤ ‹€€Œ± –¤ Š‡€ ˜ƒ€ž—ƒ€ƒ• † Ž“§ ,• ŒŸ–€ †Ÿ…†–••€ ‹†Ÿ®• ™Ž¬ ‡Ÿ‹• ž€ƒƒ—˜• €••Ÿ‰ ˜ƒ•†€••ƒ—®•• ¥¤ ‹ ••–œ¯ —‹‡ƒ••• … ž€‡€ƒŸ‰ Œ Ÿ–€ †••‹••€ §« ‡Ÿ‹• ˜ƒ• ‹‡•†–•• ¥¤ ˜ƒ ••‹••€ ˜€Š‡ µ¬ ‡Ÿ‹• ˜ƒ€ ‡•‹‡€†¤ † ‹— Ÿ ••˜ƒ•†–••€ Œ€–•• " ‡Ÿ‹• ‹ž€†Ÿ‰ -•…†–•• ¥• ãƒ•‹‡— ˜–•• ¥ ž€ƒƒ—˜• €••€¥ ••˜ƒ•†–•••€‹‡ ŒŸ–€ -•ƒ•, ‹‡ƒ ƒ€†••€ ˜€Š‡ ™™ ‡Ÿ ‹• ãƒ €ƒ ‡•‡•Ÿ €‹‡•†•– ‹œ ˜ƒ•‹•Š•• • €‡ž•‡€†• † ‹„•ƒ• -•ž —˜€ž¤ ‰ ±•• ¥ ••••–•†€,€ ‹˜€–œ-€†•• … Œ¯ ”•‡•Ÿ‰ ‹ƒ• ‹‡† Ž• €,–•‹•€ ˜ƒ€†• •••Ÿ † •ƒ‡• Ž“¬ ,• ‹€• €–€, Š•‹ž €˜ƒ€‹• ¤ €˜ƒ• •–•••Ÿ• ƒ•-——œ‡•‡Ÿ ƒ•Œ€‡Ÿ ,€‹— •ƒ‹‡†•••€¥ †–•‹‡ † Œ €ƒœ¢ Œ• ‹ ž€ƒƒ—˜• •¥ €‡ •Š•– ž•” Ÿ¥ †‡€ƒ€¥ ƒ€‹‹ …• • ²¬‘í´• ƒ•‡œ €˜ƒ€®•••Ÿ‰ ²™™í´ ˜€–•,••‡¤ Š‡€ ‹ ‡—•• … • ž•ž •• - •• –•‹ œ ²‹ µ'í † Ž“™ ,•´¤ ’Ží š Š‡€ €•• •”• —‰— ® –•‹œ•ã ƒ °‡€ Œ€–•• †‹•,€ ˜€ƒ•”•••Ÿ ž€ƒƒ—˜• •¥ ‹€• •–œ•Ÿ •‹‡ ‡—‡€ ¤ ‹€,–• ‹•€ •••Ÿ €˜ƒ€‹•¤ …†–…•‡‹… Š •€†• Š•‹‡†€ •• •‹‡•‰ š ‡•ž — •¯‡ ™µí €˜ƒ€®•••Ÿ‰• ‡€ ¤ Š‡€ ˜€ €Œ••… ˜ƒ€Œ–• • ‹—±•‹‡†—•‡ •• —ƒ €†¢ •• „• •ƒ•–œ•Ÿ‰ †–•‹‡•¥¤ ,€†€ƒ…‡ † †€• ƒ•”• š '«í• ž €–€ Š•‡†•ƒ‡ ƒ•‹˜€• ••‡€† ²Ž™í´ -•…† – ¤ Š‡€ †€ †-…‡€Š• Š•‹‡†• ˜€,ƒ…- –€ †‹• €Œ±•‹‡†€• • Ÿ ž€ƒƒ— ˜ ƒ€†•••Ÿ ‹„•ƒ• ¤ ˜€ ••• ¯ ••® ‰ ‹€,ƒ•” ••¤ …†–…¯‡‹… ²Ž¬í´ ˜€– • … ²ŽŽí´¤ ‹— •Œ••… ‹ ‹‡• ¢ • ²“'í´¤ • • •‹ž•… ‹„•ƒ• ²µí´¤ žƒ—˜•Ÿ¥ Œ -••‹ ²'™í´¤ î ²'Ží´¤ €Œƒ•-€†•• • ²¦í´• • •••• ˜ƒ€ •”•Ÿ • ••‰€ …‡ ‹ƒ• ‹‡†• •‹‹€†€¥ •„€ƒ •• š – ®œ Ží ˜€–•,•¯‡¤ Š‡€ † • ‰ ˜ƒ€•†•‡••‡ ž€ƒƒ—˜• …™• ±• € •€¥ ˜ƒ€Œ–• €¥ ‹€†ƒ• •••€‹‡ ¤ •¯±•¥ ˜ƒ€Š•Ÿ• ž€ƒ• † ˜ƒ€®–€ ¤ …†–…•‡‹… • -ž ¥ —ƒ€†••œ ˜ƒ•†€†€¥ ž——œ‡—ƒŸ¤ †Ÿƒ¢” ¯± ¥‹… † •• •••€¢˜ƒ•••Œƒ•” ‡•–œ•€ ¤ †Ÿ‹€ž€ •ƒ•€ ¤ ‹• ‹‰€ ¢ ‡•–œ•€¢‹ž•˜‡ Š•‹ž€ †€‹˜ƒ …‡ ˜ƒ•†•¤ €•••ž• •,€ •• ž•ž Œ•-€†€ ¥¤ „—• • ••‡•–œ•€¥ • ¤ • ž•ž †‡€ƒ€‹‡•˜•••€,€ …†–•• … † € Œ±•¥ ®ž•–•

’ •‡•ƒ†œ¯ ãƒ• ‹• •‡•–… –• ‹‡†•••€,€ ž€ ‡•‡• €‹‹ ¥‹ž€¥ • •ƒ•• –•ž‹•• ƒ• •‹‡ƒŸž •• €‹‹ ¥‹ž€¥ ,•-•‡•• ²Ž¬•'«•Ž“« ,• ´ ë°–•ž‡ƒ€••Ÿ¥ ƒ•‹—ƒì ¡ –• ‹‡†•••Ÿ¥ ž€ ‡•‡ • ë€„ • •–œ•Ÿ¥ ‹•¥‡ì • ¿¹Ã• ÕÌÌÔ•¡ïÜÉÊÙÒÈ•ÍÛ¡ÔÍÉÏÏ¡ ÐÆÌÉÍØÐÉÝ¡ÐÌÉÈ¡”¬Ž'«'¡ïÔÊÈð’ ² •‡• €Œƒ•±•• …• ’§•’Ž•Ž“« ,•´•

Ž •••ƒ•–œ••… ˜ƒ€ž—ƒ•‡—ƒ• €‹‹ ¥‹ž€¥ • •ƒ•• • ë€„ • •–œ •Ÿ¥ ‹•¥‡ì• ¿¹Ã• ÕÌÌÔ•¡ÓÉÆÔÍÒÙ•ÓÒØ•ÍÛ¡ÌÈÐ¡ÐÆÌÉÍØÐÉÝñÇÆÊñÇÔÔÉÇÍÕÆÆÇÙÉÍÆÇÙÉÍ¡”“«™‘¬¡ ² •‡• €Œƒ•±•• …• ’§•’Ž•Ž“« ,•´•

™ €ƒœŒ• ‹ ž€ƒƒ—˜• •¥• ‹‹ … †Ÿ˜€–• •ï ¡ ãƒ•‹‹¢†Ÿ˜—‹ ž è Ž«¦¡• ¿¹Ã• ÕÌÌÔ'•¡ÝÙÐÒÈ•ÍÛ¡ÐÆÊÉá•ÔÕÔïÐÊðŽ™§òÛÐÊð”¬“"¦ ²‡• €Œƒ•±•• …• ’§•’Ž•Ž“« ,•´•

религиозными корнями, идеей нестяжательства, благотворительности в её истинном понимании, душевного милосердия, коллективизма, мирного сосуществования народов разных культур и верований, морально-нравственный компонент в борьбе с коррупцией обладает высоким потенциалом, способным перетянуть чашу весов в сторону справедливости, законности и правопорядка.

Средний класс, который всегда был опорой реформаторским государственным инициативам, является социальной основой модернизации страны сегодня. Однако при высоком уровне коррупции он рискует быть либо утраченным вовсе, либо вытесненным иными социальными группами, далёкими от истинно буржуазной идеологии, нацеленными на сиюминутное обогащение и бегство под юрисдикцию зарубежных стран. В обоих случаях власть теряет одного из надёжных партнёров, что неизбежно повлечёт крах либеральных модернизационных мероприятий. Сокращение уровня коррупции является важной не только социально-экономической, но и политической задачей, от успешной реализации которой зависит стабильность выбранного курса развития России, внутренний и внешний суверенитет страны.

Описанные выше изъяны российской государственной системы существуют уже давно и стали её непременной составляющей. Государственные попытки их сокращения или более смелые действия по их искоренению всегда тонули в широком болоте извечной коррупции и правового бескультурья. Отважные антикоррупционные действия отдельных чиновников-праведников всегда вызывали в государстве и обществе ироническое сочувствие. Герой нашего исследования тоже стоически-героически боролся с мздоимством и деформированным правосознанием чиновников. Однако тоже проиграл. Как верно подметил Н. В. Гоголь, российского человека надо благодарить и за его намерения.

По нашему глубокому убеждению, требуется реанимировать интерес к Г. Р. Державину как государственному деятелю посредством всестороннего изучения архивных сведений, популяризации его общественно-политических трудов, отражающих его оригинальные взгляды на государство, общество, правовую систему, а также своеобразный служебный путь. Безусловно, эта благая и благородная задача не осуществима без осознанной и вдумчивой поддержки со стороны властвующей политической элиты. Она по силам неравнодушным, но и не ангажированным исследователям. Возьмём на себя смелость попытаться осветить непростой служебный и жизненный путь известного поэта под обозначенным углом зрения. Конечно, это исследование не претендует на исчерпанность и окончательность выводов — насле-

дие Державина настолько велико и многогранно, что исследователи каждой эпохи найдут в нём что-то своё, непременно новое.

Мы же «открыли» для себя очень важную с точки зрения сделанных выше отступлений сторону в государственной деятельности знаменитого поэта: активное неприятие любых проявлений коррупции, осуждение незнания законов, нарушений законности. Это находилось в прямой связи с политико-правовыми взглядами Державина. Особое место в структуре государственной власти он отводил правосудию. Судья должен быть умным, приветливым, беспристрастным, справедливым. Хорошо если судья обладает ещё и состраданием[1]. Смертная казнь как мера наказания, по его мнению, носит скорее профилактическую функцию, предупреждая преступления в будущем. В судах не должно быть «постыдных свар и пьянства»[2]. В сфере учения о праве Державин разделял естественно-правовой подход к нему, сближая его с позитивным, сглаживая так называемый дуализм права. Он считал, что позитивный (государственный) закон должен выражать идеи естественной справедливости[3].

Не менее важная роль в государстве была отведена исполнительной власти — министрам («щит государей»), которые несут ответственность перед Богом, монархом и народом[4]. Монархи по способам управления государством делятся на два вида: те, что опираются на министров, и те, кто их игнорирует. Для управления внутренними делами необходимо использовать людей «хороших сердечных качеств», а во внешнеполитических делах лучше задействовать лукавых. Вследствие того, что правитель не сможет никогда достаточно вознаградить преданных ему министров, им нужно быть умеренными и справедливыми[5].

В 1810-е гг. Державин составил, используя современную терминологию, своеобразный кодекс профессиональной этики государственного служащего — «Рассуждение о достоинстве государственного человека». В нём он представил образ идеального чиновника: государственный служащий должен быть «более других сограждан движим и руководствован сею благородною страстию (т. е. любовью к отечеству — *Н. Ц.*). Он должен ею жить, вливать её в своих подчинённых и быть примером в ней всему государству». Считая, что «величие души познаётся из небоязненных изречений правды», Державин называл такие ключевые качества чиновника, как правдивость, благочестивость, религиозность.

---

[1] ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 1. Т. 2. Л. 190 об.–191.

[2] Там же. Л. 191.

[3] Там же. Л. 191.

[4] Там же. Л. 204.

[5] Там же. Л. 246.

По его представлениям, он должен быть «открытым деловцом», а не любимчиком монарха, не расторопным царедворцем и не царским письмоводцем (по-современному, спичрайтером). Он должен был заседать с монархом в совете при нём, открыто предлагать ему свои инициативы[1].

Говоря о гуманитарных взглядах Г. Р. Державина, необходимо отметить его представления об идеальном человеке-гражданине, концентрированно выраженных в его оде «Вельможа». Он должен был быть набожным, порядочным, верным семье и жене, познающим самого себя (рефлексирующим), волевым, справедливым, добрым, не жадным, скромным. Гражданин не должен был гнушаться никакой работы, какое бы высокое положение ни занимал; не ждать награды за свой труд; не кичиться своим знатным происхождением[2]. Естественно, эти качества признавались и ожидались от лиц дворянского сословия.

Очень интересны и по-прежнему актуальны хозяйственно-экономические взгляды Державина, ориентированные на поддержку национальной экономики, повышение доходов казны, развитие торговли, мореходства, стратегически важные промыслы. Не менее любопытны его позиции в отношении организации армии и тыла, повышения и укрепления обороноспособности страны. В наследии Державина можно найти даже элементы экологических взглядов на современные ему проблемы судоходства по рекам Центральной России.

Исследование государственной деятельности известной исторической личности, несмотря на внешне кажущуюся простоту, тем не менее, таит в себе множество трудностей. Суммируя все нюансы, отметим три главные проблемы, влияющие, на наш взгляд, на конечный научный результат. Во-первых, мешают сложившиеся стереотипы и даже мифы, переосмысление которых явно вызовет неоднозначную реакцию профессионального сообщества (неприятие, недоверие, сдержанное одобрение). Во-вторых, накладывает специфический отпечаток характер взаимоотношений автора и изучаемого персонажа, который может колебаться от восторженного до вполне критичного, добавляя в строго научное исследование нотки субъективизма, противоречащего классическому принципу историзма. В-третьих, самое опасное, что может произойти, — собственное мифотворчество, осознанное или неумышленное. Мы же, зная заранее об этих

---

[1] Державин Г. Р. Рассуждение о достоинстве государственного человека (1812 г.) // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. Т. 7. Сочинения в прозе. СПб., 1872. С. 628–634.

[2] Григорьев Н. Г. Идеал человека и гражданина в оде «Вельможа» // Прилуко-Прилуцкий Н. Г. Державин. Жизнь и творчество. СПб., 1911. С. 39–43.

«уловках», займём позицию разумного историзма и сдержанного объективизма.

Данное издание, задуманное как трилогия о государственной деятельности Г. Р. Державина,— это очередная попытка посмотреть вроде как на знакомые и известные сюжеты из жизни поэта, но с новых позиций: идеологических, методологических, источниковедческих. В научный оборот мы впервые вводим уникальные, неопубликованные ранее архивные документы из богатейших собраний ОР РНБ, РГИА, ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН. В фонде рукописного отдела ИРЛИ РАН впервые были изучены 17 архивных дел[1].

Среди вводимых впервые в научный оборот в первой части исследования отметим публикацию документов из личных бумаг Г. Р. Державина, переданных в Императорскую публичную библиотеку в 1916 г. сыном его биографа Я. К. Грота К. Я. Гротом. Ныне они составляют коллекцию документов фонда № 247 (опись 2) ОР РНБ. К ним относятся патенты на чины, жалованная грамота на имение в Белоруссии, грамоты на пожалованные за службу ордена.

В данном исследовании политической биографии Державина максимально задействованы материалы РГИА из фонда № 1400, аккумулирующего уничтоженные дела Сената и Министерства юстиции. Эта коллекция документов уцелела от бездумного уничтожения в конце XIX в. Помимо этого, нами были использованы документы фонда № 468 «Кабинет его императорского величества», фонда № 796 «Канцелярия Синода», фонда № 1329 «Именные указы и “высочайшие” повеления Сенату (коллекция)», фонда № 1374 «Канцелярия генерал-прокурора Сената».

Ценную информацию мы почерпнули из материалов ИРЛИ РАН, в особенности это касается периода статс-секретарства Державина и его пребывания на посту президента Коммерц-коллегии. В рукописном отделе Пушкинского дома хранятся реестры прошений за 1792–1793 гг., оригиналы более 80 дел, посвящённых разбору жалоб, поступивших в канцелярию по принятию прошений, а также записки Державина по таможенным и торговым вопросам, адресованные Екатерине II, черновики и оригиналы документов о его деятельности в Коммерц-коллегии и пр. Анализ этих материалов восполняет существующий до сих пор пробел о периоде деятельности Державина в последние годы царствования Екатерины Великой.

Разумеется, пласт архивных источников, отражающих многостороннюю государственную деятельность Державина, больше того

---

[1] ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 5. Д. 2, 3, 6, 10, 12, 16, 22, 23, 29, 47, 60, 69, 71, 75, 82, 84, 87.

круга материалов, которые мы использовали при подготовке данного издания. Многие до сих пор невыявленные письменные артефакты всё ещё находятся в недрах архивохранилищ и ждут пытливых исследователей.

В качестве источников нами были использованы опубликованные Я. К. Гротом деловые бумаги Г. Р. Державина[1] и его письма[2]. Информативными для исследования явились воспоминания современников и периодические издания. Отдельно стоит упомянуть бесценные материалы из опубликованного П. А. Бартеневым в конце XIX в. 40-томного «Архива князя А. Р. Воронцова». В них содержится переписка крупных государственных деятелей Воронцовых.

Основной принцип структурирования содержания книги соответствует хронологическому подходу, отражающему основные вехи служебной биографии государственного деятеля и поэта. Первая часть трилогии охватывает период с 1777 по 1796 г. Как видно из указанных дат, этот временно́й диапазон в карьере Державина связан с блистательным периодом царствования Екатерины Великой. Именно на эти десятилетия падает самый плодотворный и насыщенный период служебной деятельности Гавриила Романовича. Конечно, он не был вовсе безоблачным: в нём чередовались этапы невероятных взлётов (губернаторство, статс-секретарство в Кабинете её императорского величества) и унизительных падений (отлучение от должности губернатора Тамбовской губернии и последовавшее судебное разбирательство в Сенате по обвинению в «упущении по должности»), почётных удалений от императрицы (президентство в Коммерц-коллегии). Безусловно одно — это были самые лучшие годы в карьере Державина, заложившие фундамент последующей административной работы. Как один из екатерининских вельмож, Державин приобрёл устойчивое реноме знатока и рьяного почитателя законности и справедливости, в последующем сыгравшее роль при назначении его на высокие государственные и почётные общественные должности сыном, а затем и внуком Екатерины II.

Думается, что ещё один акцент в сторону политизации общей биографии Г. Р. Державина позволит увидеть в нём не только оригинального стихотворца, но и гражданина — вернее, Гражданина Поэта с обострённым чувством государственности.

---

[1] Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. Т. 7. Сочинения в прозе. СПб., 1872.

[2] Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. Т. 5. Переписка 1773–1793 гг. СПб., 1869; Т. 6. Переписка 1794–1816 гг. СПб., 1871.

ГЛАВА I

Происхождение. Военная служба и начало карьеры

Несмотря на то, что данная работа посвящена государственной службе Гавриила Романовича преимущественно на гражданском поприще, мы посчитали необходимым предварить основную часть изложением фактов о его происхождении, детстве и юности, службе в гвардейском Преображенском полку, участии в подавлении Пугачёвского восстания, а также первом опыте административной деятельности в Сенате. Именно в родовых корнях и семейных традициях находятся истоки большинства поступков человека в его сознательной деятельности. Первые детские и юношеские впечатления накладывают яркий отпечаток на последующую жизнь, формируя характер, привычки, наклонности, страхи индивида. Участие в боевых действиях, несомненно, также отражается на его характере и деятельности.

Гавриил Романович в этом смысле не исключение: в зрелые годы и старости он очень любил вспоминать далёких предков, родителей, родные места, детские и юношеские годы, первых учителей и наставников, службу в гвардейском полку, своих сослуживцев и первых недругов. Особенно, конечно, на него повлияли унизительные и длительные хождения с матерью после смерти отца по чиновничьим и судебным инстанциям с целью защиты прав на имущество. «Такое страдание матери от неправосудия вечно осталось запечатлённым на его сердце, и он, будучи в высоких достоинствах, не мог сносить равнодушно неправды и притеснения вдов и сирот»,— писал о себе Г. Р. Державин в своих «Записках»[1]. Друг Державина поэт, баснописец и в последующем министр юстиции И. И. Дмитриев тоже свидетельствовал о сентиментальности Гавриила Романовича, частых упоминаниях в разговорах о событиях своей молодости[2].

Одним словом, если мы хотим понять смысл и значение поступков знаменитого поэта на государственной службе, увидеть в нём человека, нам необходимо заглянуть в относительно недавнее его прошлое.

---

[1] Записки Г. Р. Державина 1743–1812 с литературными и историческими примечаниями П. И. Бартенева. М., 1860. С. 9.

[2] Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С. 63.

ЗНАТНАЯ РОДОСЛОВНАЯ — ПОТОМОК МУРЗЫ БАГРИМА

Относительно родословной Гавриила Романовича сохранилось достаточное количество аутентичных документов: семейные реликвии, тщательно сохранённые родственниками Гавриила Романовича, герб рода Державиных, родословное древо, составленное самим Державиным[1]. Анализ этих материалов указывает на то, что он происходил из знатного, но обедневшего дворянского рода. Родоначальником Державиных являлся мурза Багрим (Ибрагим, Абрагим), вышедший в XV в. из Большой Орды[2] на службу к московскому князю Василию II Тёмному. Приняв христианство, он стал Ильёй. Ему были пожалованы вотчины в Новгородской, Владимирской и Нижегородской губерниях. От него своё родство вели Нарбековы, Акинфовы, Кеглевы и Державины. Держава, дворянин Казанской губернии, давший название фамилии Державиных, был внуком Ильи (Багрима). В писцовых книгах Казанской губернии уже в XVI в. упоминается прапрадед Гавриила Романовича — Василий Державин[3]. Отец — Роман Николаевич Державин начал свою службу в 1722 г. в Бутырском полку, потом он служил в отдалённых от центра местах губернии (Казань, Яранск, Ставрополь, Оренбург), где весьма медленно протекала его военная карьера: незадолго до рождения сына получил звание секунд-майора[4]

---

[1] ОР РНБ. Ф. 247. Т. 20.1. Л. 4, 7.

[2] Большая Орда — это татарское государство, выделившееся в первой трети XV в. из состава Золотой Орды. Располагалось в Северном Причерноморье и Нижнем Поволжье.

[3] Грот Я. К. Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам. СПб., 1880. С. 19.

[4] Секунд-майор — штаб-офицерский чин в русской армии XVIII в. Относился к VIII классу «Табели о рангах». По уставу 1716 г. майоры разделялись на премьер-майоров и секунд-майоров. Премьер-майор являлся помощником полковника, секунд-майор — помощником его заместителя, подполковника. Заведовал в полку строевой и караульной службой. Секунд-майор являлся четвёртым должностным лицом в полку. Осуществлял действительное командование 2-м батальоном полка (где шефом был подполковник). Разделение на премьер- и секунд-майоров было отменено в 1797 г., когда все премьер- и секунд-майоры стали майорами.

Пензенского пехотного полка Оренбургского корпуса, а по выходу в отставку в 1754 г. получил чин полковника. Отец Гавриила Романовича умер от чахотки в относительно молодом возрасте — в 48 лет.

Мать Фёкла Андреевна Державина принадлежала к казанскому роду Козловых, которые издавна владели поместьями в одних землях с Державиными и ещё ранее породнились: её дед был женат на вдове Никиты Васильевича Державина. От первого мужа Григория Савича Горина, капитана гарнизонного Свияжского полка, Фёкла Андреевна наследовала небольшую часть крестьян в Шацком уезде Воронежской губернии, которые впоследствии были переселены в Оренбургскую губернию, где в Бузулуцком уезде у Романа Николаевича Державина было пожалованное поместье[1].

Значительно позже, в конце XX в., эту родословную уточнил и существенно дополнил специалист в области истории казанских дворянских родов Е. В. Липаков. Во-первых, он опроверг версию историка литературы, литературоведа второй половины XIX — начала XX в. А. К. Бороздина о том, что прадедом Гавриила Романовича был Иван Васильевич. На самом деле его звали Иваном Яковлевичем, так как предыдущие биографы пропустили одно родовое колено. Е. В. Липаков отмечает, что в 1560-х гг. род Державиных в Казанском крае ещё не упоминался, но уже в 1580-е гг. упоминается первый из них — Василий Державин (прапрапрадед), помещик, владевший частью Бутырской дубровы близ Лаишева[2]. Сын Василия — Яков, прапрадед Г. Р. Державина, участвовал в событиях Смутного времени, вместе с другими казанскими детьми боярскими[3] ходил походом против сподвижника Лжедмитрия II И. М. Заруцкого. Иван Яковлевич (прадед) в 1650-х гг. был направлен за р. Каму против ногайцев[4].

Во-вторых, исследователь из Казани значительно дополняет родословную Державина по материнской линии. Е. В. Липаков сообщает, что род Козловых упоминался в Казанском крае с первых лет его присоединения к России, т. е. являлся автохтонным. Далее по архивным данным РГАДА он установил линию предков

---

[1] Грот Я. К. Указ. соч. С. 21.

[2] Липаков Е. В. Новые сведения о предках Г. Р. Державина // Классы и сословия России в период абсолютизма: межвузовский сб. ст. Куйбышев, 1989. С. 71–72.

[3] Дети боярские — разряд мелких служилых феодалов, существовавших на Руси в XV–XVII вв.

[4] Ногайская Орда выделилась из Золотой Орды в конце XIV — начале XV в. Располагалась к северу от Каспийского и Аральского морей и от Волги до Иртыша. Ногайцы-кочевники совершали набеги на территорию Руси.

Г. Р. Державина по женской линии, до того неизвестной. Бабушка поэта происходила из рода Нармацких, выходцев из Владимирской губернии, позже служивших в Суздале, Новгороде, Переяславле и других городах. Прадед Державина был Богдан Якимович Нармацкий, сын Якима Ивановича, внук Ивана Атаевича, участника похода против И. Болотникова. Отец Ивана Атаевича — Атай Нармацкий (прапрапрадед по материнской линии) в писцовой книге 1565 г. упоминается как «старый жилец». Таким образом, генеалогия Г. Р. Державина была углублена Е. В. Липаковым до 6-го колена. Им документально было доказано, что все предки Гавриила Романовича принадлежали к низшему слою класса феодалов — городовым детям боярским, а также было доказано, что предки по материнской линии появились в Казанском крае раньше предков по отцовской линии на несколько десятилетий[1].

В 1990-е гг. исследования Е. В. Липакова продолжила Э. И. Амерханова, которая проследила историю рода Державиных на основе данных Общего Гербовника дворянских родов Российской империи и уникальных архивных документов РГАДА. Она установила, что внук мурзы Ибрагима Алексей Дмитриевич Нарбеков по прозвищу Держава положил начало роду Державиных. Его она относит к первой половине XVI в. и предполагает, что Василий Державин был сыном Алексея Нарбекова и правнуком Ибрагима. Далее историк указывает на то, что, согласно данным Гербовника, представители рода Державиных служили стольниками и воеводами. Однако установить точно их имена и проследить историю их службы не позволяет большая утрата документального материала архива Приказа Казанского дворца, погибшего в пожаре в начале XVIII в.[2]

Относительно этимологии прозвища Держава существует гипотеза, связанная с семейными преданиями семьи Державиных, согласно которой оно восходит к древнетатарскому слову «дер-эджжаб», что означало содержатель казны (буквально — кармана), министр финансов[3]. Кстати, Гавриилу Романовичу по долгу службы тоже приходилось заведовать государственной казной.

---

[1] Липаков Е. В. Указ. соч. С. 72–73.

[2] Амерханова Э. И. Род Державиных в Казанском крае // Г. Р. Державин и диалектика культур: мат-лы Междунар. науч. конф. (Казань–Лаишево, 13–15 июля 2012 г.). Казань, 2012. С. 162–163.

[3] Садретдинов Ш. А. Татарские стихи в архиве Державина // Г. Р. Державин: личность, творчество, современное восприятие: тезисы Междунар. науч. конф., посв. 250-летию со дня рождения поэта (Казань, 26–29 мая 1993 г.). Казань, 1993. С. 42.

Э. И. Амерханова дополнила немногочисленные сведения о прадеде Г. Р. Державина Иване Яковлевиче. В частности, она сообщила, что он в 1653–1654 гг. был направлен на патрулирование строительства Закамской черты в сотне Федора Люткина и имел 50 душ крестьян[1].

По данным немецкого историка, одного из авторов норманнской теории происхождения Древнерусского государства, Г. Ф. (Ф. И.) Миллера, основанным на изучении материалов Разрядного приказа, ведавшего службой бояр и дворян, род Державиных происходит от дворян, выехавших на Русь из Большой Орды. Их родословная роспись находится в росписи Нарбековых под № 28 Разрядной книги. Род Козловых, по его сведениям, происходит из Литвы, родовая роспись значится под № 280[2]. В исследовании историка и археографа эпохи Николая I Д. Н. Бантыш-Каменского повторяется то же самое: Гавриил Романович — потомок мурзы Багрима, выехавшего на службу к московскому князю Василию Васильевичу Тёмному из Золотой Орды, родился 03 июля 1743 г. в Казане[3]. Такие же сведения о роде Державиных приводил и известный генеалог А. А. Бобринский[4].

Относительно обстоятельств рождения Гавриила Романовича Я. К. Грот сообщает любопытную деталь. Дело в том, что отец женился на его матери ровно за 9 мес. до рождения сына, а накануне женитьбы, за две недели, у него был конфликт с отставным полковником, соседом по имению в Казанской губернии Яковом Фёдоровичем Чемадуровым[5]. Об этом конфликте имеется подробная публикация историка, юриста, профессора Демидовского юридического лицея С. М. Шпилевского в журнале «Древняя и новая Россия» за 1878 г. Это старинное судебное дело 1742 г. он обнаружил при разборе бумаг, переданных на юридический факультет Казанского университета из уездных судов Казанской губернии.

Дело состояло в том, что отец Державина, Роман Николаевич, в ноябре 1742 г. подал в Казанскую губернскую канцелярию челобитную на имя императрицы Елизаветы Петровны, в которой жаловался на соседа полковника Я. Ф. Чемадурова. Он, по показаниям Романа

---

[1] Садретдинов Ш. А. Указ. соч. С. 164.

[2] Миллер Ф. И. Известие о дворянах российских. СПб., 1790. С. 395, 413.

[3] Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей Русской земли: в 5 ч. М., 1836. Ч. 2. С. 210–211.

[4] Бобринский А. А. Дворянские роды, внесённые в Общий Гербовник Всероссийской империи. СПб., 1890. Ч. I. С. 505.

[5] Грот Я. К. Указ. соч. С. 22–23.

Николаевича, в августе 1742 г. пригласил его к себе в дом, специально напоил крепким напитком, а затем вместе с его племянником или шурином П. Н. Белавиным избил его, снял с него шпагу, вынул из кармана кошелёк, шитый серебром, в котором были «рубль червонный двойной один, медаль золотая, печать серебряная с родовым гербом, перстень турецкий золотой с яхонтом»[1]. В судебном процессе Я. Ф. Чемадуров через своего поверенного, естественно, всё опровергал, ссылаясь на то, что сосед перебрал вина, стал дебоширить, оскорблять Я. Ф. Чемадурова и его родственников, и тот вынужден был его вывести из дома на крыльцо, но вещей никаких его он не брал[2]. Материалы судебного дела обрываются сведениями о втором заседании в марте 1742 г., поэтому концовка спора не известна. Видимо, этот спор не был окончен положительно ни для одной из сторон конфликта, так как из «Записок» Гавриила Романовича мы знаем о том, что только в 1778 г. он, наконец-то, положил конец 40-летней семейной тяжбе с Чемадуровыми, примирившись с А. Я. Чемадуровым, сыном Я. Ф. Чемадурова, на кого жаловался его отец.

Относительно места рождения поэта существуют разночтения из-за отсутствия сохранившихся метрических книг. Нет сомнений в том, что родиной поэта был Лаишевский уезд Казанской губернии, но только одни авторы утверждают, что родился он в деревне Сокуры, а другие — в деревне Кармачи. Сам Державин в своих «Записках» называет местом своего рождения г. Казань[3]. Однако ещё Я. К. Грот подверг сомнению это указание на место рождения, сделанное самим Гавриилом Романовичем[4].

Развеять все сомнения помогла публикация Л. М. Солдатовой. По её данным, у потомков действительно были основания сомневаться в том, что Державин родился в Казани, по следующим обстоятельствам: во-первых, после свадьбы родителей Гавриила Романовича в Сокурах в местном деревенском храме естественно было предполагать то, что супруги остались жить там; во-вторых, вполне правдоподобна и версия рождения в Кармачах, где после смерти деда Николая Ивановича Державина остался хороший благоустроенный дом, куда могла перебраться молодая семья; в-третьих, после сильного пожара в августе 1742 г., уничтожившего треть всех городских

---

[1] Шпилевский С. М. Дело секунд-майора Р. Н. Державина // Древняя и новая Россия. 1878. № 4. С. 335.

[2] Там же. С. 337.

[3] Записки Г. Р. Державина... М., 1860. С. 25.

[4] Грот Я. К. Указ. соч. С. 22.

жилых строений в Казани, вероятность переезда супругов в Сокуры или Кармачи велика[1].

Однако находка Л. М. Солдатовой в фондах РГИА купчей на покупку его родителями дома в Казани за десять дней до рождения ребёнка совершенно точно подтверждает факт рождения Гавриила Романовича именно в Казани. И вот почему. Род Державиных к тому времени уже почти пресёкся. Братья и племянники отца Гавриила Романовича были больны и слабы, некоторые не имели потомства, а так как будущие родители и сами находились по тогдашним меркам в пожилом возрасте (отцу было 37, а матери — 36 лет), то ожидание их первенца было весьма тревожным. Будучи людьми набожными и глубоко религиозными (необходимо помнить об особенностях сознания людей XVIII в.), родители Державина с большой надеждой ожидали предстоящего праздника Богородицы, который по традиции начинался 25 июня и длился месяц (Державин родился 3 июля), в течение которого чудотворный образ Богоматери Смоленской приносили в город Казань для богомолья[2]. Богородица явила милость супругам: на свет появился хоть и хилый, но жизнеспособный ребёнок, которого по народным традициям того времени для придания жизненных сил запекли в печи (обмазав тестом и посадив в остывшую печь, что, скорее всего, вызвало «побочный эффект» — у Гавриила Романовича не было детей). Не случайно, думается, в октябре 1800 г. Державин прибавил девиз к своему родовому гербу: «Силою Вышнею держуся!»[3] *(см. приложение 1, документ № 1а–г).*

---

[1] Солдатова Л. М. «Я родился в Казани...» (К вопросу о месте рождения Г. Р. Державина) // Г. Р. Державин и его время: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. П. Морозова. СПб., 2005. Вып. 2. С. 52–53.

[2] Там же. С. 54–56.

[3] ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 2. Д. 9.

ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ

Семья Державиных жила бедно. Она была типичной провинциальной мелкопоместной дворянской семьёй Казанской губернии первой половины XVIII в. Гавриил Романович был старшим сыном в семье, у него были брат Андрей и сестра Анна, умершие в юности и детстве соответственно.

Довольно рано, в 5 лет, Гавриил Романович научился читать. Мать развивала наклонности сына к учению, сама при этом будучи полуграмотной. В 7 лет согласно предписаниям Петра I он был представлен оренбургскому губернатору (в Оренбурге в те годы отец проходил службу) для «первого смотра» в военную службу. Через пять лет он должен был быть готов для «второго смотра», но только после получения первоначального образования. Первые науки Державин постигал в Оренбурге, в частной школе сосланного из Петербурга за преступление немца И. Розе. Будучи полной невеждой в науках, он толком ничему не учил, жестоко наказывал своих учеников. Однако элементарной грамоте, счёту и азам немецкого языка Державин всё-таки научился. Особенно преуспел он в рисовании и черчении. Проучившись у И. Розе три года, Державин вместе с семьёй вернулся в Казань. Отец планировал поехать с ним в Москву для того, чтобы определить в Сухопутный шляхетский корпус, но поездка не состоялась из-за болезни отца и нехватки денег на дорогу. Вскоре он умер, и матери Державина пришлось обивать чиновничьи пороги и судиться за захваченные соседями клочки земель, разбросанные в разных губерниях.

В 1757 г., к периоду «второго смотра», Державин отправился вместе с матерью в Москву, однако чиновники Герольдмейстерской конторы[1], усомнившись в дворянском происхождении представленного юноши,

[1] Герольдмейстерская контора — ведомство в составе Сената, ведавшее учётом дворян, находившихся на государственной службе. Герольдия также вела родословные книги, составляла дворянские гербы.

не записали его на смотр. Мать вынуждена была через дальних родственников исхлопотать выписку из Бархатной книги[1], подтверждавшую дворянское происхождение сына. Однако из-за недостатка денег они вернулись в Казань, где Гавриил Романович вначале занимался у несведущих частных учителей, а потом стал гимназистом Казанской гимназии, первого светского общеобразовательного учебного заведения, находившегося под патронатом Московского университета. Державин учился в гимназии хорошо и даже в 1759 г. как лучший ученик по распоряжению куратора гимназии, елизаветинского сановника И. И. Шувалова был упомянут в университетской газете «Московские ведомости»[2] *(см. приложение 1, документ № 2а–в)*. За старание в учёбе и успехи в чертёжном деле (он особенно хорошо копировал карты Казанской губернии) Державин был поощрён И. И. Шуваловым путём определения кондуктором в Инженерный корпус[3]. В 1762 г. из гвардейского Преображенского полка, куда всех способных юношей-гимназистов записал И. И. Шувалов, забыв о первоначальном их выборе, Державину было направлено требование обязательной явки на службу. Он не очень хотел служить в столице, так как это было слишком обременительно для семейного бюджета. Однако Пётр III очень строго относился к прохождению службы молодыми дворянами, поэтому волей-неволей Державину пришлось в феврале 1762 г. бросить учёбу в Казанской гимназии и ехать в Москву[4].

---

[1] Бархатная книга — это родословная наиболее знатных боярских и дворянских родов. Была составлена в 1687 г. Название происходит от бархатного переплёта.

[2] Московские ведомости. 1759. 10 августа. № 64. С. 7–8.

[3] Кондуктор — унтер-офицерское воинское звание, присваивающееся в русской армии до 1917 г. техническим специалистам.

[4] Просьба Г. Державина об увольнении его из гимназии // Библиографические записки. 1859. № 16. С. 510–511.

СЛУЖБА В ГВАРДЕЙСКОМ ПРЕОБРАЖЕНСКОМ ПОЛКУ. УЧАСТИЕ В ПОДАВЛЕНИИ ПУГАЧЁВСКОГО ВОССТАНИЯ

В 1762 г. Державин был зачислен для прохождения военной службы рядовым Преображенского полка. Не имея знакомых и родственников в столице, он поселился в казарме для крепостных рекрутов. Он жил в одной комнате вместе с тремя женатыми и двумя холостыми солдатами. Служба в гвардейских полках при Петре III была тяжёлой, состояла из постоянной муштры и смотров. Отдушину Державин находил в чтении книг и сочинении собственных стихов. Солдатские жёны, узнав, что Державин грамотный, просили его писать письма деревенским родным. Писал он хорошо и просто, чем снискал уважение, а главное, ответную помощь солдат и их жён: солдаты выполняли за него полковые наряды, а жёны помогали по хозяйству.

В июне 1762 г. он, как и все преображенцы, присягнул на верность новой императрице Екатерине II, или, как её вскоре стали называть, «Торжествующей Минерве»[1]. В 1763 г. он был произведён в капралы и стал проживать в дворянских казармах. Державин был дружен со многими офицерами, которые ценили его умение копировать гравюры и эстампы, практически ничем не отличавшиеся от оригиналов, а также за составление прошений на имя императрицы для обиженных по службе. Он также помогал сослуживцам в литературном выражении любовных чувств. Писательский талант Державина был востребован и полковым начальством, которое привлекало его к составлению отчётов, докладов и прочих официальных бумаг.

---

[1] Минерва в древнегреческой мифологии — богиня мудрости.

С февраля 1768 г. на полгода он был прикомандирован в Уложенную комиссию[1] секретарём в «Комиссию о разных установлениях, касающихся до лиц, обсуждавшую проекты законов о браке, семье и опеке». Об этом периоде остался аттестат, обнаруженный библиографом Д. В. Поленовым и приведённый Я. К. Гротом в дополнительном 9-м томе «Сочинений» Державина. В нём указывается, что сержант Гавриил Державин, наряду с другими участниками комиссии, проявил прилежность и знание дела[2].

Продвижение Гавриила Романовича по военной иерархии шло медленно: в феврале 1772 г. Державин получил свой первый офицерский чин прапорщика[3] *(см. приложение 1, документ № 3)*, в марте 1773 г. он стал подпоручиком[4] *(см. приложение 1, документ № 4)*, в мае 1774 г.— поручиком[5] *(см. приложение 1, документ № 5)*. Он по-прежнему ходил в караул и дежурил в полку, на досуге занимаясь поэзией. Впервые он напечатался в 1773 г. в журнале «Старина и новизна», дебютировав с одой на бракосочетание великого князя Павла Петровича. Устав от парадов и караулов, осенью 1773 г. Державин попросился в экспедиционный корпус генерала А. И. Бибикова, которому Екатерина II поручила подавление восстания под руководством Е. Пугачёва. Будучи уроженцем Казани, хорошо знавшим местность Поволжья, он был зачислен в полк. Державин был направлен на Волгу, в с. Малыковку (ныне — г. Вольск в Саратовской области) для того, чтобы координировать направления войск и закупать провиант. Его командировка в заволжских степях закончилась весной 1775 г.

За время антипугачевской кампании Державин успел серьёзно настроить против себя главнокомандующего войсками по подавлению восстания П. И. Панина, сменившего умершего А. И. Бибикова, и руководителя секретной комиссии по расследованию пугачёвского бунта и наказанию его участников П. С. Потёмкина, троюродного брата екатерининского фаворита Г. А. Потёмкина. Дело в том, что, узнав первым об аресте Е. Пугачёва, Державин сообщил эту новость П. С. Потёмкину, полагая, что тот уведомит его непосредственного начальника П. И. Панина. Однако тот торопился сообщить

---

[1] Уложенная комиссия — специально созданная Екатериной II комиссия для составления Свода законов. Комиссия работала в течение 1767–1768 гг.

[2] Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. Т. 9. Дополнения. СПб., 1883. С. 25–26.

[3] ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 2. Д. 1.

[4] ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 2. Д. 2.

[5] ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 2. Д. 3.

в Петербург радостную весть и не известил об этом П. И. Панина. Естественно, тот обиделся и почувствовал себя обойдённым. Он обвинил Державина в служебном промахе, грозился даже повесить вместе с Пугачёвым и требовал объяснений. Гавриил Романович прибыл в Симбирск, чтобы всё объяснить лично. После долгого и непростого разговора с Державиным П. И. Панин сменил гнев на милость и простил незадачливого офицера, чем вызвал негодование на Державина своего давнего недруга П. С. Потёмкина.

В 1777 г. Гавриил Романович окончил военную службу, так и не найдя общего языка с начальством, и был выпущен на гражданское поприще в чине коллежского советника[1] *(см. приложение 1, документ № 6)*, получив за службу 300 душ крестьян в Белоруссии[2] *(см. приложение 1, документ № 7а–в)*.

[1] ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 2. Д. 5.

[2] ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 2. Д. 4; РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 140. Л. 66.

СЕНАТ И «ЗЛОЙ ГЕНИЙ» кн. А. А. ВЯЗЕМСКИЙ

В 34 года Державин начал статскую службу в чине коллежского советника (VI класс по «Табели о рангах»). Не имея достаточного опыта на данном поприще, временно́го запаса, он стал искать способы продвижения по службе. Универсальным и действенным методом было покровительство вышестоящих чиновников. Через своих казанских знакомых Окуневых, состоявших в родстве с всесильным на тот период генерал-прокурором Сената А. А. Вяземским, Державин вошёл в дом вельможи и получил заветный шанс самопрезентоваться. После того, как влиятельный чиновник убедился в способностях Державина грамотно и лаконично составлять деловые бумаги, он рекомендовал его назначить на должность экзекутора[1] Экспедиции о государственных доходах первого департамента Сената. В августе 1777 г. Гавриил Романович стал служащим одного из ключевых правительственных ведомств Российской империи, так как первый департамент Сената при Екатерине II ведал управлением страной, финансами и хозяйством империи. Конечно, должность его была не велика, но открывала перспективы дальнейшего роста (или как выразился сам Державин, «не весьма важная, однако довольно видная»[2]).

Поначалу Державин пользовался доверием и расположением А. А. Вяземского. Однако вскоре он впал в немилость из-за того, что настойчиво вмешивался в делопроизводственный порядок, составление государственного бюджета, комментировал некоторые действия генерал-прокурора. Так, из опубликованного Я. К. Гротом рапорта Державина А. А. Вяземскому в 1779 г. мы узнаём, что Державину было поручено следствие над сенатскими секретарями, которые ленились ходить на дежурства в Сенат. Державин отмечал, что дежурство проходило не по очереди, многие секретари его пропускали по мнимой

---

[1] Экзекутор — это чиновник, ведавший хозяйственными делами и надзором за порядком в канцелярии.

[2] Записки Г. Р. Державина... М., 1860. С. 123.

болезни. Державин также обнаружил нарушения порядка сдавать дежурство следующему секретарю и оставлять об этом запись в книге дежурств. Более того, он выявил, что некоторые и вовсе не дежурили, расписываясь о дежурстве на следующий день, отговариваясь важными поручениями, в то время как были в гостях или на маскарадах. Державин предлагал ввести порядок, при котором заболевший заранее уведомлял Сенат о болезни, чтобы найти замену по очереди, а также поручить хранение книги дежурств в одном месте с тем, чтобы её нельзя было передавать из отдела в отдел и вносить в неё исправления[1].

В Сенате, кроме своих повседневных обязанностей, Державин получал отдельные поручения. Так, при перестройке сенатского здания он вёл общий надзор за работами. Большой зал заседаний украшался барельефами. В числе фигур, изображённых на барельефах, была Истина, представленная, как ей и подобает, в нагом виде, причём плита с этим сюжетом располагалась как раз напротив стола сенаторов. Когда генерал-прокурор А. А. Вяземский осматривал зал, ему сразу бросилась в глаза обнажённая Истина, и, найдя фигуру слишком вольной, он приказал Державину: «Вели её, брат, несколько прикрыть». Державин придал символическое значение этим словам Вяземского и, рассказывая о случае с барельефом в своих «Записках», прибавил: «И подлинно, с тех пор стали от часу более прикрывать правду в правительстве, потому что князь Потёмкин, будучи человек сильный и властолюбивый, не весьма любил повиноваться законам и делал всё по своему своенравию»[2]. А через несколько лет ставший при Павле I генерал-прокурором князь А. Б. Куракин приказал выломать этот барельеф, и, по мнению Державина, Истина как бы совсем покинула Сенат.

Интерес Державина к порядку в законодательстве проявился в том, что он свёл воедино, т. е. провёл инкорпорацию действовавших тогда по своему ведомству законов в одну книгу, которая была утверждена в 1781 г. и в последующем вошла в Полное собрание законов Российской империи[3].

В 1780 г. в Сенате была образована Экспедиция о государственных доходах, впоследствии превратившаяся в государственное казначейство. Державин перешел в нее советником расходной части в чине статского советника (V класс по «Табели о рангах»)[4] *(см. приложение 1,*

---

[1] Сочинения Державина... СПб., 1869. Т. 5. С. 387–392.

[2] Записки Г. Р. Державина... М., 1860. С. 132–133.

[3] Полное собрание законов Российской империи: в 45 т. Т. XXI. 1781–1783 гг. СПб., 1830. № 15120.

[4] РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 145. Л. 369–369 об.

документ № 8). Задачи её состояли в обеспечении своевременности сбора всех государственных доходов, надзоре за целевым и законным расходованием государственных денег, поверке отчётов о расходовании казённых денег[1]. О финансах Державин имел весьма смутное представление, но природный ум и настойчивость помогли: вскоре он разобрался в делах и стал предлагать то одно, то другое усовершенствование финансовой системы. В 1782 г. Гавриил Романович разработал устав Экспедиции о государственных доходах, действовавший до 1820 г. Напрасно ожидая за этот труд служебного поощрения, Державин через содействие А. А. Безбородко, в то время бывшего секретарём императрицы, а впоследствии дипломата и канцлера, исхлопотал себе чин статского советника.

Генерал-прокурору не нравилась ретивость Державина к службе. Своим вмешательством он нарушал созданную А. А. Вяземским систему управления финансами, а его желание искоренить взятки ему казалось попросту смешным. К тому же А. А. Вяземский не одобрял занятие Державина стихосложением, считая, что истинный чиновник должен полностью посвящать себя государственному служению. Окончательный разрыв служебных и личных отношений наступил в 1783 г., после издания оды «Фелица», в которой Державин осмеял фаворитов императрицы, в том числе и самого Вяземского, не поскупясь на поэтические колкости. Е. Р. Дашкова вспоминала, что Вяземский в последующем даже побаивался острого пера «известного и талантливого поэта» Державина, активно сотрудничавшего с журналом «Собеседник любителей российского слова»[2].

Получение в присутствии А. А. Вяземского подарка от императрицы в виде 500 червонных рублей и золотой табакерки, осыпанной бриллиантами, поставило точку в служебной деятельности Державина под началом Вяземского. Да и сам Гавриил Романович чувствовал потребность сменить занятие и уйти из Сената. Благо к 1784 г. слава Державина-поэта упрочилась после опубликования философской оды «Бог», стихотворного посвящения Всевышнему, которого никогда до и после него никто не делал.

Уволен с должности финансового советника Сената Державин был в феврале 1784 г. в чине действительного статского советника. Обстоятельства его ухода из этого ведомства были следующими. При составлении росписи государственных доходов за 1783 г. А. А. Вяземский

---

[1] Вицын А. Краткий очерк управления в России от Петра Великого до издания Общего учреждения министерств. Казань, 1855. С. 66.

[2] Дашкова Е. Р. Записки. 1743–1810. М., 2009. С. 177.

приказал указать сумму по прошлому году, но Державин возразил, заявив, что доходы империи за год выросли почти на 8 млн рублей, что, по его мнению, необходимо было отразить в доходной табели. В итоге Державин добился рассмотрения бюджета на всеобщем заседании сенаторов, чем окончательно озлобил против себя руководителя Сената. Дело в том, что он разгадал «трюк» Вяземского, который заключался в специальном приуменьшении годовых доходов казны с тем, чтобы, в случае острой необходимости денег на нужды двора и лично императрицы, деньги как бы изыскивались благодаря умелой «хозяйственности» генерал-прокурора. Эта способность Вяземского «находить» деньги в практически пустой казне крайне высоко ценилась Екатериной II.

Так закончился первый этап в долгой служебной деятельности Державина. За 6 лет работы в самом центре властной структуры государства он впервые воочию столкнулся с грубейшими нарушениями закона, наглыми утайками и открытым воровством государственных денег, приписками и махинациями в составлении государственных отчётов. В первые же годы пребывания на административной должности Державин не стал закрывать глаза на такие беспорядки, смело, в ущерб себе стал о них громко заявлять, предлагать меры по их устранению. Уже тогда приобрёл репутацию неподкупного правдолюбца, противника всяческих злоупотреблений и принципиального человека. Вероятно, и эти качества, помимо несомненного литературного таланта, способствовали назначению его в мае 1784 г. на должность губернатора Олонецкой губернии на северо-западной окраине империи[1] *(см. приложение 1, документ № 9)*.

[1] РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 155. Л. 507.

ГЛАВА II

Губернаторство — проверка на прочность

ОСОБЕННОСТИ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В XVIII в.

В далёком XVIII в. чиновников специально не готовили, не было для них ни специальных учебных заведений, ни кадровых агенств или резервов — губернаторами, прокурорами, сенаторами, обер-полицмейстерами, судьями и пр. становились, как правило, лица, близкие к венценосным особам, членам их семьи, влиятельным временщикам-фаворитам и их доверенным лицам. Личные отношения играли определяющую роль при формировании бюрократического аппарата. Представителями центра на местах являлись по традиции дворяне, вышедшие в отставку из военной службы и «заслужившие» губернию или уезд в своё распоряжение, либо переведённые из иной сферы гражданско-административной деятельности на повышение или в почётную ссылку. Расстановка чиновников в бюрократической иерархии строго подчинялась сложившимся политическим правилам, социальной и практической логике, канонам придворной жизни. Она являлась эффективным инструментом регулирования численности и качества «популяции» чиновников, решения не только государственных, но и личных вопросов. В общем, этот механизм был крайне выгоден для государя и служившей ему знати, действенен в отсутствие демократических выборов. Конечно, личностно-непотивная ориентация в вопросах замещения государственных и административных должностей не была лишена и недостатков: невозможность пробиться во власть худородным и «нерукопожатным» дворянам, тем более выходцам из других сословий, раздутость бюрократического аппарата, непрофессионализм, произвол, волокита, коррупция. Однако государственный аппарат и механизм управления при любой, даже самой демократической модели не является эталоном честности и справедливости. Оставляя в стороне оценку государственно-чиновничьего аппарата России в данный период, отметим лишь то, что худобедно он функционировал и даже удачно справлялся со своими задачами на огромной имперской территории, что немаловажно.

Именно по описанной выше логике Г. Р. Державин в мае 1784 г. указом Екатерины Великой был назначен на должность губернатора Олонецкой губернии.

СТРУКТУРА И КОМПЕТЕНЦИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Для того чтобы яснее представлять себе структуру и компетенцию органов местного управления времён губернаторства Державина, обратимся к авторитетному специалисту в этом вопросе — советскому историку Н. П. Ерошкину.

В 1775 г. Екатерина II провела большую реформу местного управления и суда. Основой изменений стал законодательный акт «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи». Концентрирование в руках губернаторов и воевод административных, полицейских, финансово-хозяйственных и судебных функций, существовавшее до этого в течение почти полувека, признавалось нецелесообразным из-за роста своевольства чиновников на местах и жалоб населения. По сведениям историка, к моменту реформы 1775 г. Россия разделялась на 23 губернии, 66 провинций и до 180 самостоятельных уездов. Большинство губерний были обширнейшими территориальными единицами.

Реформа 1775 г. привела к разукрупнению губерний, их число увеличилось более чем вдвое: к концу правления Екатерины II насчитывалось 50 губерний. Каждая губерния подразделялась на уезды, промежуточная территориальная единица — провинция — была ликвидирована. Новое административно-территориальное деление полностью игнорировало экономические связи отдельных местностей России и национальные особенности местного населения. Каждая губерния, чтобы «порядочно могла быть управляема», должна была иметь от 300 до 400 тыс. ревизских душ, а уезд — 20–30 тыс. ревизских душ. Большинство губерний получило наименование по губернским городам (Тверская, Вологодская), некоторые — по рекам (Енисейская), озёрам (Забайкальская), историческим наименованиям местности (Волынская, Таврическая) и т. п.

В основе реформы 1775 г. лежал принцип децентрализации местного управления, т. е. расширения распорядительных и исполнитель-

ных прав местных чиновников и учреждений: им были переданы многие функции и права коллегий, контор и прочих центральных учреждений.

Все звенья местного управления по реформе 1775 г. должны были скреплять главнокомандующие или наместники (генерал-губернаторы). Это были должностные лица, наделённые чрезвычайными полномочиями и ответственные только перед Екатериной II[1]. Наместники назначались преимущественно из высших сановников, которые при нахождении в Петербурге могли принимать участие в деятельности Сената наравне с сенаторами.

Неопределённые формулировки, регламентировавшие права наместника по «Учреждениям о губерниях», давали ему необъятные полномочия. Обязанный «строгое и полное взыскание чинить со всех ему подчинённых мест», наместник был главой местной администрации и полиции, осуществлял общий надзор за всем аппаратом управления и суда, чиновниками и сословными органами генерал-губернаторства. Формально не вмешиваясь в судопроизводство, наместник мог оказывать давление на судебные решения, останавливать исполнение приговоров. Наместнику подчинялись войска, находившиеся на территории наместничества. Исполнительным органом наместника было наместническое правление из 2–3 советников.

Добавим к этому и нечёткое разграничение между полномочиями генерал-губернатора и правителя наместничества, или губернатора. «Учреждения о губерниях» не содержали на этот счёт чётких предписаний и формулировок, что нередко являлось предметом административных и личных столкновений на местах между «хозяином» губернии и её правителем. В случае с Державиным данная законодательная недоработка была отправной точкой многих служебных коллизий знаменитого поэта.

Все учреждения и должностные лица, созданные местной реформой 1775 г., Н. П. Ерошкин подразделял на три основные группы: административно-полицейские, финансово-хозяйственные и судебные. Первая группа была представлена в губернии губернатором, губернским правлением и Приказом общественного призрения, а в уезде — земским капитан-исправником, нижним земским судом и городничим. Административным начальником каждой губернии являлся губернатор, который управлял губернией с помощью коллегиального учреждения — губернского правления. Губернское правление было основным

---

[1] Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 129.

административным учреждением губернии. Оно доводило до сведения подчинённых учреждений и чиновников законы и государственные распоряжения, побуждало их к исполнению.

Особое место в администрации каждой губернии занимало совершенно новое учреждение — Приказ общественного призрения. В состав этого учреждения, возглавляемого губернатором, входили заседатели от губернских сословных судов. Приказы общественного призрения управляли местными школами, медицинскими и благотворительными учреждениями (госпиталями, больницами, богадельнями, сиротскими домами)[1].

Губернатору и губернскому правлению в уезде был подведомствен нижний земский суд — полицейский орган, состоящий из избираемых дворянством уезда земского капитан-исправника и 2–3 заседателей. Он исполнял распоряжения вышестоящих властей, а также приговоры судов, проводил предварительное следствие по уголовным преступлениям. На него возлагалась основная полицейская функция по охране правопорядка в уезде. В ведении исправников и нижних земских судов находились и иные полицейские задачи: побуждение «тяглого» населения к исправной уплате податей и сборов, выполнение натуральных повинностей, надзор за порядком во время торговли, продовольственными делами и состоянием дорог, соблюдением противопожарных и противоэпидемических мер и т. п. Охрана «тишины и спокойствия» в уездном городе возлагалась на городничего, выполнявшего на территории города функции земского исправника.

Финансово-хозяйственные функции обособились в ведении особой группы учреждений: казённой палаты — в губернии и казначейства — в уезде. Председателем казённой палаты был вице-губернатор, а членами — директор экономии, советник, два асессора и губернский казначей. Казённая палата распоряжалась множеством финансовых и административно-хозяйственных дел. Ею были восприняты некоторые функции Камер- и Ревизион-коллегии: заведовала податным делом, надзирала за налоговыми поступлениями, осуществляла финансовый контроль[2]. Казённая палата ведала источниками доходов: государственными имуществами (землями, лесами, водами, казёнными предприятиями), государственными, дворцовыми, экономическими крестьянами, винными откупами и подрядами, продажей соли, заведовала казёнными зданиями,

---

[1] Ерошкин Н. П. Указ. соч. С. 130.

[2] Там же. С. 131.

надзирала за частной торговлей и промышленностью. Палата проводила и учетно-статистическую работу по ревизиям — переписям податного населения. В ведении казённой палаты находились уездные казначейства — кассы, ведавшие приёмом, хранением денежных сборов и доходов и выдачей чиновникам по распоряжению властей денежных сумм.

Реформа 1775 г. создала целую систему местных судов. В губернии действовали общесословные палаты уголовного и гражданского суда, суды специального назначения — совестный и надворный, а также сословные суды — верхний земский, губернский магистрат и верхняя земская расправа; в уездах это были сословные суды — уездный суд, городовой магистрат (или ратуша) и нижняя земская расправа. Важнейшими местными судами признавались палаты уголовного и гражданского суда. Палаты уголовного суда наследовали права Юстиц-коллегии, а палаты гражданского суда — Юстиц- и Вотчинной коллегий. Обе палаты являлись апелляционными инстанциями для пересмотра дел, решённых в нижестоящих судах. Состав каждой из палат (председатель, два советника и два асессора) назначался Сенатом.

Совестный суд несколько разгружал суды губернии от многих запутанных дел: как уголовных (преступлений безумных, несовершеннолетних, от несчастных случаев, «колдовских» дел), так и гражданских (главным образом, тяжб между родственниками). Этот суд ставил целью примирение сторон; в случае несогласия на это примирение дело передавалось в обычные суды. Несколько особое место занимали созданные в столицах верхние и нижние надворные суды с назначаемым составом судей. Они обслуживали чиновников и разночинцев. Создание надворных судов свидетельствовало о желании правительства выделить подсудность столичных чиновников из ведения общих судов, а также приспособить судебную систему государства к разложению сословий и выделению новой социальной группы — разночинцев.

В каждой губернии создавались сословные суды для рассмотрения в апелляционном порядке уголовных и гражданских дел дворян — верхний земский суд, горожан — губернский магистрат, а также государственных, экономических, дворцовых крестьян, ямщиков, однодворцев — верхняя расправа. Председатели этих судов назначались Сенатом, а заседатели избирались соответствующими сословиями[1]. В каждом уезде действовали сословные суды первой

[1] Ерошкин Н. П. Указ. соч. С. 132.

инстанции: уездный — для дворян, городской магистрат (или ратуша) — для горожан и нижняя расправа — для непомещичьих крестьян.

При уездных судах и городовых магистратах создавались соответствующие сословные органы по опеке. Это были дворянская опека (в составе уездного предводителя дворянства, уездного судьи и заседателей) и сиротский суд (в составе городского головы, членов магистрата и городского старосты). Их задачей было сохранение соответствующей дворянской или купеческой собственности в том случае, если владельцами её оказывались вдовы, малолетние или лица, проматывающие состояние и вообще «порочные». Над такими владельцами назначались опекуны, которые управляли опекаемым имуществом за 5 % с его доходов. Дворянские опеки и сиротские суды осуществляли надзор за состоянием этих опек, разбирали жалобы на опекунов.

Реформа 1775 г. создавала в каждой губернии внушительный штат чиновников прокурорского надзора. Это были губернский прокурор с двумя помощниками — стряпчими (уголовных и казённых дел)[1]. Кроме того, при каждом губернском сословном суде назначалось по одному прокурору и двум стряпчим. В каждом уезде действовал подчинённый губернскому прокурору уездный стряпчий. Роль этих чинов прокуратуры на местах, как замечает исследователь, была незначительной. Губернский прокурор по чину был ниже не только губернатора, но и вице-губернатора, председателей палат уголовного и гражданского суда и равен лишь советникам губернских правлений и палат, председателям верхнего и земского суда и совестному судье. Это были как раз те чиновники, за деятельностью которых губернский прокурор должен был надзирать. Ещё ниже были остальные чины прокурорского надзора. Чины прокуратуры при судах, впрочем, существовали только на бумаге. Действия чинов прокуратуры ограничивались весьма немногосложными задачами: формальным «надзором» за «законностью» действий чиновников и учреждений и за чтением текстов вновь полученных законов чиновникам «присутственных мест» с соответствующим «разъяснением» их.

«Учреждения о губерниях» вводились постепенно. При проведении губернской реформы 1775 г. в жизнь окончательно определилась и третья (высшая) территориальная единица — наместничество, возглавляемая наместником (генерал-губернатором). Каждое наместничество состояло чаще всего из двух губерний. 13 июня 1781 г.

---

[1] Ерошкин Н. П. Указ. соч. С. 133.

было утверждено «расписание» новых 40 губерний с распределением их между 19 наместниками. Ряд последовавших за реформой 1775 г. законодательных актов дополнял «Учреждения о губерниях». По мнению Н. П. Ерошкина, реформа 1775 г. не только усилила местный чиновничий аппарат, но повысила значение местного дворянства в управлении и суде. Ещё заметнее была роль местного дворянства в уезде. Дворяне выбирали не только главу уездного дворянства — предводителя, но и главу полиции — земского исправника, главу сословного суда — уездного судью, заседателей в уездный суд, заседателей в нижний земский суд, порой и в нижнюю расправу, т. е. до половины состава чиновников уезда. Остальные чиновничьи вакансии (включая даже должность уездного стряпчего — блюстителя «законности» в уезде) заполнялись губернской администрацией из местных дворян[1].

[1] Ерошкин Н. П. Указ. соч. С. 134.

ГУБЕРНАТОРСТВО В ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ

Назначение Державина в Олонец губернатором было повышением, но незначительным (как называет М. Л. Гольденберг, «ответственной командировкой»[1]). Объяснялось это следующим. В числе последних губерний по губернской реформе в 1784 г. в Карелии, на Русском Севере, была создана Олонецкая. Она вместе с Архангельской губернией образовала наместничество во главе с генерал-губернатором Т. И. Тутолминым, непосредственным начальником Г. Р. Державина. Тимофей Иванович Тутолмин, типичный представитель екатерининской гражданской администрации, являлся бывшим кадровым офицером, успел до этого послужить вице-губернатором в г. Твери и губернатором в г. Екатеринославле (ныне — г. Днепропетровск). Как отмечали современники, он был довольно образован, хотя несколько груб и ограничен во взглядах, при этом не лишён тщеславия.

Карелия (или Олонь) хоть располагалась недалеко от Петербурга, но была самой настоящей дикой глушью: непроходимые тундровые леса, болота, отсутствие дорог (пароходное сообщение со столицей появится только в 1860 г.), обширная, но малозаселённая территория. Единственными градообразующими предприятиями Петрозаводска, столицы наместничества, являлись Петровский медеплавильный и Александровский пушечный заводы. Основную часть населения губернского и немногочисленных уездных городов составляли купцы, мещане и рабочие заводов. Петрозаводск был полностью застроен деревянными постройками, улицы его были немощёными и неосвещёнными, не было ни лечебных, ни учебных, ни культурных учреждений. Да и административных учреждений там ещё толком не было. Четыре уездных города (Олонец, Каргополь, Повенец и Вытерга) мало чем отличались от больших деревень[2]. Одним

---

[1] Гольденберг М. Л. Г. Р. Державин: у истоков Олонецкой губернии // Г. Р. Державин и диалектика культур: мат-лы Междунар. науч. конф. (13–15 июля 2010 г.). Казань, 2010. С. 110.

[2] Эпштейн Е. М. Г. Р. Державин в Карелии // Север. 1985. № 8. С. 107.

словом, энергичному поэту-администратору было предоставлено широкое поле для деятельности «с нуля».

Сорокалетний Г. Р. Державин, несмотря на явные трудности, всё же с активностью и энтузиазмом взялся за «отправление» своей новой должности. Он переправил водным путём в Петрозаводск свою библиотеку, насчитывающую 3 тыс. томов книг и журналов, которая стала в городе первой крупной частной библиотекой, а также купленную на личные средства мебель для канцелярских учреждений, взял с собой трёх молодых помощников: Н. Ф. Эмина (впоследствии стал губернатором Финляндии), А. М. Грибовского (будущий статс-секретарь Екатерины II) и Ф. Г. Поспелова. За своё 13-месячное пребывание в губернии (с сентября 1784 г. по ноябрь 1785 г.) Державин многое успел сделать: основал г. Кемь, открыл первую больницу, аптеку, способствовал благоустройству г. Петрозаводска, создал народные училища, губернский архив, почтовую службу, решал проблемы, связанные с переделом земель государственных крестьян, обеспечивал рекрутские наборы, разбирал многочисленные жалобы местного населения, по заданию Академии наук, членом которой он, кстати, являлся с 1783 г., составил топографическое и этнографическое описание губернии, составил административные уставы и правила для ряда учреждений[1].

При этом его деятельность встречала всяческие препоны в лице местного несведущего чиновничества, недовольного вводимыми им жёсткими порядками, необходимостью соблюдения законных рамок работы. В своей принципиальности и активности Державин не мог не столкнуться с властолюбивым и не терпящим новшеств Тутолминым. Вновь, как и в случае с П. И. Паниным и А. А. Вяземским, Державин вступил с ним в открытый и непримиримый конфликт, окончившийся, как известно, отставкой Гавриила Романовича.

По справедливому мнению Е. М. Эпштейна, основания для спора с Тутолминым у Державина были: во-первых, введённый Тутолминым «канцелярский обряд» (правила ведения делопроизводства, составленные им самим) явно противоречил закону, запрещавшему генерал-губернаторам собственное правотворчество, к тому же делал неэффективным делопроизводство; во-вторых, его указание о лесонасаждении явно было лишним в тундровых лесах Онеги и Ладоги; в-третьих, сделанное ранее Тутолминым описание Олонецкой губернии пестрило грубыми ошибками и приписками[2].

---

[1] Эпштейн Е. М. Указ. соч. С. 109–111.

[2] Там же. С. 109.

Инициативные административные предложения

Не дублируя сведений из монументального биографического труда Я. К. Грота, авторитетных исследований Е. М. Эпштейна и О. Г. Левенштейна о карельском периоде деятельности Державина, обратим внимание на малоизученные аспекты административной деятельности Державина-губернатора в этом крае. В частности, проанализируем его предложения, направленные Олонецкому наместническому правлению, которые появились в результате обнаруженных там Державиным недостатков, просчётов и нарушений. Данные предложения были написаны им во время путешествия по губернии с июля по сентябрь 1785 г., во время которого он их составлял, как говорится, по горячим следам и отправлял нарочным в наместническое правление. Как сообщает Я. К. Грот, подлинные записки были утрачены в архиве Петрозаводска в середине XIX в., однако один из чиновников губернии А. И. Иванов успел снять с них копии, которые теперь хранятся в рукописном отделе РНБ. Всего за три месяца Державиным было составлено 39 предложений, опубликованных академиком Я. К. Гротом в 7-м томе «Сочинений» Державина. Помимо того, что эти предложения содержат ценные сведения о конкретной деятельности Державина-губернатора, они ещё дают представление о чиновничьем быте той поры.

Систематизировав все предложения Державина, мы сгруппировали их в семь направлений: вопросы делопроизводства и служебной дисциплины; хозяйственные вопросы; борьба с коррупцией; волокита в судах; межевание земель; рекрутские наборы; социальная сфера (выдача жалований, приём в гражданство иностранных граждан, восстановление сгоревших домов и пр.). Данные замечания мы проанализируем в контексте архивных материалов из журналов заседаний Олонецкого наместнического правления за 1785 г.[1], а также иных опубликованных деловых бумаг Державина.

Так, в феврале 1785 г. Державин выявил нарушение в деятельности губернского магистрата, которое заключалось в том, что бургомистр Каратяев не отпускал мещанина И. Мартьянова в Петербург на мраморные работы, связанные со строительством Исаакиевского собора. Он мотивировал свой отказ выдать мещанину паспорт наличием

[1] РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 690.

ложного предписания магистрата не выдавать паспортов на отлучку из губернии без согласия на то отцов заявителей. Однако Державин обнаружил, что такого указания вовсе не было и рапорт бургомистра был основан на несуществовавших документах. В связи с этим предложение Гавриила Романовича сводилось к тому, чтобы все чиновники наместничества составляли рапорты на основе подлинных документов и в соответствии с законами. А нерадивого бургомистра Каратяева повелел наказать так: наложить на него штраф и «шесть месяцев в каждый субботний день магистратскому стряпчему читать ему высочайшия узаконения и толковать оныя, дабы поучение сие могло ему послужить на предбудущее время в спасительное средство избежать от вящшаго наказания за преступление законов и утеснение челобитчиков»[1].

Вообще своё предназначение как правителя губернии Державин видел в обеспечении соблюдения закона «и чтоб ни знатность вельмож, ни сила богатств совести и правды не помрачали и не притесняли бы бедность и невинность разных дел проволочками, привязками и нападками»[2]. Он разрешил людям любого сословия обращаться к нему лично даже в нерабочее время с жалобами на притеснения и обиды со стороны чиновников. Он считал, что отношение к таким просьбам должно быть максимально чутким[3].

Много предложений и замечаний было сделано Державиным по *правилам ведения делопроизводства*. Так, он предписывал наместническому правлению не указывать его в журналах заседаний во время фактического отсутствия на заседаниях; во время его отлучки извещать его обо всех происшествиях в губернии через курьеров[4]. За наложение неправильных резолюций Державин вводил взыскания, как, например, в случае с вытегорской нижней расправой, игнорировавшей предписания вышестоящей инстанции и незаконно требовавшей «справки о справках»[5]. К тому же губернский прокурор, советники и судьи палаты гражданского суда не вовремя и неправильно подписывали («крепили») журналы, с чем Державин терпеливо боролся, принуждая их следовать указаниям закона[6].

Губернатором было замечено, что казённая палата нарушала субординацию и раздавала циркуляры судебным ведомствам, что было

---

[1] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 45.

[2] Там же. С. 47.

[3] ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 3. Д. 8. Л. 69–72.

[4] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 51, 53–54.

[5] Там же. С. 75.

[6] РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 690. Л. 13–17, 21 об–25.

только в компетенции губернатора[1]. В некоторых присутственных местах Державин вскрыл случаи неправильного и медленного производства дел (в нижнем земском суде было 119, а в нижней расправе — 38 нерешённых судебных дел). В ряде документов (в ревизских сказках) он обнаружил подчистки и исправления[2].

Были и случаи наглой клеветы на Державина со стороны чиновников наместнического правления (Соколова, например). Однако Державин великодушно прощал своих обидчиков, а коменданту Михайлову предписывал строго следить за состоянием преступности в городах[3].

Обращал он внимание и на *упущения в сфере финансов*. В частности, он заметил в д. Янишполь, что откупа[4] отдавались в оброк не на четыре года, как это было закреплено в законе, а на 30 (!) лет без переоброчки. В связи с этим он предписывал директору экономии составить списки всех оброчных статей[5] и привести их в соответствие с требованиями закона[6].

К *хозяйству губернии* Державин проявлял недюжинный интерес и рачительность. В этом смысле интересно проанализировать его «Мнение о казённых хлебных магазинах», составленное им в апреле 1785 г. Запасные хлебные магазины устраивались в каждой губернии на случай неурожаев и иных бедствий, чтобы помогать крестьянам путём выдачи им взаймы под небольшой процент семян на посев или хлеба на пропитание. Проведя ревизию ведомостей запасных хлебных магазинов, Державин обнаружил в них путаницу, исправления, недоимки, «полное запущение дел», связанных с пополнением складов.

В связи с нехваткой хлеба в данных магазинах он сомневался в целесообразности списания крестьянских долгов, полагая, что это будет способствовать росту крестьянской лени. Хотя губернатор учитывал суровые климатические условия и неплодородие почв края[7], он пред-

---

[1] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 78–79.

[2] Там же. С. 83–85.

[3] Там же. С. 51–53.

[4] Откупная система — система сбора с населения налогов и иных государственных доходов, при которой государство за определённую сумму передавало право их сбора частным лицам (откупщикам). Откупщиками обычно были купцы, реже — дворяне.

[5] Оброчная статья, оброк — это вид прямого налога, который уплачивался в казну за предоставление частному лицу права пользоваться казённой землёй, угодьями или заниматься каким-либо промыслом.

[6] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 54.

[7] Там же. С. 96–98.

лагал выдавать хлеб бесплатно только неимущим, а всем остальным продавать его за деньги. Державин считал, что свободный заём хлеба приумножал долги, т. к. крестьяне на него «беспечно надеялись» и ничего сами не хотели делать. Они, получив в долг хлеб, не довозили до дома (расстояния были велики), продавали в пунктах его выдачи, а деньги пропивали. В то время как финны, замечал Гавриил Романович, обходились и без хлеба, питаясь «рыбою, ужовым корнем и сосновым хлебом»[1].

Державин предлагал распоряжаться хлебными запасами похозяйски: поставить выдачу хлеба под контроль наместнического правления, директора экономии, нижнего земского суда; раздавать хлеб только деревенским старостам под расписку. Директор экономии, по плану Державина, должен был требовать от старост данные о посевах хлеба, о распоряжении семенным фондом, выданным в долг. В случае утайки и неправильных данных считал нелишним наказывать старост путём отправки их в работный дом[2]. Старосты должны были заботиться об увеличении урожайности хлебов. Для того, чтобы занять местное население и дать возможность заработать им деньги, Державин предлагал также развивать промыслы[3].

Продумал Державин и случаи возможного злоупотребления: покупку дешёвого хлеба купцами для последующей перепродажи. Он предлагал выдавать хлеб только по подтверждённым свидетельствам от нижнего земского суда, а всем остальным продавать его на 12 % дороже. По его подсчётам, на вырученные деньги можно было бы вновь пополнить магазины необходимыми запасами. В связи с большими расстояниями, бездорожьем и трудностями дороги, Державин считал целесообразным назначить удобное время для раздачи хлеба — апрель и ноябрь. Предписывал, чтобы крестьяне приезжали за ним целыми семействами, а ответственность за доставку хлеба в селения в целостности возлагал на старост. В случае неурожая у одной части селения, другая должна была помогать ей, т. е. Державин предлагал создать наряду с государственными хлебными магазинами и крестьянские складочные магазины, которые приучили бы крестьян к трудолюбию и бережливости[4]. Подумал он и о том, как использовать оставшийся монастырский хлеб:

---

[1] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 101.

[2] Работный (рабочий) дом — место лишения свободы за нетяжкие административные правонарушения.

[3] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 102–103.

[4] Там же. С. 104–105.

он предлагал выбрать из зажиточных крестьян ларёчного, который бы раздавал и продавал его своим собратьям[1].

Отдельно Державин указывал на необходимость обязательного взыскания с крестьян процентов за выданный хлеб по принципу круговой поруки, чтобы было на что закупать новые запасы. Согласно его плану, приходно-расходные книги из магазинов должны были два раза в год присылаться в казённую палату для проверки[2].

Этот довольно продуманный в хозяйственном отношении план так и не был реализован: посланный Тутолмину, он остался без ответа.

Находясь в Олони, Державин заинтересовался *вопросом обеспечения страны собственной солью*. В 1785 г. он составил «Примечание о поморских соляных варницах». Он подробно изучил историю зарождения этого промысла на Белом озере, состояние варниц, технологию выварки соли, устройство варниц и порядок поставки соли в города. Державин сообщал, что до того, как в 1775 г. монастырские хозяйства перешли в ведение коллегии экономии, соляные варницы принадлежали Соловецкому монастырю и местным крестьянам. Объёмы поставки соли не были чётко регламентированы, и её поставляли, сколько выварят. Потом монастырские варницы стали казёнными и были переданы Главной соляной конторе, которая передала их под непосредственное руководство Олонецкому соляному комиссариатству. Все бывшие монастырские варницы и сопутствующее к промыслу имущество были переданы крестьянам. Однако состояние варниц оставляло желать лучшего: «уповательно, нигде никаких фабрик и заводов, так худо устроенных и в таком нерачении содержанных, не находится, каковы наши морския соляныя варницы». «Все похожи бедностью строений, нечистотой, сором, варницы больше походят на скотские хлевы, чем на строения. Соль производится в яме на сковороде, примитивно. Сушат соль в ларях, похожих на собачьи конуры. Амбары то же неказистые, не имеют толком не дверей, не замков. Печатей не имеют, хотя их нетрудно сделать»,— описывал устройство варниц Державин[3].

Изучив историю и состояние Медвежьегорских *золотых и серебряных приисков*, Державин считал необходимым увеличить ассигнования на развитие этой отрасли промышленности в интересах государства[4].

---

[1] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 107.

[2] Там же. С. 105–106.

[3] Там же. С. 647–650.

[4] РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 693.

Особой головной болью губернатора были *рекрутские наборы*. Державин указывал нижним земским судам разыскивать уклонявшихся от службы мещан и крестьян и принуждать их к военной службе[1].

Не оставались в стороне от внимания губернатора и *экологические вопросы*: он запрещал устраивать заколы на реках, которые препятствовали бы рыбной ловле и судоходству по рекам[2].

Много предложений касалось *урегулирования споров между государственными крестьянами* в результате проведения Генерального межевания земель[3]. Державин предписывал директору экономии самолично объезжать спорные участки и улаживать несоответствия на месте[4]. Однако тот превышал свои полномочия. И вместо того, чтобы собрать сведения и составить на их основе предложения о размежевании земель между крестьянами, издавал противоречащие друг другу приказы крестьянским старостам. По словам Державина, они вызвали в Вытегорском уезде раздоры и драки, «близкие к смертоубийству и междоусобному возмущению»[5]. Об этом Державин в октябре и ноябре 1785 г. написал рапорты в Сенат как ответ на жалобы на него генерал-губернатора[6]. Он оправдывался за свои действия по усмирению взбунтовавшихся крестьян, отмечая, что пытался исправить необдуманные действия директора экономии, устроил суд в г. Пудоже на месте волнений, так как нижняя расправа находилась в г. Вытерге, а он знал (по опыту подавления Пугачёвского восстания), что медлить в таких делах было нельзя.

Заботясь об освоении края и *привлечении иностранных специалистов* («как это требуют здравый рассудок и польза государственная»), Державин предлагал распространить льготы не только на тех иностранцев, которые переселялись в Россию целыми семьями, но и поодиночке, как в случае со шведами Авраамом Егоровым и Павлом Падеровым[7].

Есть распоряжения Державина и о *строительстве казённых зданий в новых городах*[8]. Уделял внимание он и *правильной застройке улиц*,

---

[1] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 54–55.

[2] Там же. С. 55.

[3] Генеральное межевание земель Российской империи — это комплекс мероприятий по установлению точных границ поземельных владений, начатое с 1755 г. и продолжавшееся до конца XVIII в.

[4] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 56.

[5] Там же. С. 59.

[6] Там же. С. 87–93.

[7] Там же. С. 65–66, 77–78.

[8] Там же. С. 58.

предписывал соблюдать утверждённые градостроительные планы. Так, он наказывал земским нижним судам и капитан-исправникам следить за тем, чтобы сгоревшие или ветхие крестьянские дома вновь выстраивались по городскому плану, соблюдая направление улиц. Для этого он советовал заранее выдавать крестьянским старостам копии планов городской застройки[1].

Столкновения с олонецким чиновничеством

Особенное возмущение вызывали у Державина коррупционные случаи. Так, из предложения о командировании стряпчего верхнего земского суда Бидберга в г. Каргополь для расследования дела о тамошних взятках мы узнаём, что все судьи, секретари, стряпчие и канцелярские служащие, кроме новоизбранных магистратских и сельских заседателей, неискушённых в административном деле, а также городничего Дернова, оказались взяточниками и находились под судом. Расследовать это дело попросту было некому, так как все были замешаны в коррупции и имели заинтересованность в деле. Однако губернский прокурор Грейц запретил посылать стряпчего Бидберга в Каргополь, ссылаясь на обилие судебных дел в Петрозаводске. На что Державин возражал, указывая на то, что Бидберг уже полгода сидел без дела. Он напоминал прокурору и то, что для введения Тутолминского «канцелярского обряда» по уездам время у стряпчих нашлось, а для независимого расследования фактов взяточничества — нет[2]. К тому же Гавриил Романович жаловался на Грейца за то, что тот «слабо исполнял свои обязанности», незаконно содержал более трёх недель колодников, не допрашивая их. В ведомстве прокурора, по сообщению Державина, находилось много нерешённых дел, давность которых исчислялась десятками лет[3].

Боролся Державин с губернским прокурором и советником Соколовым за выдачу заслуженного жалованья секретарю наместнического правления Сафонову за дополнительную работу и выполнения отдельных поручений губернатора[4]. Он напоминал губернским чиновникам,

---

[1] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 74–75.

[2] Там же. С. 67–69.

[3] РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 690. Л. 21.

[4] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 70–72.

что в силу закона он как губернатор имел право доплачивать деньги своим подчинённым за выполненные поручения сверх штата, не выходя за рамки отведённой суммы на жалование канцелярским служащим.

Столкновение с советником Соколовым было вызвано тем, что Державин понуждал его к добросовестному исполнению обязанностей, а тот всячески тому противился, отказывался подписывать протоколы и журналы собраний наместнического правления, мотивируя нежеланием подчиняться младшему по возрасту и по должности секретарю Сафонову[1]. Дело началось ещё в июле 1785 г., когда Соколов, проявив неуважение к губернатору, не стал подписывать протокол собрания наместнического правления, сказавшись больным. На дому он тоже не стал ничего подписывать, хотя по закону он это мог и должен был делать. Державин решил провести медицинское освидетельствование заболевшего. Гавриил Романович предписывал строптивому советнику в случае его несогласия с губернаторскими решениями сообщать ему об этом письменно, напоминая о том, что все приказы губернатора следует исполнять[2].

Из-за въедливости и стремления контролировать подчинённых Державин вступил в противоречие с губернским прокурором, который жаловался Т. И. Тутолмину на то, что губернатор рассматривает те дела, которые адресованы прокурору. Державин отвечал, что смотрел копии прокурорских бумаг и заметил неправильное применение статей закона: стряпчий и губернский прокурор необоснованно затягивали решения многих судебных дел. Державин подчёркивал, что он как правитель наместничества имел право знакомиться с этими документами и понуждать нерадивых чиновников к более быстрому и объективному рассмотрению дел в судах. Более того, Державин предлагал приобрести для губернского прокурора столы, шкафы, стулья, специальные сейфы для хранения протоколов и журналов[3].

Такую заботу судейские чиновники не оценили и, как следует из журнала заседания Олонецкого наместнического правления за июль 1785 г., писали неположенные резолюции и не уведомляли губернатора о ходе рассмотрения дел. Державин настойчиво вёл свою линию: предписывал всем ведомствам сохранять узаконения наместнического правления, «чтобы правосудие и истина во всех судебных и подчинённых ему местах обитали и чтоб ни знатность вельмож ни сила богатых

---

[1] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 75–77.

[2] РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 690. Л. 1–4 об.

[3] Там же. Л. 5 об.–8.

совести и правды помрачать, и бедность вдов и сирот тщетно проливая слёзы в делах справедливых утеснена не была»[1].

Итог такого противостояния был предсказуем. Державин в ноябре 1785 г. выехал из губернии под предлогом осмотра двух уездов. Сам же направился в Петербург искать заступничества Сената и императрицы. Он написал возражения на все обвинения Тутолмина. В них он критиковал введённый Тутолминым «канцелярский обряд»[2]. Его исполнения Тутолмин, по мнению Державина, требовал как сенатских указов, «возомня себя законодателем»[3]. Гавриил Романович возражал также против стремления начальника собрать все свои узаконения в единую книгу, считая это прерогативой Сената. В свою очередь, Державин предлагал вести реестр всех указов и распоряжений императрицы и Сената в хронологическом порядке, записывая в нём их краткое содержание и сравнение со старыми законами. Распоряжения же губернских властей необходимо было собирать в отдельном перечне, не смешивая с вышестоящими узаконениями. Подлинные указы с подписью императрицы Гавриил Романович советовал хранить в отдельном ковчеге и выставлять на специальном столе в губернском правлении. Державин вспоминал при этом беспрецедентную в истории страны работу Уложенной комиссии, членом которой он тоже был. Она, по его словам, являлась «неслыханным примером снисхождения угождать подданным, а не то, чтобы подданные раболепствовали своенравию монарха»[4].

Державин обвинял Тутолмина во введении новых сборов по губернии, ущемлении его прав как правителя наместничества, в то время как он «скромно переносил сделанные ему неуважения»[5]. Указывал он и на личные предпочтения генерал-губернатора местным чиновникам: покровительство советнику Шишкову (он его защищал от нападок Державина), прокурору верхнего земского суда, который за «ревностную» службу (ничего не делал и отсутствовал на рабочем месте в течение полугода) был награждён очередным чином, губернскому казначею Дациевичу, который совершал махинации с казёнными деньгами при строении присутственных мест (видимо, как предполагал Державин, за это был награждён аж тремя чинами сразу)[6]. Тутолмин, по сведе-

---

[1] РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 690. Л. 10–10 об.

[2] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 109–110, 112.

[3] Там же. С. 115.

[4] Там же. С. 644–646.

[5] Там же. С. 111, 114.

[6] Там же. С. 119.

ниям Державина, как будто и не видел всех беспорядков и ничего не предпринял по их устранению[1]. Генерал-губернатор сам нарушал законы, хотя был поставлен для их исполнения и защиты. В частности, он составил «черненный своей рукой судебный приговор», принятый впоследствии к исполнению[2].

В письме к поэту и другу В. В. Капнисту от 29 апреля 1785 г. Державин не без иронии замечал, что Тутолмин «негодный стихоткач, как и худой законодатель»[3]. В письме к императрице Гавриил Романович писал о том, что он только один во всей Олонецкой губернии посмел противиться «самовластью» Тутолмина, последовательно насаждавшего свой «канцелярский обряд». Он жаловался царице, что 4 месяца терпел стыд и унижение от самодура-начальника. Он действовал в соответствии с губернаторскими предписаниями, где было зафиксировано, что его обязанность была бороться с непорядками и злоупотреблениями[4].

Т. И. Тутолмин тоже не сидел сложа руки, обвиняя Державина в попустительстве и «недоброхотстве» по должности. Даже спустя 7 лет после отъезда Державина из Олонецкой губернии он в письме от 20 июня 1792 г. к фавориту императрицы П. А. Зубову просил его содействия в споре с Державиным. Настаивал на прекращении сбора документов сенатским чиновником Медером в губернии по инициативе Гавриила Романовича. Он писал, что никогда никто на него не жаловался прежде[5].

Таким образом, недолгое присутствие беспокойного поэта во главе Олонецкого наместнического правления оставило глубокий след в памяти современников и потомков. Надо отдать должное Гавриилу Романовичу, который, не имея ни малейшего представления о сущности губернаторской должности, необходимого опыта и помощников (в правлении работали даже дети и подростки, мало-мальски знавшие грамоту[6]), смело и уверенно стал развивать губернию. Вопреки устоявшимся предвзятым мнениям (С. А. Приклонский[7], П. И. Иванов[8] и пр.),

---

[1] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 120.

[2] Там же. С. 121.

[3] Сочинения Державина... СПб., 1869. Т. 5. С. 409.

[4] Там же. С. 413–414.

[5] ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 1. Т. 20.1. Л. 204–205 об.

[6] Эпштейн Е. М. Указ. соч. С. 107.

[7] Лонский (Приклонский) С. А. Державин в Петрозаводске // Русская мысль. 1883. № 10–11.

[8] Иванов П. И. Опыт биографий генерал-прокуроров и министров юстиции. СПб., 1863.

Державин действовал вполне продуманно, адекватно обстоятельствам и духу времени, все его предложения были разумны и при должных условиях в случае их реализации принесли бы немало выгод Олонецкому краю. Конечно, нельзя не заметить напористость, фееричную энергию, своеволие, прямолинейность при воплощении задуманных мер, мешавшие в служебных и личных отношениях с начальством и подчинёнными. Некоторые предложения опережали своё время, не находя понимания и поддержки у современников (например, систематизация законодательства была проведена только в первой трети XIX в., создание негосударственных запасных хлебных магазинов произошло только после отмены крепостного права и пр.).

Несмотря на сопротивление со стороны подчинённых, с низким моральным уровнем которых он вынужден был бороться, проблемы с материальным обеспечением (нехватка средств на обустройство присутственных мест), перебои с выплатами жалования чиновникам (например, в протоколе заседания Олонецкого наместничества за март 1785 г. упоминалось, что в последний раз служащие получали жалование в декабре 1784 г.), усилиями Державина в Олонецкой губернии были заложены основы государственной службы, профессиональных традиций и кадров, качественно отличившихся от петровского времени. Державин не избегал ответственности: лично возглавил работу Приказа общественного призрения. На строительство первой в губернии больницы Гавриил Романович пожертвовал из личных средств 100 руб., притом что его годовое жалование составляло 3 тыс. руб.[1]

Не играло лишь на руку активному губернатору его ярое, чрезмерное стремление следовать закону. Было наивно полагать, что в отдалённой глухой губернии, где местное начальство было ближе и почиталось выше столичного, процветали законность и справедливость. Характерно, что взятый служебный стиль поведения не корректировался в зависимости от обстоятельств и людей. Державин бросал вызов системе и отчаянно ей сопротивлялся.

---

[1] Гольденберг М. Л. Г. Р. Державин — основатель государственной службы в Олонецкой губернии // Державинский сборник–2010 / отв. ред. О. П. Лурье, М. Л. Гольденберг. Петрозаводск, 2010. С. 32–36.

ГУБЕРНАТОРСТВО В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Благодаря заступничеству влиятельных вельмож А. А. Безбородко и А. Р. Воронцова, в декабре 1785 г. Державин именным указом императрицы был назначен губернатором Тамбовской губернии[1] *(см. приложение 1, документ № 10)* и стал пятым по счёту с момента открытия наместничества в 1779 г. В г. Тамбов он прибыл в марте 1786 г. Поначалу он очень радовался переводу в одну из плодородных губерний Центральной России. У него сложились довольно приятельские отношения с генерал-губернатором Тамбовской и Рязанской губерний и новым начальником Иваном Васильевичем Гудовичем, отставным боевым офицером. В письме к сослуживцу по Олонецкой губернии Д. М. Свистунову от 11 марта 1786 г. Державин писал о том, что в Тамбове он имел «тысячу выгод перед Петрозаводском»: хороший дом, приятное общество, достаточное количество подчинённых, руководствовавшегося в своей деятельности законами генерал-губернатора[2].

Приятное впечатление длилось, однако, недолго: флёр первоначального взаимного обаяния развеяли принципиальность и честность Державина, ставшие причинами того, что с января 1787 г. начались ссоры и придирки, в 1788 г. переросшие в открытую войну с местным чиновничеством и влиятельным купечеством. Более продолжительное, по сравнению с олонецким периодом, пребывание Державина в Тамбове, как известно, закончилось для него драматичнее всего — он был отдан под суд по наветам политически сильных противников.

Кипучая деятельность Гавриила Романовича в Тамбовской губернии развивалась практически по тем же направлениям, что и в Олонецкой губернии: обеспечение рекрутских наборов в армию, сборы налогов и недоимок по ним в казну, широкомасштабное

---

[1] РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 139. Л. 264; Ф. 1400. Оп. 1. Д. 695. Л. 2–2 об.

[2] Сочинения Державина... СПб., 1869. Т. 5. С. 438.

благоустройство губернского и ряда уездных городов (введение правильной застройки, каменного мощения и освещения городских улиц), активные социально-просветительские мероприятия (открытие первых народных училищ, театра, типографии, учреждение первой провинциальной газеты, обеспечение всех присутственных мест сборниками действовавших законов, строительство тюрем для арестантов и пр.).

Найденное нами в РГИА архивное дело раскрывает малоизвестную деятельность Державина по устройству на территории Тамбовского Казанского монастыря резиденции тамбовского епископа Феодосия (Голосницкого), именуемой в источниках как архиерейский дом. В частности, из переписки бывшего генерал-губернатора М. Ф. Каменского мы узнаём, что в 1781 г. императрица выделила деньги на строительство в Тамбове резиденции для епископа Феодосия[1]. На просьбу в апреле 1785 г. епископа Феодосия отвести ему землю под сад и огород Державин сообщил ему, что он предоставляет ему 42 квартала в районе ул. Астраханской (современная южная часть ул. Советской)[2]. В мае 1786 г. епископ Феодосий сообщал в письме к Гудовичу о своём желании получить в распоряжение под сад и огород весь городской квартал, чтобы губернатор не дозволял на этой территории селиться горожанам. Гудович согласился и дал распоряжение Державину прекратить раздачу земель обывателям на той территории. На что Державин возразил, ссылаясь на несправедливость отъёма уже заселённых и застроенных земель у горожан, тем самым причиняя им убыток. Он предлагал оставить у епископа его участок, а через год предоставить ему для сада и огорода другое место. Гудович согласился с Державиным и предлагал епископу отложить решение этого вопроса до его приезда в Тамбов в середине лета 1786 г.[3]

Епископ Феодосий с таким предложением не согласился, заявив, что по правилам сад и огород должны были располагаться поблизости от архиерейского дома, а не в отдалении. Он ссылался на ранее сделанное М. Ф. Каменским распоряжение о запрете на землях, отведённых под сад и огород, какого-либо строительства. Однако обыватели Осипов и Лавров нарушили тот запрет, построив баню и огородив забором свои участки земли. Епископ опасался пожара, так как деревянные строения располагались вблизи архиерейского дома. Гудович обещал

---

[1] РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 696. Л. 1.

[2] Там же. Л. 3–5.

[3] Там же. Л. 6–6 об.

помочь[1]. Завершения строительства своей резиденции Феодосий не дождался — в декабре 1786 г. он умер. Обустройство архиерейского дома завершилось при его преемнике епископе Феофиле (Раеве)[2].

Дальнейшее изложение содержания деятельности Державина-губернатора облегчает наличие фундаментального и максимально полного исследования тамбовского периода деятельности Державина тамбовского историка и архивиста Ю. В. Мещерякова[3]. Значительно облегчает нашу задачу и репринтное издание годовой подшивки за 1788 г. газеты «Тамбовские известия»[4], подготовленное тамбовскими историками. Эта газета была первой российской провинциальной газетой, созданной Державиным для освещения жизни одного из наместничеств России. Большое внимание уделялось в ней вопросам просвещения: в ней публиковались списки наиболее отличившихся учеников народного училища, так же как когда-то в университетских «Московских ведомостях» была напечатана заметка о Державине-гимназисте.

Мы же, не повторяясь с известными данными, сконцентрируемся на анализе генезиса конфликта Державина с тамбовским чиновничеством и лично с генерал-губернатором И. В. Гудовичем. Отдельного внимания заслуживают взгляды Гавриила Романовича на вопросы судоходства в губернии, содержащие элементы осознания губернатором не только экономических, но и экологических проблем того времени.

Заботы о судоходстве рек Тамбовской губернии

В 1786 г. Державин после поездки в г. Моршанск и осмотра тамошней пристани составил «Мнение о судоходстве Тамбовской губернии по реке Цне». Руководствуясь государственными интересами, он отмечал важность развития судоходства для успешной торговли

---

[1] РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 696. Л. 7 об.–9 об.

[2] Феодосий (Васнев), епископ Тамбовский и Мичуринский. Тамбовская епархия в годы наместничества Г. Р. Державина в Тамбове // Духовные традиции русской культуры: история и современность (к 265-летию со дня рождения Г. Р. Державина): коллективная монография / науч. ред. Н. Л. Потанина. Тамбов, 2008. С. 19–27.

[3] Мещеряков Ю. В. Гавриил Романович Державин. Тамбовский период деятельности (1786–1788 гг.). Тамбов, 2006.

[4] Тамбовские известия / авт.-сост., вступ. ст., коммент.: В. В. Канищев, Ю. В. Мещеряков, Ю. А. Мизис. Тамбов, 2012.

и бесперебойного обеспечения продовольствием населения. Применительно к Тамбовской губернии, Державин писал о больших выгодах для края и государства от развития судоходства по р. Цне и другим рекам губернии. Державин посчитал, что тогда годовой оборот от судоходства составлял более 1 млн 200 тыс. руб. При этом он обращал внимание и на проблему истребления лесов, так как деревянные суда использовались однократно и после отправки товара не возвращались на свои пристани, что, по его подсчётам, в ближайшие 70 лет могло привести к исчезновению ценных пород сосновых и корабельных лесов[1].

Державин писал, что его предшественники тоже не раз обращали внимание на оскудение лесов из-за неразумного использования лесов на строительстве судов, но они оставались «во всегдашнем забвении и пренебрежении у правительства». Особенно много вреда этой отрасли нанёс генерал-губернатор М. Ф. Каменский, который способствовал тому, что судовщикам было невыгодно возвращаться к тамбовским пристаням из-за высоких поборов за прохождение через 34 моста, а дешевле обходилось каждый год рубить деревья для новых судов[2].

Державин одобрял меры, принятые Гудовичем: для свободного прохода судов по рекам он предписал разобрать мосты на сваях и заменить их канатными, он приказал также все заросшие бечевники[3], заколы и засоры по рекам очистить, а также поручил губернатору изучить состояние рек и подготовить предложения по развитию судоходства[4]. Что и было блестяще выполнено Державиным.

Его план развития судоходства состоял из следующих мер. Во-первых, Гавриил Романович, заботясь о сохранении лесных запасов, предложил поменять технологию строительства судов: строить не топорные, а пильные суда, так как первых из одного дерева выходило не более двух, а вторых — шесть-восемь. С нарушителей предписания он предлагал взимать штрафы. Во-вторых, Державин по примеру других городов предлагал построить специальные верфи-пристани в г. Моршанске, г. Елатьме и г. Темникове (наиболее лесистых уездах губернии), чтобы суда строили только там и только специалисты, а не несведущие в этом деле крестьяне. При верфях Державин

---

[1] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 651–654.

[2] Там же. С. 654–656.

[3] Бечевник — это часть берега реки, предназначенная для устройства пристаней, а также для буксировки судов на бечеве.

[4] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 657.

считал необходимым устроить амбары для сушки и хранения лесного материала. В-третьих, для сбережения редких пород деревьев от напрасного истребления Державин предлагал пригласить специалиста из Адмиралтейства и ластового мастера для осмотра рек. В-четвёртых, он считал полезным ввести поощрения для тех судовщиков, которые приводили бы суда обратно к тамбовским пристаням, а тех, которые этого не делали бы,— штрафовать.

В-пятых, для облегчения доставки денег в г. Моршанск предлагал учредить там почтовую контору, так как вследствие развития торговли там бы потребовались наличные деньги в больших суммах и переправлять их из г. Тамбова было бы неразумно; а также для размена завезти из губернского города медные деньги в достаточном количестве. В-шестых, побудить крестьян и однодворцев для хранения хлеба строить крытые овины и риги[1].

Державин, изучая вопрос судоходства, обратил внимание и на гидротехнические проблемы. Не раз происходившие затопления судов с грузом по пути в Петербург натолкнули его на мысль о том, что причинами являются нерасчищенное от пней и каряг дно рек, отсутствие чётко обозначенного фарватера движения судов, узкое русло рек из-за смыва в неё почвы берегов (а те, в свою очередь, размывались по причине отсутствия каменных мостовых). Большой проблемой в своевременном движении судов, но уже не технической, а психологической, была традиция судовщиков после прохода сложных препятствий по р. Цне в г. Елатьме отмечать благополучное прибытие «беспрерывным пьянством» в течение недели, а то и двух. Державин считал это весьма убыточным и настаивал на сокращении этой стоянки до двух дней[2].

Проект по улучшению судоходных свойств р. Цны мыслился Державиным в совокупности с развитием судоходства и на реках Воронеж и Хопер[3]. Для того, чтобы интенсифицировать судоходство по Цне не только в весенне-осеннее время, но и в межевую пору, Державин считал необходимым убрать мельницы или устроить в них шлюзы, а также углубить русло реки[4].

Эти толковые предложения Державина остались без ответа от Гудовича. Хотя они отличались глубоким знанием предмета, продуманными и необходимыми мерами. Вероятно, зависть и ревность, как это часто

---

[1] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 657–665.

[2] Там же. С. 665–667.

[3] Там же. С. 669.

[4] Там же. С. 672–676.

бывает, победили государственную целесообразность и выгоду. Служебная неприязнь начальства стала причиной того, что за блестящие результаты деятельности Державина-губернатора, подтверждённые в январе 1787 г. ревизией губернии сенаторов А. Р. Воронцова и А. В. Нарышкина, Гавриил Романович в сентябре 1787 г. был награждён орденом Святого Владимира лишь III степени[1] *(см. приложение 1, документ № 11)*.

Этот орден был учреждён императрицей в 1782 г. и имел четыре степени. Он был очень высокой наградой и по значимости стоял после ордена Андрея Первозванного. Кстати, не случайно, думается, Державин был награждён именно этим орденом — девиз ордена звучал: «Польза, честь и слава». Награждённый кавалер должен был носить восьмиугольный золотой крест на шее и красную ленту с широкими чёрными полосами по краям[2]. Такую же награду, между прочим, получил Н. М. Карамзин за написание «Истории государства Российского».

Дело купца М. Бородина и других махинаторов

Настоящим врагом Державин стал для тамбовского чиновничества после того, как раскрыл мошенничество купца М. П. Бородина, местного плута и деляги. В провинции, где все чиновники были тесно и надёжно связаны дружескими и родственными узами, стоило поссориться с одним-двумя, и вся губерния была настроена против возмутителя заведённых порядков. М. Бородин был хоть и незнатного рода и без образования, но хорошо разбирался в людях, с лёгкостью и успехом втирался в доверие к высшему начальству и мелкому чиновничеству, видел их слабости, подыгрывал им. Ему покровительствовали сам Гудович, его секретарь Лаба, вице-губернатор и по совместительству председатель казённой палаты Ушаков. Он, по выражению Е. А. Салиаса, «зная и понимая всю хилость тогдашней администрации и всю нравственную шаткость её представителей, умел дружить с сильными того времени и мира»[3].

---

[1] ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 2. Д. 6.

[2] Кузнецов А. А. Ордена и медали России. М., 1985. С. 69–70.

[3] Салиас Е. А. Поэт Державин — правитель наместничества (1785–1788) // Русский вестник. 1876. № 10. С. 604.

Несмотря на то, что Бородин в 1785 г. совершил аферу с казёнными деньгами, выданными на закупку и поставку кирпича для городского строительства, всё равно он считался Гудовичем «верным капиталистом»[1] и получил на следующий год винный откуп, в результате которого казна недополучила 250 тыс. руб. Дело обстояло так. Торги на отдачу питейных сборов на откуп прошли летом 1786 г. без ведома и участия Державина[2]. В итоге семь городов на откуп получили купцы Матвей Бородин, Алексей Гриднев, Михаил Толмачев, Алексей Викулин, Тимофей Самгин, Матвей Малин и Максим Бородин. Глава откупщиков Матвей Бородин через год объявил себя банкротом, и выяснилось, что его залог под откупное дело был ложным. Державин обвинял казённую палату в том, что она не проверила платёжеспособность купца, не запросив необходимых справок, что вызвало предоставление откупа наместническим правлением неисправному откупщику. Об этом мошенническом происшествии Державин доложил в Сенат летом 1788 г.[3]

Ранее в декабре 1786 г. Державин сообщал об этом факте в письме к Гудовичу. На что начальник обвинял Державина в попустительстве, защищал вице-губернатора Ушакова и купца Бородина. И вообще Гудовича больше волновал предстоявший приезд сенатора-ревизора А. Р. Воронцова, которого следовало встретить подобающе его чину[4]. Державин ответствовал тем, что выяснил по справкам, что вместо заявленных 10 тыс. руб. капитала у Бородина оказалось только 1176,5 руб. Проходя торги, он не предоставил соответствующие аттестаты в магистрат. К тому же, Державин сообщал о том, что купец вёл себя с ним дерзко и грубо. Гавриил Романович открыто называл любимца Гудовича «хитрым плутом, а не добросовестным и порядочным купцом», который для того, чтобы получить выгоду, вначале вёл себя мягко, а потом объявлял себя банкротом, успев перевести имущество и деньги на родственников[5]. В письме от 23 ноября 1789 г. Гудович перелагал всю вину за несостоявшийся откуп на Державина и наместническое правление, которые, по его

---

[1] РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 704. Л. 40.

[2] Винный откуп представлял собой выкупленное у государства право продавать спиртное в розницу. После возвращения в казну заранее оговорённой суммы в виде питейных сборов, откупщики имели право продавать спиртное сверх установленного количества алкоголя, на чём зарабатывали баснословные деньги.

[3] РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 704. Л. 1–13.

[4] Там же. Л. 13 об.– 14.

[5] Там же. Л. 16–17 об.

мнению, должны были активнее собирать справки, а не ждать, когда это сделает казённая палата. Одним словом, генерал-губернатор продолжал выгораживать своих доверенных подчинённых и «верного капиталиста» Бородина, который, по утверждению Гудовича, наоборот, в том деле сам больше пострадал, так как у него погиб хлеб в результате кораблекрушения[1]. Так и кончилось это дело в пользу Бородина.

Ещё раз Державин схлестнулся с влиятельными покровителями Бородина в деле о поставке хлеба в Санкт-Петербургские запасные хлебные магазины. В ноябре 1786 г. по поручению Гудовича Державин организовал закупку и поставку хлеба в столицу. На казённые деньги в сумме 100 тыс. руб., присланных от Санкт-Петербургского вице-губернатора Новосильцева, Державин приобрёл 25 тыс. четвертей[2] хлеба. Поставить водным путём хлеб в столицу подрядился купец Наставин с товарищами, а поручителями выступили помещики Несвицкий и Нилов. Залог купцов составил 37,5 тыс. руб. Нилов поручался за них только на 12,5 тыс. руб., а на остальную сумму — помещик Несвицкий. Державин не преминул сообщить также, что при закупке хлеба сэкономил 29 255 руб. государственных денег[3].

Для обеспечения безопасности доставки хлеба в столицу Державин послал вместе с купцами военный конвой во главе с обер-офицером. Однако в пути произошла поломка судов из-за мелководья, случившегося в то время, и хлеб несколько раз был подмочен, пересыпан, высушен, некоторые кули с хлебом затонули. В итоге караван остановился в г. Твери, не довезя хлеб до Петербурга. В Твери 4263 куля с хлебом были проданы купцами на сумму 17 тыс. руб. Конвоиры стали их соучастниками.

За это упущение наместническое правление с подачи Ушакова наложило арест на имение Державина, так как поставка была сорвана из-за него: он принял неверный залог от Несвицкого и несправедливо освободил от ответа Нилова. Отвечая на обвинения в невыполнении контракта, Державин сообщал, что в результате проведённых допросов купцов и конвоиров выяснилось, что купцы в путевых рапортах завысили количество потопленных кулей, а утаённые кули продали. По поводу залога Несвицкого Державин указывал, что он взял необходимые справки из гражданской палаты суда, из которых явствовало, что имение этого помещика не находилось под за-

---

[1] РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 704. Л. 20–22.

[2] Четверть — это мера объёма зерна, муки и пр. сыпучих продуктов.

[3] РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 706. Л. 3–4.

претом. Однако потом выяснилось, что имение Несвицкого было к тому моменту уже заложено по вексельным требованиям. На что Державин возражал, ссылаясь на то, что подобного предупреждения не было произведено ни губернским прокурором, ни верхним земским судом. Да и продажа имения, инициированная наместническим правлением и лично Ушаковым, была совершена с нарушением закона, что подтверждало ложность заявлений чиновников. Державин сообщал, что имение Несвицкого было им взято в залог по той поставке по совету Ушакова, который сам хотел нажиться на его продаже. В донесении Сенату Державин сообщал, что эта афера была подстроена недоброжелателями в отместку за то, что он ранее донёс в Сенат о хищениях казённых денег в Тамбовской губернии и махинациях чиновников[1].

Дело это тянулось в гражданской палате тамбовского суда до 1794 г. Державин благодаря заступничеству в Петербурге смог спасти своё имение от ареста, но изрядно потрепал себе нервы. Купцы отказывались возмещать убыток Нилову, говоря о том, что, помимо государственного хлеба, везли и частный заказ, за который они денег ещё не получили, к тому же один из ответчиков — купец Ефим Родионов — умер[2]. В итоге дело было замято.

Коррупционный скандал

Известно, что в 1788 г. для того, чтобы изыскать деньги для оплаты закупленного хлеба для действующей армии по распоряжению Г. А. Потёмкина, Державин после заявления казначеев о нехватке денег в губернской казне, в отсутствие генерал-губернатора и председателя казённой палаты (Ушаков специально уехал в г. Липецк якобы по делам), самолично принял решение провести ревизию губернской казённой палаты. В результате проверки он нашёл искомые денежные средства, попутно вскрыв наглые злоупотребления и хищения государственных денег на «знатную сумму».

Справедливо такая борьба в одиночку с мздоимством и хищением казны называется борьбой с ветряными мельницами. Ещё более бессмысленным кажется информирование правительства о вскрытых злоупотреблениях, тщательно зафиксированных Державиным

---

[1] РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 706. Л. 19–25.

[2] РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 708. Л. 6–7 об., 25 об.

в рапорте Сенату от 8 апреля 1788 г. В нём он сообщал, что в результате проведённой комиссионной проверки губернской казённой палаты, а также Козловской, Кирсановской, Темниковской, Лебедянской и Липецкой казённых палат в составе губернатора, коменданта Булдакова, советника Филонова, стряпчего верхнего земского суда Каверина и секретаря Савинского «открыты были в содержании казны безпорядки, упущения, утайки и самыя похищения казны»[1]. Говоря современным языком, ими были обнаружены и зафиксированы 32 эпизода коррупционных преступлений. Самыми грубыми нарушениями были: содержание приходно-расходных книг без шнура, печати и подписей, исправления и подчистки в них; хранение казённых денег в помещениях без замка и охраны; выдача казённых денег частным лицам без расписок, долг по которым, естественно, не возвращался; сокрытие от казны собранных гербовых, складочных, провиантских сборов, рекрутских штрафов; несоответствие между суммами наличных денег и записанных в журналах[2] *(см. приложение 1, документ № 12)*. Общая сумма хищений казённых денег, по подсчётам Державина, составила почти 400 тыс. руб. (см. реестр мошеннических дел с казёнными деньгами)[3] *(см. приложение 1, документ № 13)*.

По предписанию Сената Гудович в апреле 1788 г. провёл проверку и принял следующие меры. Во-первых, при повторном осмотре казённой палаты обнаружилась незначительная недостача всего в полкопейки (!). Украденные деньги были названы как просто незаписанные вовремя в расходные книги. Во-вторых, из всего перечня виновных лиц перед уголовной палатой суда предстали только губернский казначей Пыпин и уездный казначей Волосатов[4]. Как сообщал в письме к Державину от 16 марта 1790 г. И. Филонов, советник наместнического правления и один из его немногочисленных друзей, решением суда от 29 декабря 1789 г. Пыпин был обвинён в упущении по должности по причине неисправного содержания приходно-расходных книг, но злого умысла суд в том не усмотрел, а подчистки и исправления в финансовых документах списал на ошибки писцов. В итоге суд сделал вывод, что Пыпин «казённому интересу вреда не нанёс», и постановил оставить его на своей должности. Волосатова, который утаивал деньги по гербовым сборам, оштрафовали на полкопейки, а секретаря Шамонина,

---

[1] РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 707. Л. 48.

[2] Там же. Л. 50 об.–52 об.

[3] Там же. Л. 26–27.

[4] Там же. Л. 17 об.–22.

утаивавшего рекрутские штрафы,— на 40 коп.[1] Причём это мягкое решение суда слово в слово повторяло «предложения» по данному коррупционному скандалу, составленные самим Гудовичем для уголовной палаты ещё в августе 1788 г. (фактически, то был черновик судебного решения)[2].

На такое возмутительно незаконное решение суда Державин в июле 1790 г. подал на имя Екатерины II жалобу, в которой указывал на то, что вместо того, чтобы отдать под суд выявленных преступников, губернское правление даже «порядочного следствия не провело», не взыскало с купцов Бородина и Гридина неуплаченных в казну штрафов на сумму более 24 тыс. руб.[3] Иными словами, резюмировал Державин, следствие скрыло все нарушения казённой палаты. К тому же в проведении повторной ревизии казённой палаты, как полагал опальный губернатор, по приказу Гудовича надобности не было[4]. Решение суда Гавриил Романович считал незаконным, «нарочно» оставившим воров на своих должностях и создавшим условия для последующих злоупотреблений[5].

Оправдывая своё обращение к императрице, он писал о том, что у него как подследственного особого права жаловаться не было, но он выступал в защиту своего бывшего подчинённого Филонова. Как порядочный человек, Державин подчёркивал, что если он отвернётся от него в период гонений со стороны нового начальства, то подчинённые перестанут его уважать[6]. В итоге Державин просил царицу передать его рапорт на рассмотрение в первый департамент Сената и провести ревизию дела «для справедливейшего по законам решения». Державин взывал к Сенату как «хранилищу законов, блюстителю государственных интересов, от которого истекает правосудие и порядок»[7]. Данная жалоба осталась без ответа.

Таким образом, высокопоставленные чиновники легко отделались, оставшись при своём. Зато Державин, инициировавший ревизию казённой палаты по случаю якобы нехватки денег на закупку хлеба для действующей армии, был обвинён в неуважении власти генерал-губернатора и превышении своей. По этим пунктам

---

[1] РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 707. Л. 12 об.–17.

[2] Там же. Л. 18–22.

[3] Там же. Л. 50–51 об.

[4] Там же. Л. 50, 53.

[5] Там же. Л. 53 об.

[6] Там же. Л. 54.

[7] Там же. Л. 54 об.

обвинения отрешённый от должности в декабре 1788 г. Державин оправдывался перед Сенатом. И даже фактически обоснованные возражения на эти нелепые обвинения, составившие знаменитые «Объяснения о делах Тамбовской губернии и причинах неудовольства генерал-губернатора», не помогли Гавриилу Романовичу. Выпутаться из опасной ситуации помог только более эффективный неформальный способ — заступничество Г. А. Потёмкина, фаворита императрицы. К нему Державин обратился с просьбой о помощи в апреле 1789 г.[1] *(см. приложение 1, документ № 14).*

Желание остаться в Тамбове

Несмотря на наглые интриги и даже распространявшиеся досужей молвой слухи о его смерти[2], Державин намеревался бороться с тамбовским чиновничеством до конца. Любопытно, что в материалах из уничтоженных дел Сената сохранилась анонимная записка, вероятно составленная в 1788 г., названная «Причины по коим Державину желалось бы быть по-прежнему в Тамбове» *(см. приложение 1, документ № 15).* С большой долей вероятности можно утверждать, что её авторство принадлежит Гавриилу Романовичу. В этом заставляет убедиться несколько обстоятельств: неслучайное присутствие её в подшивке сенатских бумаг Державина, подробное описание служебной деятельности в Тамбове, изложение её от третьего лица (в этом стиле написаны «Записки» Державина), особый порядок компоновки текста, присущий Державину. Факт авторства Державина доказывает и идентичность содержания этой записки с письмом Гавриила Романовича В. С. Попову, секретарю Г. А. Потёмкина, от 25 августа 1788 г.[3]

В данной записке приводятся доводы, свидетельствующие об успехе и справедливости мероприятий губернатора. Среди своих заслуг Державин перечисляет следующее. Во-первых, открытые им народные училища по своему уровню стояли на втором месте после петербургских. Во-вторых, утаённые казённой палатой 70 тыс. руб., принадлежавшие Приказу общественного призрения, а также штрафные деньги могли быть взысканы только им. В-третьих, именно он мог вернуть казне недополученные в результате незаконной отдачи винных откупов

1 РГИА. Ф. 1640. Оп. 1. Д. 76. Л. 1.

2 Сочинения Державина... СПб., 1869. Т. 5. С. 761.

3 Там же. С. 709–711.

250 тыс. руб.[1] В-четвёртых, в случае реализации проекта развития судоходства в губернии улучшилась бы поставка хлеба в столицу и подвоз леса и камня для строительства казённых зданий в Тамбове. В-пятых, он провёл камеральное (топографическое) исследование селений и ревизских душ для взимания окладных сборов[2]. Среди личных причин остаться в Тамбове он называл экономию собственного бюджета, так как частые переезды с места на место требовали больших затрат[3]. Державин разумно обращал внимание на то, что энергии на такие мероприятия у нового губернатора В. С. Зверева, на 20 лет его старше, явно не хватило бы[4].

Понимал он и то, что есть причины, препятствовавшие его оставлению в должности тамбовского губернатора: взыскания и преследования со стороны генерал-губернатора, которые будут всячески отравлять его пребывание в Тамбове и создавать служебные трудности. При этом Гавриил Романович отмечал, что это обстоятельство его «не ужасает», так как «он привык свято отправлять возложенную на него должность, и готов всегда за оную ответствовать». Надеясь на своё «беспорочное поведение» и высочайшее справедливое правосудие Екатерины Великой, он не испытывал подобных «пустых страхов». Опровергал он ещё одно обстоятельство — его возможное личное преследование чиновников, доставивших ему «личныя огорчения». Однако он подчёркивал, что так думают только те, кто не знал его «правил и свойств»[5]. Всех недобросовестных чиновников он отдал бы под суд только по закону, не руководствуясь личными обидами.

В качестве последнего довода в свою пользу Державин предлагал спросить население губернии о том, желало ли оно, чтобы Державин оставался губернатором, проведя опросы среди дворянства и простого народа. В качестве поручителей за себя он называл знатных вельмож, имения которых располагались в Тамбовской губернии, например, Н. И. Салтыкова, А. А. и Л. А. Нарышкиных, И. Г. Чернышева, А. Р., А. И., И. И. Воронцовых, А. И. Терского и др.[6]

Дальнейшая судьба этой записки нам не известна, но, зная ход последовавших негативных событий, можно предполагать, что какого-либо

---

[1] РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 702. Л. 1–1 об.

[2] Там же. Л. 2–2 об.

[3] Там же. Л. 3–3 об.

[4] Там же. Л. 2 об.

[5] Там же. Л. 3 об.–4 об.

[6] Там же. Л. 5.

влияния она не оказала. Удивительно то, что Державин, несмотря на весь неблагоприятный служебный фон, хотел всё-таки довести начатое им дело до конца. В неравной борьбе с корыстолюбивым и пронырливым чиновничеством он проиграл. Конечно, царица знала о творившихся по всей России злоупотреблениях, но предпочитала этого не видеть и не ворошить мутные дела, не тревожа себя понапрасну. Она прекрасно понимала, что пришедшие на место осуждённых казнокрадов и мошенников окажутся не лучше — безграничные властные ресурсы порождали вечные соблазны. Да и где было взяться такому огромному количеству честных чиновников: бюрократическая машина империи испытывала кадровый голод, и при замещении должностей было не до этики и морали. К тому же все привыкли к такому положению дел, на что и народная пословица гласила: «Бог не выдаст, свинья не съест».

ГЛАВА III

Статс-секретарь императрицы Екатерины II — усердный помощник

В июле 1789 г. в письме к В. В. Капнисту Гавриил Романович с нескрываемой радостью писал: «Дело моё кончено. Гудович дурак, а я умен»[1]. Он ждал, чем буден награждена его «пострадавшая невинность» за «точное исполнение законов и за сохранение высочайших интересов»[2]. После трехлетнего вынужденного безделья и судебного разбирательства в декабре 1791 г. Державин по совету Е. Р. Дашковой был назначен статс-секретарём императрицы в канцелярию по принятию прошений на высочайшее имя[3] *(см. приложение 1, документ № 16)*.

Повышение уровня централизации и бюрократизации государственного аппарата России XVIII в. выразилось в сосредоточении максимального объёма власти в руках верховного правителя, усилении роли генерал-прокурора Сената и возрастании значения личной канцелярии императора, в которой концентрировались все вопросы внутреннего управления. Первая личная канцелярия появилась ещё при царе Алексее Михайловиче. Она существовала в виде Приказа великого государя тайных дел и контролировала деятельность высших государственных учреждений, послов и воевод.

При Петре I личная канцелярия приобрела совершенно иной статус. Стремление императора вникать во все сферы государственного управления инициировало появление в 1704 г. Кабинета, или личной канцелярии, монарха, в которой готовились многие указы и распоряжения. Неизменным руководителем петровской Канцелярии был кабинет-секретарь А. В. Макаров. В компетенцию секретаря, фактически второго лица в государстве, входили подготовка докладов по переписке с российскими послами за границей, с губернаторами, Сенатом и иными государственными органами; анализ рапортов

---

[1] Сочинения Державина... СПб., 1869. Т. 5. С. 761.

[2] Там же. С. 161, 871.

[3] РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 171. Л. 643; Ф. 1400. Оп. 1. Д. 709. Л. 4.

и счетов от дипломатических представителей; контроль над расходованием текущих средств на дворцовые постройки и строительство портов; выплата жалования огромному количеству придворных слуг. Отдельным направлением в работе Канцелярии было принятие и рассмотрение жалоб и прошений[1].

После смерти Петра I его Канцелярия просуществовала до конца правления супруги Екатерины I, а затем перестала функционировать. Она была возрождена лишь в 1741 г. Елизаветой Петровной. Возглавлял её тогда сановник петровской поры И. А. Черкасов. Все официальные обращения к императрице были возможны только через кабинет-секретаря, который принимал и докладывал ей все бумаги, поступавшие на высочайшее имя, писал на них ответы. Через личную канцелярию решались разнообразные вопросы: внешнеполитические, внутреннеполитические, военные, финансово-хозяйственные. Таким образом, при Елизавете Петровне личная канцелярия совмещала функции собственно канцелярии императрицы и элементы управления дворцовым хозяйством. Непременным атрибутом её работы являлся приём челобитных. Их принимали раз в неделю. Прошения рассматривались выборочно по усмотрению императрицы. После смерти И. А. Черкасова в 1757 г. кабинет-секретарем стал А. В. Олсуфьев.

После дворцового переворота 1762 г. личную канцелярию Екатерины II возглавил Г. Н. Теплов. Позже секретарями стали А. В. Олсуфьев и И. П. Елагин. Всех троих Екатерина хорошо знала и доверяла им. А. В. Олсуфьев служил в коллегии иностранных дел и помогал ей переписываться с матерью, что ей строго запрещалось, имел лёгкий нрав, чувство юмора и был прекрасно образован. Г. Н. Теплов, наставник К. Разумовского, обладал умением хорошо говорить и писать, был дружен с самой императрицей и С. Понятовским, был предан трону. Позже к ним присоединился С. М. Козьмин, ставший доверенным лицом царицы — лишь ему она доверяла перлюстрацию писем.

Многие её статс-секретари были блистательно образованными, талантливыми, занимались литературой, искусством, театром. Так, И. П. Елагин был писателем, поэтом и переводчиком. С. М. Козьмин занимался переводом научных трудов по юриспруденции. А. В. Храповицкий был поэтом. Талантливым администратором и дипломатом был А. А. Безбородко[2].

---

[1] Кислягина Л. Г. Канцелярия статс-секретарей при Екатерине II // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. / под ред. Н. Б. Голиковой. М., 1991. С. 168–170.

[2] Там же. С. 170–173.

Поначалу компетенция личной канцелярии Екатерины Великой не была чётко определена и в её круг, так же как и при предшественниках, входили разнообразные вопросы. Однако в июне 1763 г. монаршим указом было чётко определено её название: Кабинет её императорского величества для принятий прошений, — а также компетенция — принятие прошений на имя царицы через канцелярию статс-секретарей. Кабинет располагал собственными денежными средствами, из которых выделялись суммы на содержание слуг и чиновников из окружения императрицы, придворных актёров, художников, музыкантов; выдавались займы дворянам, финансовая помощь лицам иных сословий, оказавших императрице особые услуги. Из кабинетских денег оплачивались некоторые значимые государственные и политические события, например, издательство «Наказа» на русском и немецком языках. Из его средств выплачивалось жалование статс-секретарям и аппарату их канцелярий[1].

Императрица подробно и чётко определила порядок приёма прошений и исполнения её распоряжений по ним. Согласно инструкции челобитные принимались от всех сословий, секретарь должен был вести журнал, в котором фиксировал дату подачи и краткое содержание прошения, а после его рассмотрения — принятое решение. При устном докладе императрице секретарь излагал так называемый экстракт, т. е. суть вопроса, который не должен был превышать 80 листов. Все бумаги, выписки и резолюции по прошениям хранились в Канцелярии, просителям выдавались копии с подписью статс-секретаря. Канцелярии разрешалось принимать жалобы на работу государственных учреждений в случае волокиты с их стороны или отказа принять прошение. Исполнение по прошениям обычно выполнялось довольно быстро: в течение нескольких дней.

Для подготовки справки по делу статс-секретари имели право посылать запросы в высшие государственные учреждения. Ведь после резолюции императрицы оно передавалось для исполнения в соответствующее ведомство. Как правило, императрица не принимала никаких решений по делам тех просителей, которые не обращались прежде в судебные или административные инстанции.

Со временем сложилось несколько самостоятельных канцелярий, называемых по имени статс-секретаря[2]. Одновременно у Екатерины II могло быть от 3 до 8 таких помощников. У каждого был свой круг решаемых дел. Как правило, статс-секретари могли решать ряд текущих дел внутреннего и внешнего управления, оказывая помощь в государственных,

---

[1] Кислягина Л. Г. Указ. соч. С. 173–174.

[2] Там же. С. 175–176.

научных и литературных трудах императрице[1]. Они принимали участие в подготовке текстов манифестов, указов и других государственных актов, ведали перепиской Екатерины II. Через своих секретарей царица контролировала работу государственных ведомств и чиновников: нередко из канцелярии на места посылались кабинет-курьеры для изучения обстановки, естественно, тайным образом. Императрица настаивала на персональной ответственности её секретарей, поэтому каждое дело они вели от начала до конца. Старшим из всех секретарей при Екатерине был А. А. Безбородко, обладавший феноменальной памятью, способностью быстро схватывать суть дела, готовить лаконичные и чёткие документы. Позже эта привилегия перешла Д. П. Трощинскому, сохранившему своё влияние и при Павле I и Александре I. При последнем он был назначен министром юстиции[2].

Наименование «статс-секретарь», «кабинет-секретарь» было неофициальным, в документах эта деятельность называлась службой «при собственных её императорского величества делах», «у принятии прошений». Личная канцелярия императрицы была хорошим трамплином для последующего карьерного роста чиновников. Многих секретарей она награждала премиями, помимо годового оклада в 1 тыс. руб., орденами, землями[3]. В каждой канцелярии имелось от 3 до 9 помощников. В их число входили секретари, курьеры, переводчики, копиисты, канцелярские служащие[4].

Таким образом, эволюция личной канцелярии верховного правителя демонстрирует процесс абсолютизации власти. Фактически это был внесистемный государственный орган, поставленный над всеми остальными. Власть секретаря конкурировала только с властью генерал-прокурора Сената. Принятие прошений на имя Екатерины II было возрождением традиций Челобитного приказа XVI в. Это был способ обратной связи с населением, минуя центральные и местные уровни властной иерархии.

Изначально Екатерина планировала сделать Державина секретарём по доношениям из Военной коллегии, но, узнав о серьёзных нарушениях в Сенате, решение поменяла[5]. Державину, назначенному

---

[1] Пёрышкин М. Ю. Институт статс-секретарей при Екатерине II (1762–1796 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

[2] Кислягина Л. Г. Указ. соч. С. 177, 180–183.

[3] Там же. С. 178.

[4] Там же. С. 179.

[5] Пёрышкин М. Ю. Институт статс-секретарей при Екатерине II: 1762–1796 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 184.

в 1791 г. статс-секретарём по принятию прошений, Екатерина дополнительно поручила наблюдение за законностью решений Сената. Гавриил Романович в первые два месяца каждую субботу высказывал замечания Сенату через собираемых у себя обер-прокуроров. После жалоб сенаторов на слишком жёсткий контроль Екатерина велела докладывать об ошибках в работе Сената ей лично каждую неделю. Такое ревностное служение закону стало поводом для рождения придворной сплетни: будто бы Екатерина назначила Державина править Сенатом. В каждой сплетне есть доля истины: действительно, по словам самого Гавриила Романовича, в его руках в течение двух лет была сосредоточена власть генерал-прокурорская и докладчика, чего никогда не бывало ни до, ни после него.

Вновь порядочность, честность и беспристрастность Державина были востребованы. Теперь он контролировал решения Сената, разбирал запутанные и задавненные судебные дела. О масштабе работы Державина на этом очень престижном и ответственном посту даёт представление реестр дел и меморий (сводных справок) Сената за 1792–1794 гг. За неполных два года работы личным секретарём (с декабря 1791 г. по сентябрь 1793 г.) Державиным было подготовлено 38 сброшюрованных книг по рассмотренным им вопросам. Резолюций императрица наложила на 4 дела в 1791 г., 346 — в 1792 г., 135 — в 1793 г. Меморий Сената, подготовленных для монархини, было составлено за 1791–1792 гг. — 15, 1793 г. — 13[1]. За 1795 г. Державин рассмотрел 28 прошений, но уже в качестве сенатора межевого департамента[2]. О внушительном объёме возложенных на него дел свидетельствует довольно большой штат его канцелярии — 10 человек, в то время как у других секретарей их было от 5 до 9 человек[3]. Надо отметить, что некоторые служащие, узнавшие, что Державина назначили статс-секретарём, стали проситься работать под его начальством, что, несомненно, свидетельствовало о высоком его авторитете в среде рядового чиновничества[4].

Исследование О. Г. Левенштейна об этом периоде служебной деятельности в начале 2000-х гг. было значительно дополнено М. Ю. Пёрышкиным, который продолжил детальное изучение фондов РГАДА,

---

[1] РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 712. Л. 3–16 об.

[2] Там же. Д. 713.

[3] Пёрышкин М. Ю. Служба Г. Р. Державина в должности статс-секретаря Екатерины II (по документам РГАДА) // Г. Р. Державин и его время: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. П. Морозова. СПб., 2005. Вып. 2. С. 21.

[4] Там же. С. 22.

в особенности фонда № 1239 «Дворцовый отдел». Он дополнил ценными сведениями информацию о деятельности Державина на этом посту. Помимо общеизвестных и громких дел иркутского генерал-губернатора И. В. Якоби, обвинённого в 1783 г. в антигосударственной активности и отданного под суд, стараниями Гавриила Романовича оправданного в 1792 г.; придворного банкира Р. Сутерланда, безвозвратно ссужавшего государственными деньгами высокопоставленных чиновников императорского двора и членов царской семьи, обвинённого в махинациях с банкиром Моцениго; механика И. Кулибина, за которого заступался Державин от несправедливых нападок главы Академии наук Е. Р. Дашковой, историк собрал сведения о рутинных делах поэта-чиновника. Именно их анализ и позволяет представить действительную картину повседневных служебных забот Гавриила Романовича.

На примере изучения журнала прошений за 1793 г. М. Ю. Пёрышкин сообщает, что за январь – сентябрь в канцелярию Державина было подано 116 прошений. По социальному статусу просители были в основном из дворянства, купечества, мещанства, встречались среди них представители крестьянского сословия[1]. Систематизировав все прошения, он сделал вывод о том, что большая их часть была посвящена просьбам о внеочередном рассмотрении дел, вопросам выдачи жалованья, награждения чинами и наградами за службу, о пожаловании земель, земельные споры. Среди просьб встречались вопросы смены социального статуса, о переселении, помиловании, крещении иноверца, разрешении устроить частную типографию и др.[2]

Полные реестры всех прошений, поступивших в канцелярию Державина, хранятся в рукописном отделе ИРЛИ РАН. Внимательное изучение Генеральных реестров прошений, поданных в его приёмную в 1791–1793 гг., позволило нам существенно скорректировать и дополнить имеющиеся исследования о статс-секретарстве Гавриила Романовича. В частности, сводные реестры демонстрируют истинные масштабы деятельности Державина в качестве личного секретаря императрицы. Так, по их данным за половину декабря 1791 г. было рассмотрено 12 прошений, за январь – декабрь 1792 г. — 574 прошения, за январь – декабрь 1793 г. — 289 прошений[3]. Таким образом, за неполные два года через руки Гавриила Романовича прошло 875 прошений!

---

[1] Пёрышкин М. Ю. Служба Г. Р. Державина... С. 25.

[2] Там же. С. 26–27.

[3] ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 5. Д. 1. Д. 79.

Вся информация из двух больших реестров нами была систематизирована по трём основаниям: определён сословный статус просителей, суть их проблемы, определена ежемесячная интенсивность работы канцелярии по принятию прошений. Результат анализа отражён в диаграммах.

Первая диаграмма «Социальный статус обратившихся в канцелярию статс-секретаря Г. Р. Державина в 1792 г.» *(рис. 1)* демонстрирует, что подавляющее количество просителей были дворянами (386 прошений, или 67 %). На втором месте находились представители купечества и мещанства (76 прошений, или 13 %). Мы сознательно не стали выделять мещан в отдельную сословную группу, так как нередко они подавали жалобы совместно с купцами. На третьем месте по активности подачи прошений находились иностранцы (49 прошений, или 9 %), преимущественно дворянского происхождения. Хотя среди них встречались и купцы, и люди «свободных профессий» (актёры, музыканты, художники), представители интеллигенции (учёные и врачи). Далее следовали группы государственных (33 прошения, или 6 %) и владельческих крестьян (12 прошений, или 2 %). Представители духовенства не являлись частыми просителями: от них поступило всего 6 прошений, или 1 %,— так же как от инородцев России (4 прошения, или 1%) и казаков (3 прошения, или 1 %). Группа государственных

Рис. 1. *Социальный статус обратившихся в канцелярию статс-секретаря Г. Р. Державина в 1792 г.*

крестьян, в свою очередь, может быть дифференцирована на собственно казённых (13 прошений), однодворцев (11 прошений)[1], экономических (7 прошений)[2] и ясашных крестьян (2 прошения)[3]. Один из просителей был учёный. Среди инородцев были башкиры, татары и армяне. Одно прошение поступило от анонимного просителя.

Вторая диаграмма «Социальный статус обратившихся в канцелярию статс-секретаря Г. Р. Державина в 1793 г.» *(рис. 2)* отражает некоторые изменения: на второе место после дворян (200 прошений, или 68 %) по интенсивности подачи жалоб вышли иностранцы (27 прошений, или 9 %), а купцы с мещанами с небольшим отрывом переместились на третье место (26 прошений, или 9 %). Крепостные крестьяне (13 прошений, или 4 %), по сравнению с прошлым периодом, активнее стали обращаться с жалобами, преимущественно от-

Рис. 2. *Социальный статус обратившихся в канцелярию статс-секретаря Г.Р. Державина в 1793 г.*

---

[1] Однодворцы — категория государственных крестьян, потомки служилых людей «по прибору». Несли дозорную и сторожевую службу на южных окраинах империи.

[2] Экономические крестьяне — группа государственных крестьян, образованная после секуляризации из бывших монастырских и церковных крестьян. Они обладали относительной личной свободой.

[3] Ясашные крестьяне — разновидность государственных крестьян, уплачиваемых в казну натуральные повинности (ясак).

носительно размежевания земель. Доля жалоб от государственных крестьян (особенно однодворцев), напротив, снизилась (10 прошений, или 3 %). Ясашные крестьяне подали всего 2 прошения, а от экономических крестьян не поступило ни одной жалобы. Немного больше, по сравнению с предыдущим годом, поступило обращений от инородцев Российской империи (6 жалоб, или 2 %). Духовенство обратилось в монаршею приёмную лишь 3 раза (1 %). По одному прошению было подано от казачества и еврейского населения Белорусской губернии. Последние просили помилования за незаконное обвинение их в тайном провозе товаров.

За 1793 г. выделяется группа лиц с неустановленным социальным статусом: он не был указан в прошении. Среди них присутствовали два актёра, балетмейстер, столичный садовый мастер, кастелянша Зимнего дворца. Эту группу условно можно назвать придворные служащие. Одно прошение поступило от некоего плотника, который просил записать его в купцы. Среди инородцев были татары и уфимские башкиры.

О содержании прошений за 1792 г. даёт представление третья диаграмма *(рис. 3)*. В ней представлены такие основания челобитных, как земельные споры (91 прошение, или 16 %), которые касались вопросов размежевания, тяжбы из-за пользования различными хозяйственными угодьями (лесом, выпасом, водопоем для скота и пр.). Просителями по этому поводу являлись практически все сословия. Особенно много просьб по вопросам землевладения и землепользования поступало от дворянства и крестьянства.

На втором месте по частоте стояли просьбы об оказании материальной помощи («о пропитании», «оказании монаршего милосердия») (89 прошений, или 11 %). Просителями по этой категории просьб преимущественно являлись дворяне, иностранцы, оказавшиеся на российской службе и попавшие в затруднительное материальное положение, купцы, крестьяне. Как правило, в прошении указывались причины материальных проблем (вдовство, сиротство, судебные издержки, разорение, пожар, растрата имущества родственниками и пр.). Разновидностью просьб о финансовой помощи были прошения о прощении долга.

На третьем месте стояли просьбы о содействии в судебном разбирательстве дел (62 прошения, или 11 %), указание на волокиту в судах или неправильное решение дел. Основанием для обращения к царице служило систематическое уклонение ответчиков являться в суд. О высокой степени доверия к Державину говорит и то, что нами было выявлено 5 прошений, в которых заявители просили передать

их судебные споры на рассмотрение Гавриилу Романовичу, т. е. просили его выступить медиатором.

На четвёртом месте стояли просьбы о предоставлении награды в виде очередного служебного чина или ордена (58 прошений, или 10 %). Указывались варианты наград поместьями, крестьянами и деньгами. Авторами таких прошений были дворяне военной и статской службы, купцы и крестьяне, оказавшие императрице или государству услуги (например, в русско-шведскую войну 1788–1790 гг.). Просьба о награде для дворян того времени не была зазорной, так как некоторые были обойдены чинами и наградами из-за невнимательного начальства. Вспомним, и Державин не постеснялся попросить чин у Екатерины за разработанный им в 1782 г. устав Экспедиции о государственных доходах, «незамеченный» А.А. Вяземским.

Рис. 3. *Содержание прошений за 1792 г.*

Следующим распространённым основанием для челобитных были жалобы на притеснение начальства и властей (56 прошений, или 10 %). Жалобщиками выступали все сословия, но больше жаловались дворяне, купцы, мещане, государственные крестьяне. Например, один мещанин сообщал о том, что казённой палатой он был определён в работный дом на 100 лет.

Достаточно много прошений было о рассмотрении их дел в Сенате во внеочередном порядке (38 прошений, или 7 %). Повышенный уровень бюрократизации приводил к тому, что многие дела в Сенате рассматривались годами, что заставляло просителей обращаться с личными просьбами к императрице.

Споры по торговым делам (33 прошения, или 6 %) преимущественно являлись основанием для подачи прошений купцами, мещанами, иногда дворянами, занимавшимися винными откупами и промышленностью. Просьбы относительно прохождения и завершения службы (28 прошений, или 5 %) касались вопросов определения на место, перевода на другую должность или в другую губернию, разрешения поехать в отпуск по болезни или семейным делам. Просителями были в основном дворяне, бывшие военные чины, просившие определить им какое-либо штатское занятие. Наследственные споры составляли основу для 25 прошений (4 %). Заявители указывали на неправильное составление или исполнение завещаний умерших родственников, на проблемы оспаривания их наследственных прав иными наследниками и пр.

Большой интерес представляет группа прошений, определённая нами в прочее (22 прошения, или 4 %). Например, среди них встречались обращение о подтверждении преимущественного права на производство рижского бальзама, жалоба дворянина на оскорбления со стороны другого дворянина, на обесчестивание дочерей, просьбы о разрешении отпустить на волю крепостного крестьянина, о прощении за неправильное венчание с одеванием кольца невесте не на правую, а на левую руку, об утверждении Устава общества вспоможения вдовам и сиротам, о разрешении денежных сборов в протестантской общине, жалоба крестьян на помещика, просьба о разрешении устроить типографию на иностранных языках и др.

Представители дворянского сословия нередко обращались к царице за назначением пенсии (19 прошений, или 3 %) или жалования/его прибавки (11 прошений, или 2 %). Претендентами на получение пенсиона от государыни были, как правило, лица, приближенные к ней или заслужившие это право своей службой. Все прочие получали пенсии от того ведомства, где служили до выхода со службы, или получали единовременное пособие по усмотрению Екатерины.

Вексельные, а равно иные денежные споры (15 прошений, или 3 %) отражали уровень товарно-денежных отношений в среде дворянства и купечества, уровень культуры исполнения обязательств. Как правило, речь шла о невыполнении обязательств по вексельным платежам, невыплате долгов и пр. Встречались прошения дворян о помиловании (10 прошений, или 2 %), о возврате в дворянское сословие и всех сословных привилегий. Немного прошений связано со сменой социального статуса (7 прошений, или 1 %). Как правило, об этом просили крепостные крестьяне, недавно переведённые из категории государственных — они просили вернуть их в казённое ведомство.

Замыкает категории прошений группа обращений гражданско-правового характера (всего 10 прошений, или 2 %): по имущественным спорам (о движимом имуществе), опекунским делам (просьбы назначить опекунов или освободить от опеки) и семейным конфликтам (жалобы дворянок на притеснение со стороны мужа).

На декабрь 1791 г. мы диаграмму не строили из-за непродолжительности периода — Державин был назначен в это ведомство 11 декабря 1791 г. Укажем лишь то, что из 12 просителей 10 были дворянами, один — купцом, другой — инородцем. Прошения распределились следующим образом: 3 касались служебных дел, 2 — споров о земле, 1 было о притеснении начальства, 1 посвящено торговому делу, по одному прошению было подано относительно назначения пенсии и жалования, по одному прошению посвящено семейным и наследственным вопросам, 1 дело относилось к категории прочее.

Тематика прошений в 1793 г. существенно не изменилась *(рис. 4)*. По-прежнему на первом месте были споры о земле (51 прошение, или 18 %), на второе место вышли просьбы о награде (38 прошений, или 13 %), на третьем месте находились просьбы о выделении материальной помощи (34 прошения, или 12 %). Заметно больше по сравнению с 1792 г. поступило просьб о внеочередном рассмотрении дел в Сенате (30 прошений, или 10 %). На притеснение властей и начальства жаловались 21 раз, что составило 7 % от общего количества поданных прошений. Отмечалось снижение подобных жалоб на 3 %, что свидетельствовало о некотором улучшении работы чиновничества. Аналогичное количество прошений поступило по судебным спорам (21 прошение, или 7 %). Их количество тоже снизилось по сравнению с предыдущим периодом. Некоторые дворяне (6 прошений) настаивали на том, чтобы их дела были непременно переданы на рассмотрение Державину.

Просьб по службе было 15 (5 %). На 1–2 % увеличилась категория прошений о выделении жалования (13 просьб, или 4 %) и о назначении

пенсии (11 прошений, или 4 %). Гораздо меньше было подано прошений по торговым спорам (8 жалоб, или 3 %), что в целом демонстрировало снижение активности купечества и мещанства в подаче жалоб. Вексельные и денежные споры были немногочисленны — 8 жалоб, или 3 %. Наследственные споры (13 жалоб, или 3 %) были также на уровне с прошлым годом.

Просьб о помиловании (5, или 2 %) было как и прежде немного. Не распространены были просьбы о смене социального статуса: с такими прошениями обратились 3 человека, что составило 1 %. В группе семейных споров было лишь одно, поступившее от дворянки, которая жаловалась на распутство мужа. По опекунским делам также была подана одна просьба. По имущественным спорам в 1793 г. не поступило ни одного прошения.

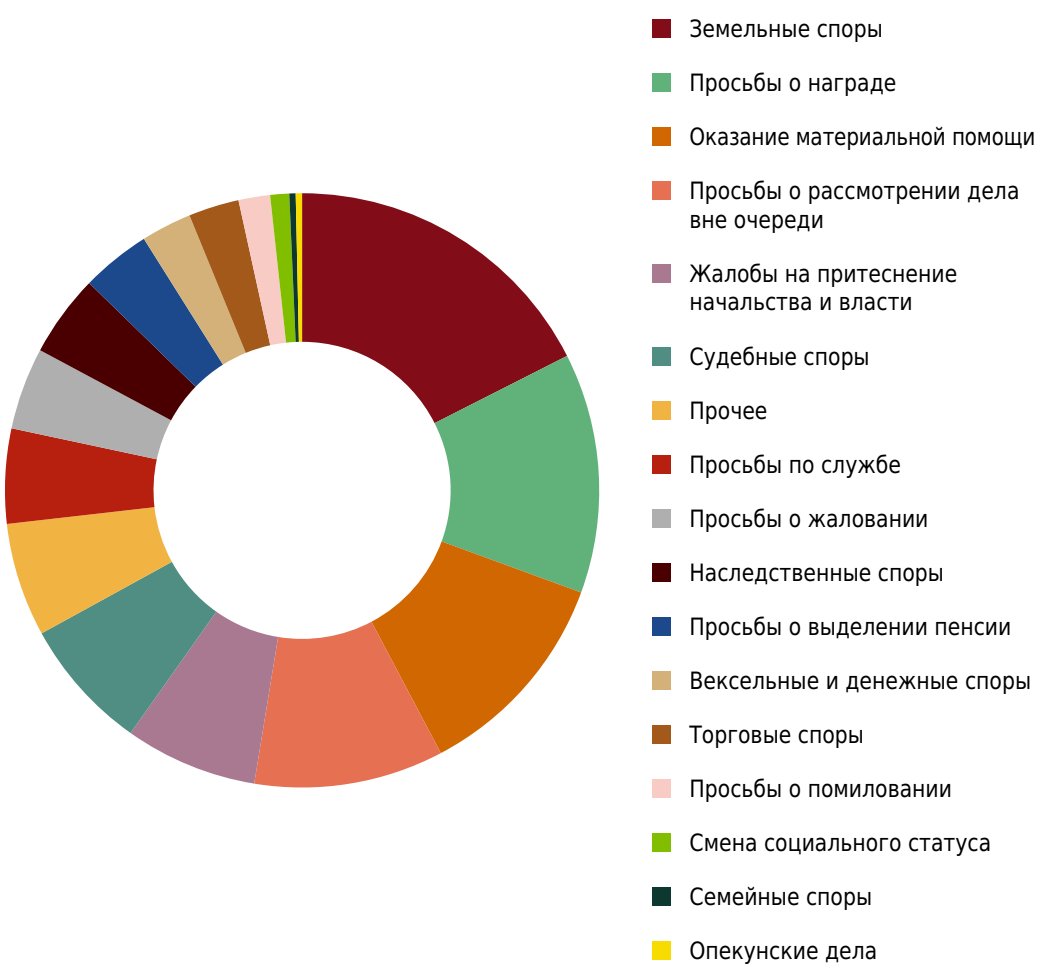


Рис. 4. *Содержание прошений за 1793 г.*

Группа прочих прошений (18) составила 6 %. Из них отметим записку дворянина о причинах целесообразности для Российской империи обратить в подданство народы Албании и Герцеговины, присоединённых в результате войн с Турцией. Ещё один дворянин отличился тем, что подал записку с рациональным предложением использовать на фабриках в качестве ваты шелкоподобный пух, который выращивали в Петергофе. Другой представитель привилегированного сословия обращался за разрешением продавать алкогольную продукцию своего завода. Один из составителей «Юности честное зерцало»[1] Тимофей Мальгин просил выдать жалование за написание этой книги. Один из купцов просил позволения переселиться на новоприобретённые земли в Крыму. Дворянин просил разрешения организовать типографию, которая издавала бы литературу на восточных языках. Придворная кастелянша просила освободить её от службы, а на её место взять дочь.

Очень интересно прошение брата Ангелины Софиану, который обратился к Екатерине II за помощью освободить из тюремного заключения на о. Корфу свою сестру, которая вышла замуж за лидера освободительного движения греков против турецкого гнёта Ламброса Кациониса, в то время укрывавшегося в Венецианской республике. Личность самого Кациониса (в прошении он назван Каццони) очень интересна. Он родился в Центральной Греции, в юности поступил на русский флот, участвовал в военных действиях русской армии в Греции во время русско-турецких войн 1769–1774 гг., 1787–1792 гг. За успехи был награждён чином полковника и орденом Святого Георгия IV степени, а также имением в Крыму. После неудачного подпольного сопротивления на родине в 1794 г. переехал в г. Херсон. Его потомки в России отличились на военной службе. Правнук Спиридон Александрович Качиони был известным юристом и свояком художника И. К. Айвазовского.

Следующая диаграмма демонстрирует распределение жалоб по месяцам в течение 1792 г. и динамику работы канцелярии Державина *(рис. 5)*. Согласно её данным видно, что большая часть прошений была подана в январе, марте и апреле, меньше всего обращались с прошениями в сентябре и декабре. В остальные месяцы среднее количество прошений составляло 40. В среднем Державин в месяц разбирал до 49 жалоб. Учитывая, что секретарь дежурил в приёмной

---

[1] «Юности честное зерцало, или Показания к житейскому обхождению» — пособие для обучения и воспитания детей дворянского сословия, составленное по указанию Петра I. Автор этого произведения неизвестен. Работу по его составлению курировал Я. Брюс.

Рис. 5. *Динамика подачи прошений за 1792 г.*

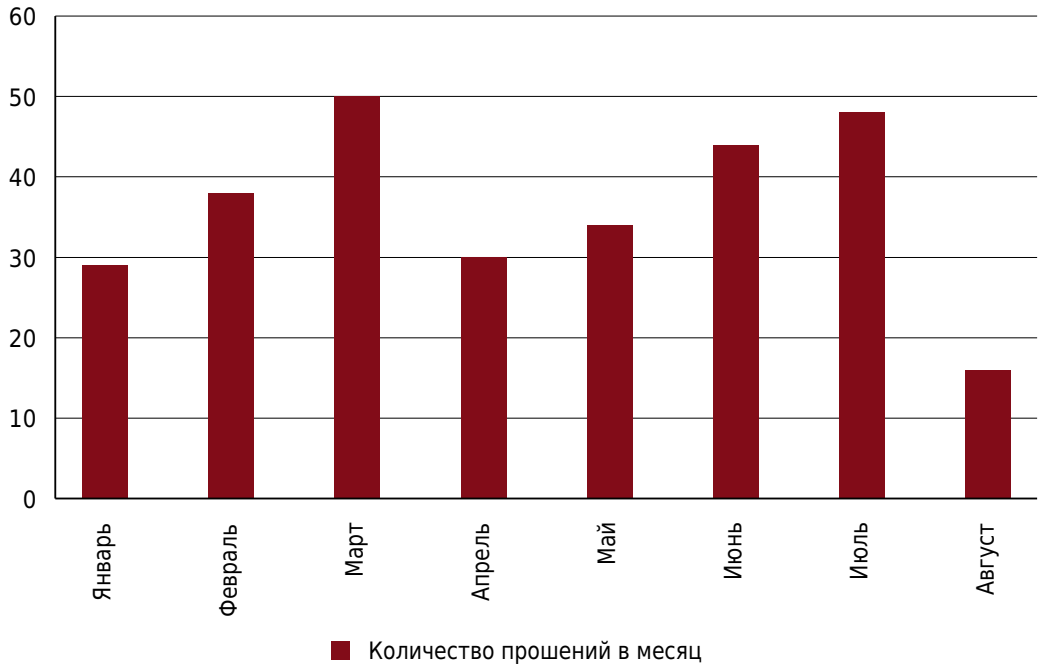


Рис. 6. *Динамика подачи прошений за 1793 г.*

императрицы раз в неделю, то в среднем в неделю поступало 12 прошений, включая те, которые поступали по почте.

Аналогичная диаграмма за 8 месяцев 1793 г. отражает наиболее интенсивные периоды в работе канцелярии Державина — март, июнь и июль, а также наименее напряжённые — апрель и август *(рис. 6)*. В августе было разобрано меньше всего дел, так как именно в этом месяце он был уволен с должности статс-секретаря. В среднем в месяц Державину приходилось рассматривать до 36 прошений.

Рассмотрим некоторые группы прошений, ярко иллюстрирующие проблемы российского общества второй половины XVIII в., которые составляли предмет каждодневной работы статс-секретаря Державина. Начнём анализ с *категории жалоб на притеснения начальства и властей*. В январе 1792 г. к императрице с прошением обращался прапорщик Кирилл Вершинин, чиновник нижнего земского суда Казанского уезда. Он сообщал, что во время его отлучки по служебным делам в его городском доме в г. Казани прятались от полиции два преступника. Его начальство расценило это как укрывательство и предало Вершинина уголовному суду. Уездным и верхним земским судом, а также уголовной палатой суда он был признан невиновным, так как обстоятельства дела доказывали его непричастность к сознательному укрывательству беглых разбойников. Однако генерал-губернатор кн. П. С. Мещерский был не доволен таким решением суда, забрав дело из судебной палаты, передал его на рассмотрение Сенату. Вершинин был отрешён от должности, и ему было запрещено покидать Казань. Чиновник жаловался на такое притеснение вышестоящего начальства. Он писал, что его д. Малинка в три крестьянских тягла осталась без присмотра, а он лишён средств к существованию. В соответствии с описанным бедственным положением Вершинин просил рассмотреть его судебное дело «не в очередь», т. е. во внеочередном порядке[1].

Ещё более сложным было дело надворного советника Тимофея Штукарёва, обратившегося к императрице весной 1792 г. Из его прошения мы узнаём, что он 46 лет находился на государственной службе, начав её солдатом армейского пехотного полка. В период с 1746 по 1770 г. он дослужился до секунд-майора. После отставки был задействован в строительстве Зимнего дворца: наблюдал за работами, приходом и расходом «знатных» денежных сумм. Нареканий в его адрес на этом месте работы не поступало, а даже, наоборот, за честное выполнение поручений он был награждён аттестатом. В 1773 г. был назначен товарищем воеводы в г. Осташков Тверского воеводства. Затем был пере-

[1] ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 5. Д. 3. Л. 2–2 об.

ведён на должность расправного судьи в Тверском наместничестве. Потом служил в г. Ржеве, в 1782 г. переведён в суд г. Бежецка. Везде он имел хорошие отзывы от начальства, коллег и местного дворянства.

Однако разбирательство судебного дела в нижней расправе Бежецкого наместничества между действительным камергером и кавалером А. Г. Петрово-Солововo и крестьянами по поводу спорной пустоши в с. Кореляны перечеркнуло всю его жизнь. И он, старик, с женой и тремя дочерьми остался без денежного обеспечения, да ещё находился под уголовным следствием. Дело состояло в том, что канцелярист суда Верёвкин, взявшись якобы помочь крестьянам, составил жалобу, в которой опустил все подробности притеснения крестьян, выгородив тем самым князя. Просмотрев черновик жалобы, Штукарёв прочитал её крестьянам. Те, сразу же заметив извращение их слов, попросили написать заново и правильно. Как указывал Штукарёв в своём прошении, он, зная неграмотность крестьян и «по простоте своей», исправил текст их жалобы на помещика. Верёвкин, затаив злость на Штукарёва за то, что он неоднократно делал ему замечания по поводу брани на крестьян и сотрудников суда, да ещё не позволил обмануть крестьян, отдал черновик жалобы поверенному князя, а тот передал его губернскому прокурору. Дело дошло до тверского наместнического правления. В результате Штукарёв был уволен и отдан под суд. С тех пор, с 1786 г. и по 1792 г., он находился без средств и под уголовным следствием, которое тянулось уже 6 лет. Штукарёв просил императрицу содействовать его оправданию[1].

Заседателю псковского верхнего земского суда Василию Вохину тоже пришлось жаловаться на своё начальство. В 1791 г. он уехал в г. Архангельск для принятия опеки над своей племянницей, дочерью умершего брата, вице-губернатора Окунева. Псковский губернатор Зуев подал на него жалобу в Сенат за самовольный отъезд, да ещё в условиях, когда вскрылись хищения казённых 2700 руб. казначеем Лебедевым. По правилам тех времён за проступки подчинённых отвечали начальники, поэтому он должен был уплатить украденную казначеем сумму денег. Зуев обвинял Вохина ещё и в том, что тот не выставил за прошлый 1790 г. двух рекрутов.

Вохин отвечал в Сенат на обвинения следующее: что при отбытии в г. Архангельск записался в журнал и прибыл обратно на службу в срок, рекрутов предоставил должное количество, только двое из них бежали, о чём он сообщал губернатору. Свидетельством его платёжеспособности и одновременно залогом являлось его имение

[1] ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 5. Д. 6. Л. 2–5.

в 200 душ. Вохин обращался к генерал-губернатору О.А. Игельстрому, жаловался на придирки начальства. Он указывал, что причиной притеснений служила неприязнь к нему со стороны Зуева, которая, в свою очередь, была обусловлена соперничеством в установлении опеки над богатым племянником Вохина Шишкиным. В итоге Вохин был избран опекуном, и с тех пор Зуев затаил на него злобу. Вохин жаловался на Зуева за то, что тот отстранил его от должности и отдал под суд. Барон О.А. Игельстром по этому делу обращался к Державину, указывая на строптивость и нахальство Вохина, просил решить дело так, чтобы Сенат не обидеть. В итоге с Вохина взыскали денежный штраф за неуважение и дерзость начальству[1].

Из всех просителей по этой категории дел выделился председатель Кавказского губернского магистрата Пётр Иванович Аврамов. Он в 1793 г. подал жалобу, адресованную лично Державину. Изложение дела он оформил брошюрованной книгой в 66 стр. (в то время как существовал утверждённый самой императрицей формуляр в несколько страниц), названной «Приключение нещастного судьи в Астрахани!». Он в державинском подробном стиле с приложением сопутствующих бумаг излагал суть своего дела. В 1791 г. астраханским губернатором Брянчаниновым он был назначен председателем губернского магистрата в г. Астрахани. При первом знакомстве с его работой он обнаружил 94 нерешённых судебных дела, которые ещё к тому же не были переплетены и записаны в реестр по правилам. Аврамов заставил подчинённых всё исправить. Одного из секретарей суда, неправильно визировавшего входящие бумаги, он просил заменить на более толкового. Он вскрыл нарушения законодательства, неправильное применение норм закона. О замеченных недостатках и ошибках в работе суда Аврамов неоднократно писал правителю наместничества. За своё стремление к справедливости и правде поплатился отставкой и судом[2].

На притеснение петербургского губернатора Коновницына жаловался князь, премьер-майор Александр Грузинский. Губернатор, по его словам, отобрал у него двух крепостных крестьян, оскорблял, следствие по его делу не производил. Примечательно, что мотивируя своё обращение к царице, Грузинский указывал то, что на справедливость иных властных и административных институтов он не надеялся[3].

В записках просителей содержались *примеры хищений казённых денег и коррупционного поведения чиновников.* Так, действительный стат-

---

[1] ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 5. Д. 29. Л. 3–9 об.

[2] Там же. Д. 84. Л. 4–71.

[3] Там же. Д. 69. Л. 4–5.

ский советник Авраам Анненков, коллежский советник Карл Врангель и асессор Пётр Рудомазов сообщали, что, когда они служили соляными приставами в Курской казённой палате, при очередной проверке балансов вскрылись махинации с продажей государственной соли (44 134 пуда) служащим поручиком Доброхотовым на сумму 1128 руб. По правилам того времени эту сумму взыскивали с них. Заявители писали, что сами замечали и притесняли любых нарушителей закона, поэтому просили освободить их от штрафа. К тому же, имея семьи и небольшое жалование, они не могли возместить потери казне. По этому делу Сенат приказал городничему и стряпчему взять объяснения с казённой палаты и наказать виновных[1].

Примером *прошений по служебным делам* является прошение доктора Якова Ренненгса, поданное в 1793 г. Он с 1781 г. находился на российской службе: под руководством Г. А. Потёмкина служил на Кавказе, в Иверии, Турции и Армении. Зная восточные языки, сопровождал Потёмкина в его поездках по Бессарабии и Молдавии. В 1786 г. после успешного выполнения дел в Грузии был награждён. Тогда же он возглавил Медико-хирургическое училище и госпитали, далее стал учёным секретарём государственной Медицинской коллегии. Положительный отзыв о его работе от непосредственного своего начальника П. В. Завадовского доктор также приложил к прошению. Его деятельность в России была замечена: он был выбран академиком Римско-Императорской, Гёттингенской и Берлинской медицинских академий. Просьба к царице состояла в том, чтобы она отпустила его на родину, освободив от служебных обязанностей в России[2]. Это дело было оставлено в связи со смертью просителя.

Купечество, наряду с дворянством, было активным адресантом прошений к императрице. По большей части их волновали *торговые дела*. Например, екатеринославский купец 2-й гильдии Степан Прокофьев жаловался императрице на своих коммерческих компаньонов из г. Константинополя, разоривших и отдавших его под суд. Поначалу купцы сообща осуществляли казённые поставки, содержали питейные откупа, имели промыслы. Однако вскоре его товарищи Григорий Скопин и Иван Остроухов стали удерживать в своих руках поступавшую совместными усилиями прибыль. Прокофьев, взявший на себя трехлетние обязательства по провиантским и лесным поставкам в казённые ведомства, вынужден был занимать деньги. В 1787 г. Скопин обвинил его в выдаче фальшивых векселей на 20 тыс. руб.

---

[1] ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 5. Д. 59. Л. 2–5 об.

[2] Там же. Д. 60. Л. 6–10 об.

Магистрат взял под стражу Прокофьева и арестовал его имущество. Вскоре компаньоны Прокофьева получили власть в местном магистрате: Остроухов стал бургомистром, а Скопин — градским главою.

Прокофьева четыре месяца содержали в магистратской тюрьме, били. Угрожая жене, компаньоны забрали из его дома деловые бумаги. Чтобы избежать ответственности, Скопин продал конский завод свояку. Прокофьев, не рассчитывая на помощь управы благочиния, отправил жалобы в совестный суд, екатеринославскому губернатору В. В. Каховскому и генерал-губернатору Г. А. Потёмкину. Дело оставалось без разбирательства уже три года[1].

В 1792 г. с просьбой обращался купец 1-й гильдии Михаил Гершевич Мендель. Он был единственным иностранцем (родом из Пруссии), записанным в московское гильдейское купечество. Вместе с отцом он занимался гуртовой торговлей. В связи с указанием императрицы о запрете записывать евреев в купечество внутренних российских городов и портов (введение «черты оседлости»), их торговые дела пришли в упадок. Он просил принять во внимание, что они принесли казне доход более чем на 200 тыс. руб., регулярно уплачивая торговые пошлины. Купец просил выделить ему время для того, чтобы успеть распродать свой товар в Москве и Московской губернии. Его прошение осталось без ответа[2].

Армянский купец Алабов жаловался на захват его товаров московскими купцами Авксентием Иевлевым, Авраамом Зубковым и ростовским купцом Василием Милютиным. Они незаконно удерживали его товары якобы в счёт долга, который Алабов им не уплатил[3].

Интересно обращение к Державину купца и заводчика Михаила Сибирякова. Он просил у него исходатайствовать денежную помощь для восстановления своего Воздвиженского завода по выплавке серебра. Причина, по которой Сибиряков обратился за государственным пособием по примеру выделяемых субсидий Нерчинскому и Колывановскому заводам, состояла в том, что местным горнозаводским начальством его завод был разорён, рудники были отобраны, заводские строения сломаны, дом в г. Иркутске арестован. Он с горечью писал, что работы в рудниках остановлены, дрова для рудовозных судов уничтожены, проложенная им дорога к заводу через буераки и горы уничтожена. Михайловский серебряный рудник, богатый запасами серебра, был сожжён. Его обращения в Горную экспедицию не при-

---

[1] ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 5. Д. 4. Л. 2–5 об.

[2] Там же. Д. 22. Л. 2–3.

[3] Там же. Д. 10. Л. 4–6.

несли успеха — понимания со стороны чиновничества он не встретил. Он подсчитал, что за каждый день простоя государство теряло 500 руб.

Радея за своё дело и государственную пользу от него, Сибиряков просил выделить ему на восстановление заводов 100 тыс. руб. и предоставить 300 чел. рабочих на его содержание. Обращаясь к Державину, Сибиряков восклицал: «Будь вы Сыном Отечества и попечителем о приращении интересов государственных, то поможете в деле». Свою надёжность и платёжеспособность он подтверждал указанием на то, что ежегодно он выплавлял более 300 пудов чистого серебра, а также золота и свинца «на немалые тысячи». Сибиряков обещал вернуть выделенный кредит с прибылью, содержать рабочих за свой счёт. Себе просил только ¾% от золотника[1]. Купец подчёркивал, что, прежде всего, думает о государственной пользе, а не о собственной наживе. Данное дело было решено положительно — купец получил просимую субсидию[2].

Часто к императрице обращались за содействием к понуждению ответчиков по *судебным спорам* явиться в совестный суд. Поручик Иван Неручев просил помочь разобраться со своим дядей по поводу торговых откупов в Тверском наместничестве. Прапорщик Яков Козмин жаловался на подполковника Логинова за отказ разобраться с ним в совестном суде г. Санкт-Петербурга. Воронежский купец Клочков также просил заставить козловского именитого гражданина Викулина прийти в совестный суд и ответить за неправомерное завладение его каменным домом и неуплату комиссии. Купец Никонов просил привлечь к суду купца Гудкова за присвоение его имущества.

Санкт-петербургский купец Гусев просил помочь разобраться в его запутанном деле. Он осуществлял поставки свечей ко двору через Городецкого, а тот неожиданно умер, не заплатив ему за крупную поставку на сумму в 16 тыс. руб. Сиротский суд описал его имение и назначил к вдове и малолетним детям опекунов. Долг Городецкого перед разными кредиторами составлял более 105 тыс. руб., половина долга приходилась на долю придворных комиссионеров. Оставшегося после смерти Городецкого имущества не хватало для покрытия всех его долгов. В начавшемся споре между кредиторами Гусев был оттеснён от конкурса, поэтому просил включить его в очередь кредиторов.

Мещанин Михайлов просил повелеть купцу Попову явиться в совестный суд и разобраться с невыплатой ему долга по контракту. Надворный советник Роман Бакшеев жаловался на уклонение от суда

---

[1] Золотник — старая русская мера веса, равная 4,266 грамма.

[2] ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 5. Д. 82. Л. 3–4.

подполковника Сергея Гендрикова, купившего имение у сестры Бакшеева и недоплатившего 20 тыс. руб. Прапорщик Васильев просил принудить надворного советника Плюскова исполнить решение суда о выплате долга по векселю[1]. Прапорщик Еромолай Шестаков в 1793 г. тоже просил понудить нерадивого ответчика майора Герасима Мицкого явиться в смоленский совестный суд по спору об имении[2].

Поручица Алакаева просила разобрать в уфимском совестном суде её спор с племянницей Анисьей Стрелковой. Она взяла племянницу на содержание, воспитала её, выдала замуж за протоколиста Степанова, дала ей приданое, содержала её с мужем в своём доме. При жизни Алакаева подарила ей своё имение, но с условием, чтобы племянница не распоряжалась им при её жизни. Племянница нарушила данное устное обещание и завладела имением тётки. Говоря современным языком, Алакаева совершила притворную сделку: договор ренты с пожизненным иждивением прикрыла договором дарения[3].

Примером просьбы разобраться в *наследственных делах* может служить дело действительного статского советника Сухарева. Ему в 1781 г. бездетный надворный советник Михаил Лопырев завещал в вечное и потомственное владение своё имение в Ярославском уезде. Завещание было подписано самим наследодателем в присутствии пяти свидетелей. Лопыреву имение досталось от первой жены. После смерти Лопырева его племянница Мария Андреевна Грейц предъявила права на имение тёти. Сухарев сообщал, что при содействии её мужа завещание Лопырева было уничтожено в суде. Соответственно Сухарев просил восстановить его в правах на завещанное ему имение[4].

Просьбы о награждении орденом или очередным чином не всегда были беспочвенны. Так, мещанин Гладков Тобольского наместничества просил наградить его за хорошо выполненное задание начальника Колывановского наместничества о содействии переходу в российское подданство киргизов, живших за Алтайскими горами. Его усилиями были возвращены похищенный киргизами крестьянский сын и угнанный ими скот. Гладков способствовал налаживанию мирных отношений между русскими и киргизами. Изложенные в прошении факты подтверждали соответствующими свидетельствами и аттестатами начальники Гладкова[5].

---

[1] ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 5. Д. 90. Л. 1–5.

[2] Там же. Д. 75. Л. 2.

[3] Там же. Д. 90. Л. 5 об. – 6 об.

[4] Там же. Д. 16. Л. 2–3 об.

[5] Там же. Д. 47. Л. 4–6.

Причиной обращения к монаршему вниманию для государственных крестьян и однодворцев были *споры о земле*. Они были вызваны недавно проведённым Генеральным размежеванием земель. Так, дворцовые крестьяне села Иванцова и деревни Шандоровой жаловались на капитан-поручика Нила Панова на незаконное отмежевание себе части их земельных наделов[1]. Однодворцы деревни Сотниковой также указывали на ошибочное определение земельных границ с имениями коллежского советника Петра Лопухина и секунд-майора Александра Новосильцева, в результате которого от их земель были отрезаны ценные для хлебопашества угодья. На запрос Державина второй департамент Сената отвечал, что дело это ещё не было рассмотрено, так как до него не дошла очередь[2].

Земля вокруг Ревдинского завода была предметом спора между заводчиками Петром Демидовым и Турчаниновым. Демидов был правнуком Никиты Демидова, первого уральского заводчика петровской поры. Царь наградил Демидова за дело развития металлургической промышленности в России исключительным правом строительства заводов на Урале. Это право неоднократно подтверждалось преемниками Петра I. Пётр Демидов купил спорную землю у башкир и на свои средства построил завод. Турчанинов же на государственные деньги основал завод рядом с демидовским, при этом ещё отхватил часть принадлежавших ему земель. Демидов просил урегулировать спор, учитывая заслуги своего знаменитого предка[3].

Коллежский советник, прокурор верхнего земского суда г. Ревеля Карл фон Гарпе просил вернуть ему его родовое имение, незаконно захваченное полковницею Екермановой. Он писал, что имение Каулеп вначале выбывшее из его собственности, было им выкуплено у майора Кридинера, которому оно досталось в результате судебного спора с Екермановой. В результате длившегося после покупки им имения судебного разбирательства суд приказал Гарпе освободить имение[4].

Из разряда *прочих категорий дел* отметим записку рижского и ревельского генерал-губернатора Ю. Ю. Броуна, в которой он просил императрицу защитить именитого гражданина[5] Лелюхина от нападок конкурентов в деле производства рижского бальзама. Лелюхин после

---

[1] ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 5. Д. 23. Л. 2–3.

[2] Там же. Д. 13. Л. 2–4.

[3] Там же. Д. 71. Л. 2–4 об.

[4] Там же. Д. 12. Л. 5–5 об.

[5] Именитые граждане — привилегированный слой городских жителей XVIII в., которые освобождались от телесных наказаний, имели право содержать фабрики

смерти штаб-лекаря Кунцена, передавшего ему секрет производства целительного бальзама, от третьего департамента Сената получил право не только на его изготовление, но и поставку в госпитали. Он купил участок земли в предместье г. Риги и построил там фабрику по изготовлению бальзама. Однако появился некто Ветошников, который хотел запатентовать мнимый рецепт производства аналогичного бальзама, послав его образец в Медицинскую коллегию. В результате проверки действия бальзама Ветошникова он оказался негодным.

Лелюхин, умирая, передал секрет производства бальзама своему старшему сыну Григорию в присутствии купцов 1-й гильдии. Завещание было оформлено в суде. Наследник Лелюхина, новый держатель секрета производства бальзама, обратился к генерал-губернатору за содействием в получении подтверждения от Сената своего исключительного права. Однако на губернаторский запрос Сенат молчал. В то же время конкуренты Лелюхина активизировались и продавали под видом бальзама обыкновенную водку, пошлины на которую были выше, чем на бальзам. Ю. Ю. Броун просил императрицу поддержать Лелюхина, так как от него было много пользы государству и в виде производства целительного бальзама, и в виде регулярно уплачиваемых пошлин[1].

Особое место в ряду разбираемых прошений занимает дело придворного банкира барона Ричарда Сутерланда, посредника царицы при иностранных займах. В записке императрице по этому делу Державин писал, что он подозревал банкира в махинациях с казёнными деньгами и если он обнаружит в его конторе эту недостачу налицо и установит их траты на незаконные цели, то обещал вернуть их, так как «честь и доверенность императрицы почитал выше всего на свете». Он беседовал со стряпчим Францем Вагнером и выяснил, что в процессе судебного разбирательства со своим компаньоном купцом Моцениго он получил от Сутерланда взятку за содействие в судебном деле. Правда, в официальном объяснении на имя императрицы Вагнер отказался от своих слов, ссылаясь на то, что 15 тыс. руб. ему были переданы как третьей стороне на временное хранение[2].

Весной 1792 г. в секретном предписании членам комиссии по расследованию хищений из государственной казны Васильеву, Державину и Новосильцеву Екатерина II писала, чтобы они расследовали это дело осторожно и без огласки. Суть была в том, что Сутерланд от амстер-

---

и следовать дворянскому образу повседневной жизни. Данная социальная группа существовала до 1832 г., когда была учреждена категория почётных граждан.

[1] ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 5. Д. 12. Л. 2–4 об.

[2] ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 1. Т. 20.1. Л. 207–209.

дамских купцов получил 6,5 млн гульденов, но не передал их в казну. Екатерина просила выяснить, где находились у банкира деньги (в виде имущества или обязательств), чем можно восполнить недостачу и как возвратить утаённые суммы. В предписании она делала выговор Экспедиции государственных доходов и её главе Васильеву, которые не усмотрели несоответствие счетов в конторе придворного банкира. В конце секретного поручения императрица велела все найденные в конторе Сутерланда деньги обратить в государственную казну[1].

При осмотре кассы Сутерланда были обнаружены два конверта с деньгами на общую сумму в 37,5 тыс. руб. Державиным было установлено, что деньги были переданы Сутерланду от подполковника Глебова за содействие в деле провинциального секретаря Семёнова. Семёнов намеревался получить от казны причитавшиеся его тётке Ипатьевой деньги за содержание оренбургских откупов. А ещё Глебов просил исходатайствовать Семёнову чин, за что был передан дополнительный конверт с деньгами[2].

Державин, изучив всю бухгалтерскую документацию конторы Сутерланда, в том числе «чёрные тетради», установил, что годовой доход банкира составлял более чем 28 млн руб., а весь его капитал оценивался в 172 млн руб.![3]

Вероятно, история с Сутерландом навеяла Державину мысли о составлении записки «Начертание должности придворного банкира и основания его оборотов». В первых строках своеобразной должностной инструкции придворного банкира Гавриил Романович определял место этой должности в государственном аппарате: она учреждается при государственной казне, и придворный банкир подчиняется государственному казначею. Державин считал, что его надо было выбирать из купечества, так как банкир должен хорошо разбираться в коммерции, уметь вести дела с иностранцами, предлагать начальству наилучшие средства повышения доходности казны.

Большое внимание Державин уделял личным качествам претендентов на должность придворного банкира: по его представлениям, он должен быть верным своей работе, обладать безупречной репутацией в профессиональной среде, иметь хорошие отношения с местным купечеством, не быть тщеславным и не рассматривать свою должность как средство личного обогащения. В системе его ценностей государственные польза и интересы должны были стоять на первом месте. Придворный банкир, чтобы избежать конфликта интересов,

---

[1] ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 5. Д. 9. Л. 1–1 об.

[2] Там же. Л. 5–5 об.

[3] Там же. Л. 9 об.– 17 об.

не должен был заниматься торговлей. В его обязанности входили проверка предоставляемых задатков и залогов[1]. Как можно заметить, требования были вполне логичными, но слишком завышенными и нереальными для практического осуществления — магическая природа денег никогда не притягивала к себе честных людей.

Деятельность Державина в должности личного секретаря императрицы вызывала зависть и недоброжелательство в придворных кругах. Напористость в антикоррупционной деятельности не нравилась и самой императрице. Не будучи ловким царедворцем, не умея, по его выражению, «змеёй пред троном» сгибаться, Гавриил Романович нажил много врагов. Однако его присутствие в самом эпицентре принятия властных решений, возможность оказания хоть незначительного влияния на них говорят о достаточно высоком уровне политического доверия к нему.

Гавриил Романович пользовался уважением и даже популярностью со стороны рядового дворянства, чиновничества, купечества, о чём свидетельствовали прошения, адресованные ему лично, а не императрице. Совестливость секретаря увеличила количество прошений по социальным вопросам. В его заведование приёмной царицы сократились жалобы на притеснение и волокиту в государственных учреждениях. Именно Державин положил конец долгой тяжбе иркутского губернатора И. В. Якоби, выявил крупные махинации придворного банкира Р. Сутерланда.

Канцелярия Державина была одной из самых многолюдных и интенсивно работавших (было разобрано почти 900 прошений за неполных два года). Сам Гавриил Романович демонстрировал образец преданного и ответственного отношения к порученному направлению деятельности. Он прекрасно справлялся с задачей поддержания неформального канала обратной связи с обществом. В его статс-секретарство даже крепостные крестьяне стали чаще писать императрице.

Дотошность и отзывчивость Державина на прошения изрядно надоели императрице, которая, по словам секретаря А. В. Храповицкого, после очередного доклада Гавриила Романовича в феврале 1792 г. заметила, что «он ходил к ней с такими жалобами, которыми бабы разжалобили его тёщу и жену»[2]. В итоге в сентябре 1793 г. он был удалён с должности статс-секретаря и переведён в ведомство Коммерц-коллегии. За верную службу он был награждён должностью сенатора межевого департамента Сената и орденом Святого Владимира II степени[3] *(см. приложение 1, документ № 17)*.

---

[1] ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 6. Д. 2. Л. 119–121.

[2] Храповицкий А. В. Памятные записки. М., 1862. С. 260.

[3] ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 2. Д. 7.

ГЛАВА IV

Президент Коммерц-коллегии и сенатор межевого департамента Сената — почётная ссылка

Президентом Коммерц-коллегии Г. Р. Державин был назначен в январе 1794 г.[1] *(см. приложение 1, документ № 18).* К тому времени Коммерц-коллегия утратила некогда важное государственное значение, так как её функции по торговым и таможенным делам были переданы губернским казённым палатам, а в её ведении оставались незначительные вопросы торговли с английскими купцами. В сентябре 1796 г. эта коллегия была упразднена. Это назначение было почётным отстранением от двора, к хитросплетениям и особым правилам жизни которого Державин так и не смог приспособиться. По замыслу Екатерины II, на таможенной службе Державин мог отдохнуть от изобличения чиновников-мошенников и сам подзаработать. Не таков оказался Гавриил Романович — вновь устоял от соблазнов и активно пресекал корыстолюбивые поползновения подчинённых.

На новом месте Державин нашёл себе занятие по своим принципам: он провёл ревизию складов портовых таможен, обнаружив недостатки и упущения в хранении товаров, осуществил проверку процедуры таможенных досмотров, производившихся не тщательно и с нарушениями. Он раскрыл махинации иностранных купцов и таможенных чиновников, занижавших стоимость ввозимых товаров для снижения уплачиваемых с них пошлин. Правда, на подготовленный рапорт о вскрытых злоупотреблениях монаршей реакции не последовало.

Хорошо зная проблему кадрового обеспечения государственных ведомств, Державин предлагал расширять штат таможенных служащих за счёт честных, расторопных и знающих своё дело людей. Он был против привлечения к службе, в особенности на западных окраинах империи, учеников, обучавшихся таможенному делу при петербургском порту, так как они многого не знали и вполне были удобны для опытных акул таможенной службы. В цолнеры[2] советовал назначать опытных чиновников[3].

---

[1] РГИА. Ф. 796. Оп. 75. Д. 20. Л. 3–3 об.

[2] Цолнер — таможенный надзиратель.

[3] ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 6. Д. 2. Л. 13–14.

На посту руководителя Коммерц-коллегии Державин вновь отличился инициативностью: уже в марте 1794 г., т. е. спустя три месяца после назначения на новую должность, он составил записку императрице, в которой сразу же обозначил своё отношение к службе и вскрытым им недостаткам в работе ведомства. Во-первых, Гавриил Романович подчёркивал, что своё предназначение в качестве президента Коммерц-коллегии он видел в неукоснительном соблюдении законов, надзоре за петербургской таможней и соблюдением её Регламента[1]. Во-вторых, он заметил отсутствие единообразия и порядка в государственном управлении коммерцией, что, по его наблюдениям, вело к различного рода «казусам». Это, по мнению Державина, выражалось в том, что сбор таможенных пошлин осуществляли казённые палаты, а деятельность торговых бирж находилась в ведении магистратов. Его предшественник на этой должности князь А. Р. Воронцов решал эти противоречия лично, что называется в «ручном режиме». Сам Державин так вести дела не рисковал, поэтому просил императрицу утвердить дополнительные к Регламенту инструкции для президента Коммерц-коллегии с тем, чтобы его полномочия были чётко определены[2].

В одной из записок Державин особое внимание обращал на проблему тайного и незаконного ввоза на территорию страны запрещённых товаров. Он считал, что государство должно было поставить ввоз товаров под жёсткий контроль. Методами регламентации, по мнению Гавриила Романовича, могли стать учёт поступавших из-за границы товаров, маркировка их специальными клеймами, введение дополнительных таможенных пошлин. После прохождения процедуры легализации товары могли поступать в свободную продажу. Зная о широко укоренившейся практике обхода закона, учитывая огромную территорию империи, Державин предлагал расширить штат негласных таможенных смотрителей, которые отслеживали бы торговый оборот. «Умеренность в роскоши и ободрение отечественных фабрик» должны были принести пользу экономике[3].

О масштабах нелегально ввозимых и сбываемых в стране, а также вывозимых из неё товаров Державин знал от своих осведомителей. Так, заседатель могилёвского губернского магистрата Медведев и чиновник черниговского наместничества Добрянский сообщили ему о том, что купец из Черниговской губернии Головлев с сыновьями тайно вывезли из страны 122 бочки постного масла и старых серебря-

---

[1] ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 6. Д. 2. Л. 3.

[2] Там же. Л. 3 об.–4 об.

[3] Там же. Л. 42–55.

ных монет на 30 тыс. руб. Из Москвы его агенты сообщали о тайно ввезённой большой партии товара из Польши шкловскими и польскими евреями. Их беспрепятственный ввоз стал возможен благодаря фальсификации таможенных штемпелей.

Державин высоко оценивал содействие Коммерц-коллегии московского купца Ивана Минина, потомка того самого Козьмы Минина — героя ополчения периода Смуты. Он раскрыл махинации с незаконным ввозом товаров в Москву рижским купцом Евстафием Артемьевым, комиссионером шкловских евреев, сбывавшим ситец по низкой цене на большие суммы. Он же сообщал об активной нелегальной деятельности ещё двух представителей еврейского купечества в Москве — Василия Шмита и Евстафия Вельцена, которые продавали товар с фальшивыми клеймами в год на 0,5 млн руб.[1] (!). Деятельность таких осведомителей из купеческой среды была обоюдно выгодна и власти, и торговцам. Дело в том, что в результате успешно проведённой «операции» половина контрабанды доставалась государству, а другая половина — информатору.

Обуздать нелегальную торговлю Державин предлагал посредством возврата старых кадров таможенных служащих, которые были распущены в связи с открытием новых таможней в Западном крае в результате присоединения части территории Речи Посполитой, а также с помощью ужесточения контроля со стороны московского главнокомандующего и губернатора. Он настаивал на немедленном возбуждении уголовных дел в суде по доносам И. Минина[2].

Иногда к Державину обращались купцы с прошениями. Так, в мае 1794 г. Гавриилу Романовичу жаловались петербургские купцы Григорий Нежинский, Павел Пономарёв и Фёдор Катанаев. Проблема состояла в том, что они не могли свободно приобрести торговые места в Гостином дворе, где торговали только богатые купцы, так как переоброчка торговых мест проходила в последний раз в 1764 г. и бывший глава Коммерц-коллегии А. Р. Воронцов часто проводить переоброчку не разрешал. Державин повелел чаще проводить переторжку торговых мест и давать возможность выходить на рынок предприимчивым купцам, тем более, что они предлагали более высокую годовую плату за торговое место, что для государства было выгоднее[3].

Державин сетовал на то, что государственным торговым ведомствам неизвестна была общая сумма взимаемых с иностранных купцов пошлин. Он обращал внимание на устаревший Таможенный устав

---

[1] ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 6. Д. 2. Л. 91 об.–94.

[2] Там же. Л. 94 об.–95.

[3] Там же. Л. 97–99.

1755 г., который надо было заменить на новый[1]. Для единообразия Гавриил Романович предлагал взимать единые торговые пошлины как с российских купцов, так и с купцов из Ревеля, Риги и других присоединённых к империи территорий[2]. Тем более, что торговое дело в западных областях развивалось бурно и вполне успешно, его стимулирование сулило казне внушительные доходы.

Особенно остро для страны, по мнению государственного деятеля, стояла проблема нелегального вывоза из России золотых и серебряных монет. Для России тогда актуально было пополнять запасы монет для чеканки российских денег. По его наблюдениям, российские купцы, торговавшие через белорусские губернии, вывозили товар на меньшую сумму, а в Лейпциге, Данциге и других европейских городах закупали самые дорогие товары, тем самым вывозя из страны капиталы. Иностранные купцы вместо ефимков[3] часто расплачивались российскими рублями, что было прикрытием злоупотреблений в тарифной политике. Державин, проанализировав доходность казны от иностранной торговли за 1750–1762 гг. и за 1784–1795 гг., пришёл к выводу о том, что торговые обороты увеличились, а количество взимаемых пошлин уменьшилось, так как иностранцы платили рублями, а не ефимками[4].

Изучив торговый баланс на 1793 г., Державин констатировал, что хотя по 12 портовым и 6 пограничным таможням было вывезено российских товаров на сумму более чем в 17 млн руб., однако этот положительный перевес был мнимым. Дело было в том, что иностранцы продавали свои товары по более низкой цене. К тому же высоки были обороты с нелегально ввезёнными товарами, да и вексельный курс был не в пользу отечественных коммерсантов. Иными словами, объёмы и успехи теневой экономики превосходили формальные показатели. Казна недополучала огромные деньги. Для поддержания российской экономики Державин предлагал разработать новый таможенный тариф[5].

Уже в первые месяцы президентства в Коммерц-коллегии Державин столкнулся с активным сопротивлением таможенного чиновничества. В записке царице он сообщал, что таможенный советник А. А. Беер и директор петербургской таможни Даев проявляли к нему неуважение: на запросы не отвечали, ведомости не подписывали, сведений

---

[1] ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 6. Д. 2. Л. 116.

[2] Там же. Л. 117.

[3] Ефимок — это русское название западноевропейского серебряного талера, используемого как сырьё для чеканки российских монет.

[4] ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 6. Д. 2. Л. 117 об.–124.

[5] Там же. Л. 148–149 об.

о количестве учеников и слушателей при столичных портах и биржах не предоставляли и пр. Со стороны это выглядит как стремление Державина к установлению своей власти над подчинёнными, проявление его властолюбия и нетерпения к возражениям.

Однако всё обстояло иначе. Гавриил Романович искренне радел за государственные интересы. В частности, его запрос к директору санкт-петербургской таможни выслать ему одного из таможенных учеников Милова, формально послуживший началом вражды, преследовал цель расширить штат негласных осведомителей Коммерц-коллегии в новых западных губерниях. Милова Державин намеревался отправить в Белоруссию и Москву, где процветала торговля беспошлинными товарами. Демонстративный отказ выполнить просьбу начальника, чинимые препятствия подчинённых задели и самолюбие Державина, и он, не собиравшийся поначалу устраивать взыскания с нерадивых чиновников, решился отстаивать свою позицию[1]. Даже на заявление генерал-прокурора Сената А. Н. Самойлова о том, чтобы Державин не вмешивался в дела столичной таможни, он парировал тем, что он ещё в эти дела даже не входил, но лишь учтиво запрашивал справки[2]. Видимо, зная деловую хватку «певца Фелицы», чиновники перестраховались и нанесли упреждающий удар.

Вследствие своей прямолинейности и стремления к пресечению любых проявлений беззакония, Державин и в этом ведомстве вступил в противоречие с чиновниками. Дважды, в мае и июле 1794 г., он обращался к П. А. Зубову, новому фавориту императрицы, с просьбой оказать содействие в личном объяснении с Екатериной II. Он рассказывал, как санкт-петербургский вице-губернатор И. А. Алексеев, советник таможенных дел Санкт-Петербургской казённой палаты А. А. Беер и главнокомандующий в Москве А. А. Прозоровский, зная его вспыльчивый нрав, в отместку за то, что Гавриил Романович вмешивался в их махинации на Архангельской таможне, устроили инцидент из-за таможенного ученика Милова, которого Державин затребовал для Коммерц-коллегии якобы не по закону. Своё вмешательство в таможенные дела Державин искренне объяснял тем, что «ежели начальствующие в губернии и управители таможен сами будут поводом к злоупотреблениям, а я буду смотреть на сие сквозь пальцов, то худой я буду оберегатель торговли». Понимая, что для большинства чиновников таможенные дела являлись, по его выражению, «лакомы», он всё равно оставался честным человеком, не «запустив

---

[1] ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 6. Д. 2. Л. 5–9.

[2] Там же. Л. 7 об.

руки ни в частный, ни в казённый карман»[1]. Державин в сердцах восклицал: «Не зальют мне глотки ни вином, не закормят фруктами, не задарят драгоценностями и никакими алтынами не купят моей верности к моей Монархине, и никто меня не в состоянии удалить от пользы Государя и своротить с пути законов...». Прекрасно осознавая свою неудобность, раздражавшие многих неподкупность и честность, Гавриил Романович восклицал: «Что делать? Ежели я выдался урод такой, дурак, который ни на что не смотря, жертвовал жизнию, временем, здоровьем, имуществом службе и личной приверженности обожаемой мною Государыне, животворился ея славою и полагал всю мою на неё надежду...»[2]. Державин просил наказать его по закону или отстранить от должности, но только по распоряжению императрицы. Естественно, этого сделано не было — Екатерина надеялась на «благоразумие» слишком порядочного для государственной службы поэта.

В качестве главы Коммерц-коллегии Державин активно участвовал в Сенате при разбирательстве злоупотреблений на Астраханской и Ревельской таможнях. Он подчёркивал, что махинациям на тех таможнях покровительствовали местные губернаторы. Торговля находилась в руках ненадёжных чиновников, которые незаконно вывозили капиталы за границу[3]. Из записки Екатерине мы узнаём, что астраханский губернатор способствовал тайному провозу запрещённых товаров, а когда злоупотребления были вскрыты, потратил 10 тыс. казённых денег на взятки, чтобы уголовная палата закрыла это дело. Эту ценную информацию Державину сообщили советник астраханской таможни Деланчеев и пакгаузный надзиратель[4] Тарарин[5]. На Ревельской таможне чиновники незаконно продавали за рубеж российские серебряные и золотые монеты, брали взятки, сами занимались подкупами[6].

В связи с таможенными махинациями Державин настаивал на своём личном присутствии в Сенате при рассмотрении тех дел. Тем более, что такое право у него имелось — ведь он был сенатором. Однако генерал-прокурор не допускал его к участию в заседаниях. Профессиональная боязнь законника Державина выразилась и в том, что его просьба о внеочередном решении тех уголовных дел была

---

[1] Сочинения Державина... СПб., 1871. Т. 6. С. 10.

[2] Там же. С. 11.

[3] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 680–682.

[4] Пакгаузный надзиратель — чиновник, следивший за сохранностью товаров на портовом или таможенном складе.

[5] ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 6. Д. 2. Л. 22 об.–23.

[6] Там же. Л. 23 об.

отклонена. Да и главные фигуранты дел легко отделались: были наказаны лишь рядовые чиновники, а руководители и представители губернской администрации остались на своих должностях[1].

Державин считал полезным для государства упорядочить работу торговых маклеров при биржах, которые содействовали заключению сделок между купцами. По его мнению, Коммерц-коллегия должна была вести учёт лиц, занимавшихся торговым посредничеством, совместно с купечеством ежегодно определять их оптимальное количество. При этом казённые палаты и вице-губернаторы должны быть отстранены от ведения таких дел, так как были прецеденты мошеннических сговоров на рынке при прямом покровительстве и участии чиновников[2].

Обладая государственным мышлением и руководствуясь интересами государства, в 1794 г. Гавриил Романович составил записку о мерах к повышению государственных доходов. По его мнению, необходимо было строго учитывать все направления расходования государственных денег, сохранять все квитанции после проведения денежных операций[3]. Считал важным согласовать приходный, расходный, недоимочный и счётный отделы Экспедиции доходов. При этом все экстраординарные расходы тоже записывать в расходные книги.

Далее Державин предлагал внести ясность в ведение оброчных статей, чтобы государство точно знало, сколько у него казённых земель и угодий, по каким ценам и на каких условиях сдавались в аренду частным лицам и пр. Хорошо зная схемы обогащения откупщиков, которые брали откупа по дешёвке, а товар в розницу продавали втридорога, Гавриил Романович настаивал на сдаче оброчных статей в откупа не более чем на 4 года. После истечения срока следовало проводить проверку и новую переторжку откупа[4].

Державин предлагал также вести строгий учёт неокладных сборов (пошлины за гербовую бумагу, исковые прошения, таможенные пошлины, штрафы и пр.). Вообще он считал, что за счёт неокладных сборов казна могла бы значительно пополниться. Для того, чтобы увеличить их поступление, по мнению Гавриила Романовича, необходимо было ввести правило, по которому все исковые требования по уголовным делам (а их в судах было больше) подавались не на простой, а на гербовой бумаге[5].

---

[1] ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 6. Д. 2. Л. 21, 25.

[2] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 683–684.

[3] Там же. С. 192.

[4] Там же. С. 193–194.

[5] Там же. С. 195–196.

Пополнить бюджет, по его плану, можно было и за счёт сокращения ничего не делающих ведомств, тем самым сэкономив на жаловании чиновникам. Например, после проведения межевания ликвидировать межевые конторы[1].

Разумным, с точки зрения Державина, было бы разрешить частным лицам свободно, без договоров с казёнными палатами, разрабатывать месторождения руды и приисков драгоценных металлов с последующей обязательной поставкой части ресурсов в казну на возмездных основаниях. Замысел состоял в том, чтобы частный капитал взял на себя расходы по строительству металлургических заводов и производств.

Для того, чтобы не зависеть от импорта соли, по убеждению Державина, необходимо было развивать свои месторождения соли. Главным в увеличении доходности бюджета, по его мнению, должен быть чёткий и постоянный контроль над казной, последовательное взимание недоимок, умеренность и целесообразность расходов, «твёрдость и неустрашимость против разнаго рода хищников казны»[2].

В 1796 г. Державин по просьбе московского смотрителя над запрещённой торговлей Клушенцова вновь обращался к П. А. Зубову. Дело было в том, что смотритель выявил незаконную продажу золотых и серебряных монет за границу, которой покровительствовал рижский губернатор. По распоряжению Клушенцова купцы и комиссионеры, уличённые в той незаконной торговле, были арестованы, но губернатор через связи в Сенате способствовал увольнению этого смотрителя из московской думы. Клушенцов обращался к Державину за помощью, зная его репутацию честного чиновника[3].

Следующим направлением в деятельности Державина в те годы была сенатская служба. Он готовил свои мнения по тем или иным вопросам, составлявшим предмет подаваемых в Сенат жалоб и прошений. Работая в межевом департаменте, он в основном сталкивался с делами по земельным, наследственным, вексельным и иным гражданско-правовым спорам.

Так, в 1795 г., разбирая дело полковника С. А. Жукова, он установил, что обвинение его родственников в полном сумасшествии было ложным. Державин принял решение установить над 40-летним временно безумным полковником не опеку, которая давала полную свободу его сыну, отцу и племяннице Безобразовой распоряжаться его имениями, а попечительство, обязывавшее испрашивать у попечителей только

---

[1] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 196.

[2] Там же. С. 197–199.

[3] Там же. С. 44–45.

согласие на совершение сделок с недвижимым имуществом[1]. В схожем случае с бригадиром Щербининым Державин рассудил, что распоряжение о продаже своей доли имения, данное им жене, являлось недействительным, так как он состоял под опекой матери и бригадира Чихачева и был полностью недееспособным. Державин обязал надворный суд запись о разрешении продажи доли Щербинина аннулировать[2].

Приходилось Державину по долгу службы и по особой своей ответственности разбираться в довольно запутанных семейных тяжбах, выступая медиатором. Ярким подтверждением этого служит дело между капитан-поручиком Семёновского полка Иваном Дмитриевым (другом Державина, поэтом, позже ставшим министром юстиции) и ротмистром Всеволодом Всеволоцким. Суть спора между родственниками заключалась в том, чтобы установить действительность распоряжения умершего Н. А. Бекетова, бывшего астраханского губернатора, передать после своей смерти И. Дмитриеву 40 тыс. руб. кроме того, что он получил по завещанию.

Дмитриев, приходившийся умершему племянником, доказывал своё право на получение указанной суммы письмами завещателя к его отцу, показаниями зятей Всеволоцкого, Смирнова, Бекетова, Кетова и Ахматова. Всеволоцкий эти требования опровергал, замечая, что Дмитриев не жил с умершим и не мог знать его распоряжений, которые не давались никакими приказами в домовую контору. К тому же он сообщал о разрешении покойного Бекетова совершить отмену его частных распоряжений после его смерти. Такая большая сумма завещательного распоряжения, по его мнению, обязательно должна была быть указана в тексте самого завещания. Ссылался Всеволоцкий и на нехарактерное составление того распоряжения умершим с помарками. Сообщал он о неприязненном отношении его зятей к нему и то, что в их показаниях имелись противоречия: Смирнов говорил, что было одно распоряжение, а Ахматов — два.

Вникнув в это дело, Державин справедливо укорял Всеволоцкого в слабости его доводов. Во-первых, он сам не проживал с умершим, поэтому судить о его распоряжениях не мог. Во-вторых, по закону отмена частных распоряжений умерших их наследниками не допускалась. В-третьих, Смирнову и Ахматову явно было не выгодно сообщить о наличии приказа Н. А. Бекетова о выдаче денег Дмитриеву, без учёта которого их доли бы увеличились. В-четвёртых, помарки в завещательном распоряжении простительны пожилому и больному человеку. В-пятых, к моменту разбора этого дела Смирнов и Ахматов

---

[1] РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 724. Л. 1–29.

[2] РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 721. Л. 14–15.

в тяжбе с Всеволоцким не находились. В-шестых, хотя их письма и противоречили о количестве приказов покойного, но едины были в указании на сумму, что гораздо важнее в доказательстве истинности распоряжения. В-седьмых, письмо Н. А. Бекетова к брату явно выражало его намерение наградить племянника деньгами.

Державин пришёл к выводу о том, что требования Дмитриева, чьи доказательства были более убедительны, законны и Всеволоцкий должен ему предоставить спорную сумму. Однако он усмотрел в записи о деньгах наличие подчисток и несоответствие дате. Этот факт он отдавал на рассмотрение уголовной палате суда. В своём решении Державин ссылался на нормы Соборного уложения 1649 г. и последующих узаконений[1]. Всеволоцкий не простил Державину такого решения не в свою пользу и подговорил подпоручика И. Кулакова оклеветать Гавриила Романовича, обвинив его в том, что он будто бы назвал совестный суд бессовестным, а его предыдущее решение по тому делу «написанное где-то за углом». Державин как всегда оправдывался, приводил показания свидетелей, бывших при его разговоре с Кулаковым[2].

Много дел Державин решал по вопросам межевания земель. В частности, в деле между государственными крестьянами с. Волчихина Арзамасского уезда и советником Салтыковым Державин очень подробно ссылался на писцовые книги, межевые планы. Суть спора сводилась к неразберихе во владениях землями и иными угодьями после Генерального размежевания. Крестьяне и Салтыков взаимно обвиняли друг друга в захвате принадлежавших им земель. Державин обратил внимание на то, что писец Киреев незаконно отмежевал крестьянам бортные и иные угодья, которые в первоначальном плане писца Измайлова не значились. Державин пришёл к выводу, что претензии крестьян незаконны. Жалобы их на нехватку земель считал неуместными, захват чужого владения называл непростительным нарушением собственности, но и совершить отрезку земель у крестьян не мог «по совести»[3].

По делу между государственными крестьянами и капитаном Шемякиным по поводу земель бывших хопёрских казаков в Саратовской губернии Державин установил, что те земли в 1779 г. были пожалованы Г. А. Потёмкину, которому межевая канцелярия отмежевала вместо положенных 150 тыс. дес. земли ещё 8287 дес. из Тамбовской губернии, а также земли казаков-малороссиян. В 1783 г. князь эти земли продал Шемякину. Крестьянам, в 1780 г. объявленным государственными,

---

[1] РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 721. Л. 17–23.

[2] РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 739. Л. 158–160.

[3] Там же. Л. 25–29 об.

было отмежевано по 15 дес. на душу. В справке Межевой экспедиции к княжескому плану не было сказано о желании крестьян остаться на тех землях. Однако по бумагам 1783 г. они значились как владельческие. Гавриил Романович нашёл подтверждение, что казаки были записаны в помещичьи крестьяне насильно, так как не повиновались местному начальству, о чём не раз жаловались в Сенат.

В итоге Державин констатировал, что крестьянские земли были у них отобраны незаконно, Потёмкину под видом неудобной земли прирезали больше, чем было отведено по бумагам. Малороссияне, указывал Державин, являлись государственными крестьянами, и Шемякин не имел на них владельческих прав. Справки на владельческое подданство тамбовским генерал-губернатором М. Ф. Каменским были взяты с них принудительно. Державин постановил: в связи с тем, что с момента последнего межевания прошло 10 лет, земли оставить у Шемякина; крестьян считать государственными; взыскания на чиновников по давности дела не налагать. Саратовской и Тамбовской казённым палатам Гавриил Романович предписал распределить между собой взимание сборов с крестьян, а последним отмежевать в установленной пропорции новые участки на свободных государственных землях[1].

Устав от безрезультатной борьбы с таможенниками-казнокрадами, Державин просился в отставку, но Екатерина II посчитала, что идти на покой ему было рано. К тому же в январе 1796 г. разразился громкий скандал с хищениями государственных денег на сумму 600 тыс. руб. в Заёмном банке, который был открыт несколько лет назад для выдачи кредитов дворянству под залог их земельных владений. Неподкупный и хорошо знавший законы, Державин по распоряжению царицы был назначен членом комиссии по расследованию этого дела. Помимо него, членами следственной комиссии были петербургский генерал-губернатор Н. П. Архаров и директор Ассигнационного банка Мятлев. Председателем комиссии был назначен директор Заёмного банка, главный махинатор, П. В. Завадовский. Следствие установило причастность к хищению денег и бывшего директора Заёмного банка, а в то время петербургского вице-губернатора И. А. Алексеева.

В докладе императрице сообщалось, что при помощи допросов, очных ставок было установлено, что деньги похищал кассир Андрей Кёльберг. Схема банковской аферы была проста: вместо денег в пачки запечатывалась обычная бумага, а настоящие денежные средства выносились из банка. Кассир Кёльберг устраивал так, чтобы подлог не заметили, скрепляя пакеты с псевдоденьгами гербовой печатью. Деньги

[1] РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 725.

он отдавал жене Анне Кёльберг, которая покупала бриллианты для императорского двора. Полученные от продажи деньги она закладывала маклерам, но на финансовых операциях прогорела. Махинации длились в течение 5 лет. Согласно объяснениям Кёльберга, он первоначально взял из казны 40 тыс. руб. на свои нужды, но вернуть их не смог, поэтому решился на преступление. Всего им было похищено 580 тыс. руб.

Чете Кёльберг помогал широкий круг сообщников и соучастников дела. Его фигурантами стали 82 человека, среди которых были купцы, маклеры, нотариусы, актёры, один профессор, иностранцы и пр. В частности, в афере был замешан их племянник Ермолай Кёльберг, который подыскивал продавцов бриллиантов. Одному из бывших директоров банка Зайцеву за молчание подарили карету. Биржевой маклер Христиан Генрих Спальдинг признался, что помогал Кёльбергам закладывать бриллианты за сахар и кофе купцам Шумахеру, Маасу и др. Он же снабжал их бланками поддельных векселей и изготовил подложные ассигнационные пачки денег. Петербургский купец Роман Буше и нарвский купец Карл Риттер тоже помогали покупать бриллианты.

При помощи архитектора Людвига Кавалария жена Кёльберга продала при дворе бриллианты на сумму 140 тыс. руб. Нотариус Андрей Кремпин сознался, что свидетельствовал подложные доверенности от имени Кавалария Спальдингу, а также фальшивые векселя. Бывший директор банка Туманский признался, что в 1787–1788 гг. брал из банка на собственные нужды до 15 тыс. руб. В свою очередь, советники и директора банка от обвинений отказывались и всю вину перекладывали на кассира и его подручных[1].

В Примечании к этому докладу Державин лично от себя добавлял, что как положено по закону следствие провести не удалось, так как руководитель банка являлся одновременно и судьёй, и подсудимым. Гавриил Романович подчёркивал, что у самого П. В. Завадовского были обнаружены деньги, и он давал указания Кёльбергу об их хищении. Он же брал столовые деньги серебром и золотом, а в ведомостях расписывался за ассигнации. П. В. Завадовский, по данным Державина, не препятствовал хищениям иных служащих, не удерживал деньги вкладчиков, разрешая забирать их досрочно. Досрочная выдача вкладов понижала внутренний курс рубля и нанесла казне убыток в 1,5 млн руб. Державин смело делал вывод, что главным преступником в банковской афере был именно Завадовский, так как все остальные ничего не смели бы сделать без его разрешения и покровительства. Сенатор обращал внимание на то, что гражданская палата суда, при-

[1] ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 5. Д. 87. Л. 2–13 об., 62–72.

нимавшая мнимые залоги, полиция, не препятствовавшая махинациям, тоже были соучастниками Завадовского. Державин предлагал всю похищенную сумму взыскать с Завадовского и вернуть в казну[1]. Гавриил Романович даже составил проект указа Сенату от имени Екатерины II, в котором предписывал всех чиновников, замешанных в банковской афере, предать суду, а тех, которые не были причастны к преступлению, представить к награде; банковские счета и балансы привести в порядок, а сам Заёмный банк — ликвидировать[2].

Однако следствие долго тянулось, все попытки Державина вывести мошенников на чистую воду и судить по закону оказались тщетны — у главных фигурантов того дела были влиятельные покровители в Сенате. И даже распоряжение императрицы поступить со всеми преступниками «по силе закона» и вернуть похищенное государству, данное комиссии в мае 1796 г., было средством создать видимость борьбы с коррупцией[3]. В итоге были наказаны лишь мелкие банковские служащие, а крупные руководители и покровительствовавшие им чиновники были оправданы. И даже, как выразился секретарь императрицы Д. П. Трощинский в письме к А. Р. Воронцову в январе 1796 г., «неистовство»[4] Державина при производстве следствия не помогло вынести справедливое решение. В ноябре 1796 г. Екатерина внезапно умерла, и дело было окончательно замято[5].

Таким образом, Гавриил Романович даже в удалении от двора не переставал заботиться о государственных интересах и пользе. Кратковременное пребывание на должности президента Коммерц-коллегии не препятствовало разработке им государственных предложений. Державинские инициативы в таможенной, финансовой, налоговой сферах до сих пор звучат актуально. Гавриил Романович не изменял своим принципам, его по-прежнему отличали быстрое освоение должностных обязанностей, энергичность и напористость, цепкость и проницательность административного ума, высокая работоспособность и самоотдача. И это при том, что в те годы он переживал сильную личную утрату: ушла из жизни его любимая жена — Екатерина Яковлевна, которую он ласково называл Пленирой.

Безрезультатно окончились блестяще проведённые им следствия по делам о хищениях казённых денег. Однако жизненная стойкость и непримиримость со злоупотреблениями не давали ему сникнуть. Державин ждал, что принесёт для него новое царствование сына Фелицы...

---

[1] ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 5. Д. 87. Л. 25–32.

[2] Там же. Л. 91–92 об.

[3] Там же. Л. 61.

[4] Архив князя Воронцова: в 40 кн. / под ред. П. И. Бартенева. М., 1877. Кн. 12. С. 387.

[5] Грот Я. К. Указ. соч. С. 664–674.

Послесловие

ГРАЖДАНСКАЯ СЛУЖБА НА ФОНЕ «ПОЛИТИЧЕСКОЙ» ПОЭЗИИ — ПЕРВЫЕ УСПЕХИ И ОГОРЧЕНИЯ

Основным лейтмотивом служебной деятельности Г. Р. Державина являлась борьба с коррупционными устоями, несправедливостью в любых проявлениях, лихоимством чиновников. В своём негативном восприятии взяточничества он был не одинок. Например, его современник сенатор И. В. Лопухин мздоимство называл неизлечимой болезнью. Он совершенно верно замечал, что «надо прежде сделать, если можно, чтобы в людях лакомства не было, чтобы они нужды и прихотей не имели, чтобы наконец боялись Бога, как свидетеля всего, или бы страстно любили правду, что без любви к небесному ея Источнику невозможно, или весьма ненадёжно». Он подмечал тщетность искоренения взяточничества, так как «чем больше мздоимцев, тем труднее изобличить их»[1]. Ирония державинской государственной службы состояла в том, что верховная власть периодически поручала ему «расследовать» случаи чиновничьих злоупотреблений. Он сознательно выполнял роль изобличителя казнокрадов и мошенников, но не имел при этом широких и, самое главное, поддерживаемых на высшем уровне власти полномочий на их осуждение и наказание.

Государственная служба в его жизни всё-таки первенствовала, она питала творчество, вдохновляла на гениальные стихи. Не случись с Державиным всех неприятных столкновений с чиновниками, возможно, не написаны были бы ставшие знаменитыми стихотворения «Фелица», «Властителям и судиям», «Вельможа» и др. Гавриил Романович был политически и рационально мыслящим человеком, причастным к власти. При этом Державин-политик — неистовый правдолюбец, ответственный исполнитель и защитник буквы закона, совесть бюрократии,

[1] Лопухин И. В. Записки московского мартиниста // Русский архив. 1884. № 1. С. 69.

праведник чиновничьего мира, рыцарь Фемиды — явно недооценён и современниками, и потомками.

Справедливо мнение Н. Ю. Семёнова о том, что специфической особенностью формирования дореволюционного правительства и государственного аппарата в нашей стране была установка на подбор кадров из довольно замкнутого и корпоративно организованного узкого круга людей, которые должны были отвечать строгим правилам их функционирования. Основной упор делался на серых исполнителях, непритязательных до власти. Тусклость политического Олимпа соответствовала больше не желанию личного спокойствия верховного правителя, а соображениям безопасности политической власти от каких-либо посягательств. В качестве чиновников в большой цене были люди средних способностей, без амбиций, не выделявшиеся особым умствованием[1]. Пусть и вороватые, но не претендовавшие на власть.

Державин был человеком не рептильного плана — прямо и смело говорил, что думал, даже вышестоящим и власть придержащим особам. Примечательно в поведении Державина было то, что он никогда не держался за свои должности, вступая в противоречия и даже конфликт с теми, от кого зависел по служебной лестнице. Не любил карьерных дуэлей, больше защищался, чем нападал. Глас вопиющего в пустыне — так можно охарактеризовать деятельность его в борьбе с бюрократизмом и коррупцией. Многие государственные предложения Державина опережали своё время, поэтому остались невостребованными. Гавриил Романович предлагал то, что и спустя 250 лет так и не осуществилось. Как известно, нет пророка в своём Отечестве.

Его любовь к своему государству не была напускной, по случаю, лицемерной — он был патриотом по убеждению, истинному стремлению души. Даже за границей ни разу не был, чем гордился. При этом он видел недостатки государственного управления, общественной жизни, но, будучи одним из «отцов-основателей русского консерватизма»[2], любил свою страну и желал продуманных изменений.

Конфликт Державина с чиновниками, как нам представляется, необходимо рассматривать шире: в контексте проблемы подбора и расстановки кадров государственных служащих в Российской империи. В данном случае сталкивался не склочный правдолюб

---

[1] Семёнов Н. Ю. Об особенностях государственной власти в России // Управленческая элита Российской империи. История министерств 1802–1917. СПб., 2008. С. 15–17.

[2] Минаков А. Ю. Г. Р. Державин как представитель русского консерватизма // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 7. С. 15.

Державин и проворовавшиеся чиновники, а система и выпавший из неё элемент. Гавриил Романович, будучи исключением из правил, выбивался из общего ряда своих современников. Он боролся не с людьми, а с явлениями, причём сильно укоренившимися в сознании и практике людей. Имеем в виду неформальные способы властвования и оказания влияния на власть. Борьба была неравная, но боровшийся выступал в ней с большим достоинством и храбростью. Чем, в общем, и запомнился. Державинское противостояние системе осуществлялось в силу особенностей характера (вспыльчивость, резкая прямолинейность, негибкость). Можно, конечно, по-разному оценивать державинское педантичное отношение к закону и долгу, так мешавшее ему в служебной деятельности, но ясно одно — это была его самая сильная сторона характера.

Отдельно стоит сказать о стиле деловых бумаг, составленных им. Они отличались логичностью, ясностью изложения, фактологической обоснованностью, насыщенностью ссылками на законы, всегда строились по единому принципу: краткое введение в суть дело, подробное содержание и убедительное заключение. Анализ стиля официальных бумаг, составленных Державиным, доказывает наличие у него, помимо литературного дара, и недюжинных административных талантов.

Державин был воплощением мечты Петра I о том, чтобы государственные служащие достигали карьерных высот не в силу знатности происхождения, а благодаря природным способностям, целеустремлённости и трудолюбию. Начав служить с солдатских чинов, Державин уже в царствование Екатерины Великой стал действительным тайным советником, что по «Табели о рангах» соответствовало II классу. Выше были только канцлер и император.

Нельзя обойти вниманием и напрашивающийся вопрос о взаимоотношениях Державина и Екатерины II. Из 40 лет государственной службы 19 лет, т. е. почти половина, прошли в период управления страной Екатерины Великой. Слишком часто в годы разлада с коллегами-чиновниками он к ней апеллировал, писал письма и жалобы, наконец, в течение двух лет почти каждую неделю виделся с ней, будучи её личным секретарём. Не согласимся с укоренившимся мнением о том, что восприятие Державиным государыни менялось от восхищённо-восторженного (когда он написал оду «Фелица» во многом по мотивам идеального образа просвещённой царицы) до разочарованно-сдержанного (после того, как он был к ней приближён и видел, как она не преследовала мздоимцев-фаворитов, закрывала глаза на злоупотребления чиновничьего мира). Очевидно, что Гавриил Романович не был наивным обожателем державной самодержицы,

после разочаровавшимся в своём идеале. Его отношение было вполне адекватным, не лицемерным, а именно искренним и подобающим дворянину того времени. Державин, как это ни парадоксально звучит, был расчётливым идеалистом.

Было бы слишком упрощённо смотреть на этого человека с современных позиций. Державин сочетал в себе поразительные по своей противоположности качества: с одной стороны, он тонкий лирик, создававший живописные, музыкальные, философские, игривошутливые, ироничные стихотворные произведения, с другой — рассудочный и сдержанный составитель деловых бумаг, совестный судья и эксперт, виртуозно владевший знаниями законов. И это при том, что тогда юридических вузов ещё не было, да и образование Гавриила Романовича было не систематичным, больше было самообразованием. Читая тексты делопроизводственного характера, написанные им, и его художественные произведения, создаётся впечатление, что их автором были два разных человека. Эта раздвоенность личности создавала неповторимые полутона, которые могут быть уловимы при вдумчивом и проницательном изучении эпистолярного, делового, литературного наследия Державина. Как принято говорить про таких людей — он был многогранен.

Даже после отстранения от должности личного секретаря Державин продолжал заботу о государственных интересах, писал записки и предложения об улучшении работы государственного аппарата. Он прекрасно осознавал, что из себя представляла государыня как человек и управленец, но в силу своих взглядов, принципов, склада характера настойчиво вёл свою линию по убеждению, а не по необходимости. Согласимся с мнением Я. К. Грота о том, что Державин «не был и не мог быть придворным поэтом»[1]. Кажущиеся на первый взгляд подхалимством адресованные монаршим особам торжественные оды всё же таковыми не являлись — главным героем его хвалебных стихотворений была Россия, величие которой он воспевал через деяния самодержцев.

Если подводить промежуточный итог государственной деятельности Г. Р. Державина в царствование Екатерины II, то в копилку его административных достижений можно отнести разработку делопроизводственных регламентов государственного казначейства и Коммерц-коллегии, благоустройство Петрозаводска и Тамбова, этнолого-географическое исследование Русского Севера, топографическое изучение Тамбовской губернии, решение широкого круга социальных вопросов людей, обращавшихся в Канцелярию её императорского величества.

---

[1] Грот Я. К. Указ. соч. С. 1030.

Причём последнее направление деятельности было намного тяжелее предыдущих: объём жалоб и прошений был велик, по каждому надо было вникнуть в содержание, запросить справки, подготовить законное решение. Нереализованными, но целесообразными были его предложения по созданию системы запасных хлебных складов, развитию судоходства рек Тамбовской губернии, по реформированию финансовой и таможенной систем, проекты повышения доходов казны, правила отбора претендентов на должность придворного банкира. Государственный потенциал неосуществлённых инициатив Гавриила Романовича, к сожалению, был больше того, что он успел реализовать. Вернее, что ему позволили осуществить.

Самым большим личным и административным поражением, несомненно, являлась заведомо безрезультатная борьба в одиночку, как хорошо выразился Я. К. Грот, с «некоторыми коренными недостатками русского человека — слабости воли и беспечности, равнодушного отношения к закону»[1]. Государственные интересы Державин ставил выше индивидуальных. Он добровольно выступал «бичом вельмож», как его называли современники. Однако сколько уважения эта борьба вызывала у его друзей, близких, некоторых представителей общества. В анонимном письме Державину в феврале 1803 г. некий пожилой сибирский купец (мы предполагаем, что им был Михаил Сибиряков, которому Державин во время своего статс-секретарства помог возродить сереброплавильные заводы на Урале) писал: «Благодарю тебя бесподобный человек, и благословляю день твоего рождения!.. Теперь я вижу, что ты велик в уме,— велик в душе, и, велик в добродетели. Иди почтенный человек своею дорогою, и знай что невинность никакою силою и никакою наглостию осквернимы быть не может. Чтоб в жизни твоей и по смерти был сооружён вечный девиз: Бог, дружба и честь...»[2].

Державин писал о себе так: «Пусть что хотят делают, а я везде и всегда буду таков, каков был, и присяги моей, не убоясь лиц сильных, никогда ни для чего не нарушу»[3]. Твёрдость духа, неутомимое усердие, долг, неподкупность, добродетель — вот чему присягнул Державин на всю жизнь. «Я не смотрел ни на что,— шёл прямою тропою законов, противоборствуя всегда и генерал-губернаторам, и генерал-прокурору к присвоению ими вышней власти»[4],— резюмировал государственный деятель. Поистине так и было.

---

[1] Грот Я. К. Указ. соч. С. 1024.

[2] ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 1. Т. 28. Л. 127.

[3] Сочинения Державина... СПб., 1869. Т. 5. С. 706.

[4] Сочинения Державина... СПБ., 1871. Т. 6. С. 220–221.

Принятые сокращения

ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН — Институт русской литературы Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).

ОР РНБ — отдел рукописей Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург).

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (г. Москва).

РГИА — Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург).

Источники и литература

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН. Ф. 96 (Державин Г. Р.). Оп. 3. Д. 8; Оп. 5. Д. 1, 2, 3, 4, 6, 9, 10, 12, 13, 16, 22, 23, 29, 47, 59, 60, 69, 71, 75, 79, 82, 84, 87, 90; Оп. 6. Д. 2.

2. ОР РНБ. Ф. 247 (Державин Г. Р.). Оп. 1. Т. 2, 20, 28; Оп. 2. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9.

3. РГИА. Ф. 468 (Кабинет её императорского величества). Оп. 1. Д. 3918.

4. РГИА. Ф. 796 (Канцелярия Синода). Оп. 75. Д. 20.

5. РГИА. Ф. 1329 (Именные указы и «высочайшие» повеления Сенату (коллекция)). Оп. 1. Д. 139, 140, 145, 155, 171.

6. РГИА. Ф. 1374 (Канцелярия генерал-прокурора Сената). Оп. 1. Д. 361; Оп. 2. Д. 1786.

7. РГИА. Ф. 1400 (Документы из уничтоженных дел Сената и Министерства юстиции (коллекция)). Оп. 1. Д. 690, 693, 695, 696, 702, 704, 706, 707, 708, 709, 712, 713, 721, 724, 725, 739.

8. РГИА. Ф. 1640 (Корсаковы). Оп. 1. Д. 76.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Архив князя Воронцова: в 40 кн. / под ред. П. И. Бартенева. М., 1877. Кн. 12.

2. Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей Русской земли: в 5 ч. М., 1836. Ч. 2.

3. Бобринский А. А. Дворянские роды, внесённые в Общий Гербовник Всероссийской империи. Часть I. СПб., 1890.

4. Дашкова Е. Р. Записки. 1743–1810. М., 2009.

5. Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. М., 1866.

6. Записки Г. Р. Державина 1743–1812 с литературными и историческими примечаниями П. И. Бартенева. М., 1860.

7. Лопухин И. В. Записки московского мартиниста // Русский архив. 1884. № 1. С. 2–154.

8. Миллер Ф. И. Известие о дворянах российских. СПб., 1790.

9. Отчёт о деятельности Казанской гимназии за 1759 г. // Московские ведомости. 1759. № 64. 10 августа. С. 7–8.

10. Полное собрание законов Российской империи: в 45 т. Т. XX. 1775–1780 гг. СПб., 1830.

11. Полное собрание законов Российской империи: в 45 т. Т. XXI. 1781–1783 гг. СПб., 1830.

12. Просьба Г. Державина об увольнении его из гимназии // Библиографические записки. 1859. № 16. С. 510–511.

13. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. Т. 5. Переписка 1773–1793 гг. СПб., 1869.

14. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. Т. 6. Переписка 1794–1816 гг. СПб., 1871.

15. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. Т. 7. Сочинения в прозе. СПб., 1872.

16. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. Т. 9. Дополнения. СПб., 1883.

17. Храповицкий А. В. Памятные записки. М., 1862.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амерханова Э. И. Род Державиных в Казанском крае // Г. Р. Державин и диалектика культур: мат-лы Междунар. науч. конф. (Казань–Лаишево, 13–15 июля 2012 г.). Казань, 2012. С. 162–166.

2. Вицын А. Краткий очерк управления в России от Петра Великого до издания Общего учреждения министерств. Казань, 1855.

3. Григорьев Н. Г. Идеал человека и гражданина в оде «Вельможа» // Прилуко-Прилуцкий Н. Г. Державин. Жизнь и творчество. СПб., 1911. С. 39–43.

4. Гольденберг М. Л. Г. Р. Державин: у истоков Олонецкой губернии // Г. Р. Державин и диалектика культур: мат-лы Междунар. науч. конф. (13–15 июля 2010 г.). Казань, 2010. С. 109–114.

5. Гольденберг М. Л. Г. Р. Державин — основатель государственной службы в Олонецкой губернии // Державинский сборник–2010 / отв. ред. О. П. Лурье, М. Л. Гольденберг. Петрозаводск, 2010. С. 26–36.

6. Грот Я. К. Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам. СПб., 1880.

7. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968.

8. Иванов П. И. Опыт биографий генерал-прокуроров и министров юстиции. СПб., 1863.

9. Кислягина Л. Г. Канцелярия статс-секретарей при Екатерине II // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. / под ред. Н. Б. Голиковой. М., 1991. С. 168–189.

10. Кузнецов А. А. Ордена и медали России. М., 1985.

11. Левенштейн О. Г. Державин. Государственная деятельность (1784–1796 гг.) Казань, 2008.

12. Липаков Е. В. Новые сведения о предках Г. Р. Державина // Классы и сословия России в период абсолютизма: межвуз. сб. ст. Куйбышев, 1989. С. 71–76.

13. Лонский (Приклонский) С. А. Державин в Петрозаводске // Русская мысль. 1883. № 10. С. 175–212; № 11. С. 235–265.

14. Матузов Н. И. Правовой нигилизм как образ жизни // Правовая культура. 2012. № 1.

15. Мещеряков Ю. В. Гавриил Романович Державин. Тамбовский период деятельности (1786–1788 гг.). Тамбов, 2006.

16. Минаков А. Ю. Г. Р. Державин как представитель русского консерватизма // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 7. С. 7–15.

17. Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века / отв. ред. О. А. Платонов. М., 2013.

18. Пёрышкин М. Ю. Институт статс-секретарей при Екатерине II (1762–1796 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

19. Пёрышкин М. Ю. Институт статс-секретарей при Екатерине II: 1762–1796 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

20. Пёрышкин М. Ю. Служба Г. Р. Державина в должности статс-секретаря Екатерины II (по документам РГАДА) // Г. Р. Державин и его время: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. П. Морозова. СПб., 2005. Вып. 2. С. 18–29.

21. Садретдинов Ш. А. Татарские стихи в архиве Державина // Г. Р. Державин: личность, творчество, современное восприятие: тезисы Междунар. науч. конф., посв. 250-летию со дня рождения поэта (Казань, 26–29 мая 1993 г.). Казань, 1993. С. 42–44.

22. Салиас Е. А. Поэт Державин — правитель наместничества (1785–1788) // Русский вестник. 1876. № 9. С. 66–120; № 10. С. 567–627.

23. Семёнов Н. Ю. Об особенностях государственной власти в России // Управленческая элита Российской империи. История министерств 1802–1917. СПб., 2008. С. 10–23.

24. Солдатова Л. М. «Я родился в Казани...» (К вопросу о месте рождения Г. Р. Державина) // Г. Р. Державин и его время: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. П. Морозова. СПб., 2005. Вып. 2. С. 52–58.

25. Тамбовские известия / авт.-сост., вступ. ст., коммент.: В. В. Канищев, Ю. В. Мещеряков, Ю. А. Мизис. Тамбов, 2012.

26. Феодосий (Васнев), епископ Тамбовский и Мичуринский. Тамбовская епархия в годы наместничества Г. Р. Державина в Тамбове // Духовные традиции русской культуры: история и современность (к 265-летию со дня рождения Г. Р. Державина): колл. монография / науч. ред. Н. Л. Потанина. Тамбов, 2008. С. 19–27.

27. Шпилевский С. М. Дело секунд-майора Р. Н. Державина // Древняя и новая Россия. 1878. № 4. С. 334–338.

28. Эпштейн Е. М. Г. Р. Державин в Карелии // Север. 1985. № 8. С. 106–112.

Информация об авторе

Цинцадзе Нина Сергеевна, родилась в 1984 г. в г. Тбилиси. Выпускница исторического и юридического факультетов Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина. Кандидат исторических наук (с 2009 г.), доцент (с 2014 г.), доцент кафедры теории и истории государства и права (с 2009 г.), директор научно-исследовательского центра (НИЦ) «Государственно-правовое наследие Г. Р. Державина» (с 2017 г.) ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина».

Сфера научных интересов — политическая, социальная и экологическая история России, история государства и права России, историческая биографистика.

Автор ряда публикаций о государственной деятельности Г. Р. Державина:

1. Г. Р. Державин: на службе у трёх императоров: монография: в 3 ч. / науч. ред. Ю. А. Мизис. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014–2016.

2. Феномен Г. Р. Державина в государственно-политической жизни России последней трети XVIII — начала XIX в. // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2014. Вып. 4. С. 199–208.

3. Политико-правовые и общественные взгляды Г. Р. Державина // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2014. Вып. 6. С. 235–239.

4. Деятельность Г. Р. Державина в системе местного управления Российской империи (1785–1788 гг.). Первая часть. Губернаторство в Олонецкой губернии // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2015. Вып. 1. С. 168–176.

5. Деятельность Г. Р. Державина в системе местного управления Российской империи (1785–1788 гг.). Вторая часть. Губернаторство в Тамбовской губернии // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2015. Вып. 2. С. 154–162.

6. Г. Р. Державин и «еврейский вопрос» в Российской империи в конце XVIII — начале XIX века // Клио. 2015. № 4. С. 175–182.

7. Государственная деятельность Г. Р. Державина в должности личного секретаря императрицы Екатерины II (1791–1793 гг.) // Клио. 2015. № 5. С. 177–186.

8. Как Гавриил Державин был губернатором (штрихи к политической биографии знаменитого поэта) // Родина. 2015. № 10. С. 98–101.

9. «Неправильный» чиновник (страницы жизни и деятельности Г. Р. Державина) // Тамбовская жизнь. 2014. 28 мая. № 68.

10. Государственные интересы — превыше всего! // Тамбовская жизнь. 2014. 11 июля. № 88. С. 3.

11. Неистовый губернатор (некоторые малоизвестные факты из тамбовского периода государственной деятельности Г. Р. Державина) // Тамбовская жизнь. 2015. 08 апреля. № 36. С. 11.

12. Гавриил Державин-экономист (новое в биографии тамбовского губернатора) // Тамбовская жизнь. 2016. 20 апреля. № 39. С. 6.

Полные тексты данных публикаций доступны на веб-ресурсах:
https://elibrary.ru/
https://tsutmb.academia.edu/NinaTsintsadze
https://www.researchgate.net/profile/Nina_Tsintsadze

Подробнее о деятельности НИЦ «Государственно-правовое наследие Г. Р. Державина» смотрите на веб-ресурсе: *http://www.tsutmb.ru* (О вузе > Структура > Научно-исследовательские институты, центры и лаборатории > НИЦ «Государственно-правовое наследие Г. Р. Державина»).

Связаться с автором книги
вы можете по адресу электронной почты:
NinaTsintsadze2010@yandex.ru

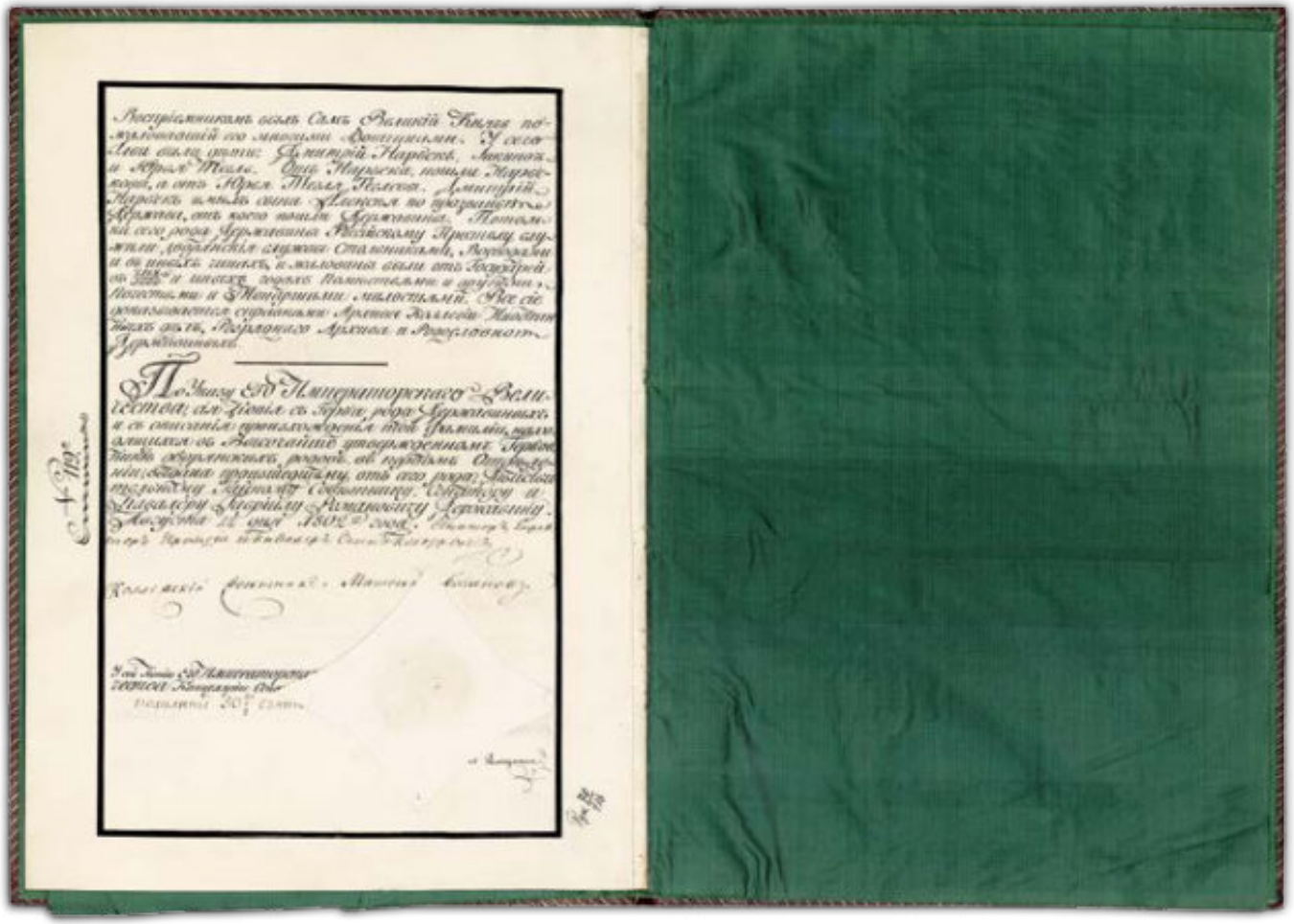
ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

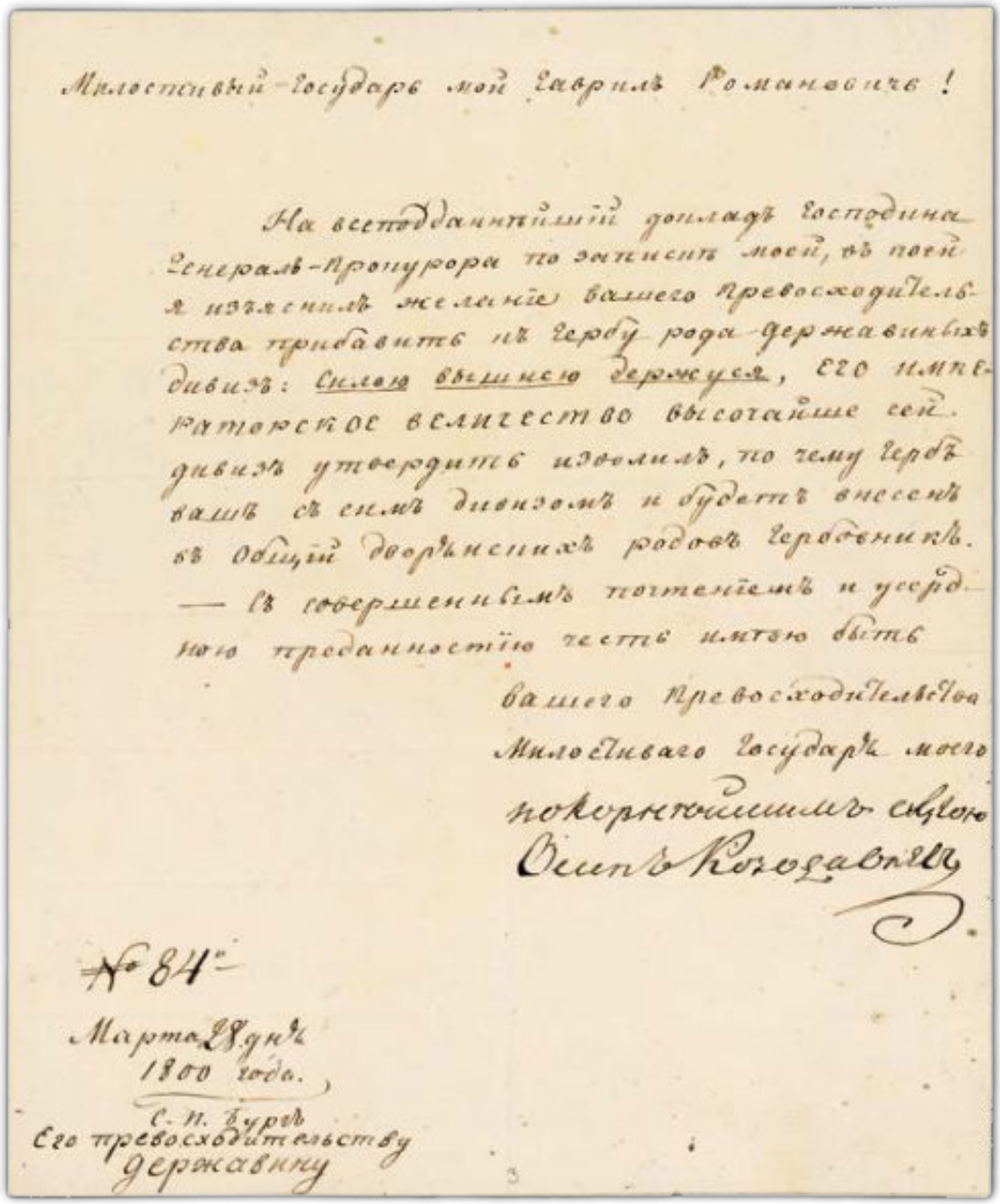
Документы к общей и служебной биографии Г. Р. Державина (1743–1796 гг.)

Документ 1а. *Герб рода Державиных. Официальная выписка из V части Общего Гербовника дворянских родов Всероссийской империи (22 августа 1802 г.). Красный кожаный переплет с золотым тиснением. ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 2. Д. 9*

Документ 1б. *Герб рода Державиных. Официальная выписка из V части Общего Гербовника дворянских родов Всероссийской империи (22 августа 1802 г.), пергамен. ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 2. Д. 9. Содержит описание герба*



Документ 1в. *Герб рода Державиных. Официальная выписка из V части Общего Гербовника дворянских родов Всероссийской империи (22 августа 1802 г.), пергамен. ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 2. Д. 9. Описание происхождения фамилии Державиных и заслуг рода перед Отечеством*



Милостивый Государь мой Гаврила Романовичь!

На всеподданнейший доклад Господина Генераль-Прокурора по записке моей, въ коей я изъяснилъ желание вашего Превосходительства прибавить къ гербу рода державинъхъ девизъ: Силою вышнею держуся, Его Императорское Величество высочайше сей девизъ утвердить изволилъ, по чему гербъ вашъ съ симъ девизомъ и будетъ внесенъ въ общій дворянскихъ родовъ гербовникъ. — Съ совершеннымъ почтеніемъ и усердною преданностію честь имѣю быть

Вашего Превосходительства
Милостиваго Государя моего
покорнѣйшимъ слугою
Осипъ Козодавлевъ

№ 84.

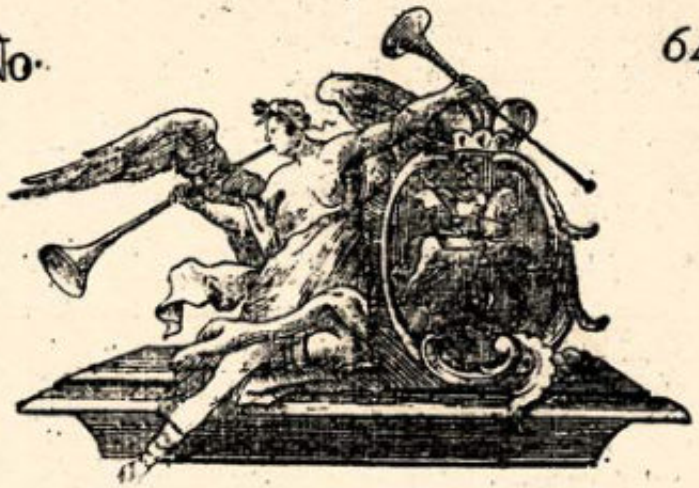
Марта 28 дня
1800 года.

С. П. Бургъ
Его превосходительству
Державину

Документ 1г. *Письмо директора Герольдии О. П. Козодавлева Г. Р. Державину о разрешении императора Павла I добавить к родовому гербу Державиных девиз «Силою Вышнею держуся» (28 марта 1800 г.).*
ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 2. Д. 9. Л. 1

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

No. 64.



ВО ВТОРНИКЪ АВГУСТА 10. ДНЯ 1759. ГОДА

ТУРЦІЯ.

ИЗЪ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ОТЪ 2. ІЮНЯ.

Рамазанъ 27. числа прошедшаго мѣсяца окончился, и учиненною изъ пушекъ въ Сералѣ пальбою, объявленъ великій праздникъ баирамъ, которой продолжается чрезъ три дни, и въ которой всѣ Министры и Сенаторы приносятъ Султану поздравленія, которой ихъ принимаетъ и потчиваетъ въ аудіанцъ-залѣ и при томъ жалуетъ подарками.

Его Высочествомъ Реисъ-Effендія, или великаго Канцлера, отрѣшилъ, и тѣмъ чиномъ пожаловалъ Секретаря Янычарскаго приказу. Равнымъ образомъ и Кіау-баши принужденъ былъ мѣсто свое уступить другому. А Чегодаръ-Ага, или Оберъ-Гофмаршалъ, пожалованъ Селиктаръ-Агасіемъ, или Меченосцемъ Порты, въ которой чинъ опредѣляются всегда такія персоны, къ которымъ Султанъ великую довѣренность имѣетъ;

X

Документ 2а. *Сообщение о лучших учениках Казанской гимназии, в том числе о 16-летнем Гавриле Державине. Газета «Московские ведомости». 1759. 10 августа. № 64. С. 1*

)o(

„жится церковное, гражданское и политическое правленіе,
„уставленное отъ бога, для содержанія народовъ въ вѣрѣ,
„въ мирѣ и правосудіи, проклятыми ересями и нарече-
„ніями церкви, Государей и властей, восплща нравствен-
„нія заблужденія, безпрестанныя несогласія, страсти и
„происходящія отъ того пристрастія, между партикулярными
„людьми. Напослѣдокъ въ пятыхъ, сіе отверженное ученіе
„разрушаетъ до основанія соединеніе христіанское и граждан-
„ское общество, приводитъ въ крайнее замѣшательство
„церковь и государства, и производитъ въ оныхъ всегда-
„шнюю войну на клеветахъ, какъ между невѣрными и ди-
„кими народами, которые, не имѣя никакого духовнаго,
„ни свѣтскаго благоучрежденнаго правленія, для руковод-
„ствованія ихъ и удержанія, отягощаютъ другъ друга сби-
„дами, и другъ друга искореняютъ, безъ правила и мѣры,
„по тому какъ ихъ страсти ихъ восхищаютъ и въ неистов-
„ство приводятъ.

(Дальнѣйшее продолженіе имѣетъ слѣдовать впредь.)

ВЪ МОСКВѢ АВГУСТА 10. ДНЯ.

Его Высокопревосходительство, отъ арміи ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Генералъ Поручикъ, Дѣйствительной Камергеръ, Императорскаго Московскаго Университета Куратеръ и многихъ орденовъ Кавалеръ, Иванъ Ивановичь Шуваловъ, неусыпно стараясь, въ силу порученной ему отъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА должности, о распространеніи наукъ и ободреніи всѣхъ упражняющихся въ оныхъ, по учиненному ему отъ Императорскаго Московскаго Университета представленію, повелѣлъ о прилѣжнѣйшихъ ученикахъ, во учрежденныхъ подъ вѣдѣніемъ онаго Университета въ Казани гимназіяхъ, для поощренія прочихъ ихъ сверстниковъ, знать дать публикѣ по именно. А въ силу полученныхъ отъ главнаго командира оныхъ гимназій, Коллежскаго Ассесора господина Верьовкина, на учиненномъ въ оныхъ гимназіяхъ, и окончанномъ прошедшаго Іюня 28. числа экзаменѣ, изъ собравшихся по нынѣ въ оныхъ гимназіяхъ, и обучающихся Латинскому, Французскому и Нѣмецкому языкамъ; такожъ Ариѳметикѣ, Геометріи, Географіи, Исторіи, Россійскому правописанію и штилю, и рисовальному искус-

Документ 2б. *Сообщение о лучших учениках Казанской гимназии, в том числе о 16-летнем Гавриле Державине. Газета «Московские ведомости». 1759. 10 августа. № 64. С. 7*

искусству, 111. человѣкъ учениковъ, дворянъ и разночинцовъ, наиприлѣжнѣйшими себя оказали и отмѣнную похвалу заслужили: Гвардіи капралъ Николай Левашевъ, Гвардіи салдатъ Сергѣй Польской и ученикъ Петръ Лазаревъ. Равнымъ образомъ и нижеписанные еще за свою прилѣжность, успѣхи и доброе поведеніе, похвалы достоѣными нашлись, а именно: Василей и Дмитрей Родіоновы, Петръ Нарманской, Гаврила Державинъ, Алексѣй и Петръ Норовы. И тако надежда къ просвѣщенію Россійскаго народа ученіемъ, при благотворительной державѣ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, всемилостивѣйшей Нашей Государыни, и съ сей стороны въ желаемомъ видѣ оказывается.

Сего Августа съ 11. числа впредь каждую недѣлю по середамъ и пятницамъ продавано быть имѣетъ отъ Дворцовой Канторы, изъишнихъ казенныхъ лошадей, столовыхъ жеребцовъ, разъѣзжихъ мереновъ, кобылъ съ жеребятами, и жеребятъ стригуновъ не малое число. Чего ради желающіе оныхъ покупать, могутъ явиться въ Красномъ селѣ, въ приходѣ церкви Тихвинскія богоматери, въ описномъ дворѣ подрядчика Степана Аврамова.

Къ строенію при главной Дворцовой Канторѣ нынѣшнимъ лѣтомъ каменнаго зданія, желающимъ поставить жженаго кирпича до девяноста тысячъ, явиться въ реченной Канторѣ немедленно.

Дѣйствительной Камеръ-Геръ, Воронежской Губерніи Губернаторъ, и Святыя Анны Кавалеръ, Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ, продаетъ недвижимое свое имѣніе, въ Козельскомъ уѣздѣ село Кудрино, въ которомъ по ревизіи 150. душъ, пашенныя земли 271. четверть въ полѣ а въ дву по тому жъ, съ имѣющимися при томъ сѣнными и лѣсными угодьи; и желающіе оное купить, о цѣнѣ освѣдомиться могутъ у Коллежскаго Совѣтника Михайла Михайловича Салтыкова, а домъ его въ Китаѣ городѣ близъ печатнаго двора, противъ богоявленскаго монастыря, въ приходѣ Женъ мироносицъ.

Отставной Капитанъ Князь Иванъ Александровъ Черкаской продаетъ свой дворъ, состоящей на Покровкѣ въ приходѣ Козьмы и Дамиана; а о цѣнѣ спросить въ бѣломъ городѣ на Дмитровкѣ, въ приходѣ Григорія богослова въ домѣ дѣтей Князя Черкаскаго.

Документ 2в. *Сообщение о лучших учениках Казанской гимназии, в том числе о 16-летнем Гавриле Державине. Газета «Московские ведомости». 1759. 10 августа. № 64. С. 8*

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ,
ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІЙСКАЯ,
И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Документ 3. *Патент на чин прапорщика лейб-гвардии Преображенского полка (14 февраля 1772 г.). Пергамен, подпись-автограф Екатерины II. ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 2. Д. 1*

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ,
ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІЙСКАЯ,
И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Документ 4. *Патент на чин подпоручика лейб-гвардии Преображенского полка (14 марта 1773 г.). Пергамен, подпись-автограф Екатерины II. ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 2. Д. 2*

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ,
ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІЙСКАЯ,
И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Екатерина

Документ 5. *Патент на чин поручика лейб-гвардии Преображенского полка (20 мая 1774 г.). Пергамен, подпись-автограф Екатерины II. ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 2. Д. 3*

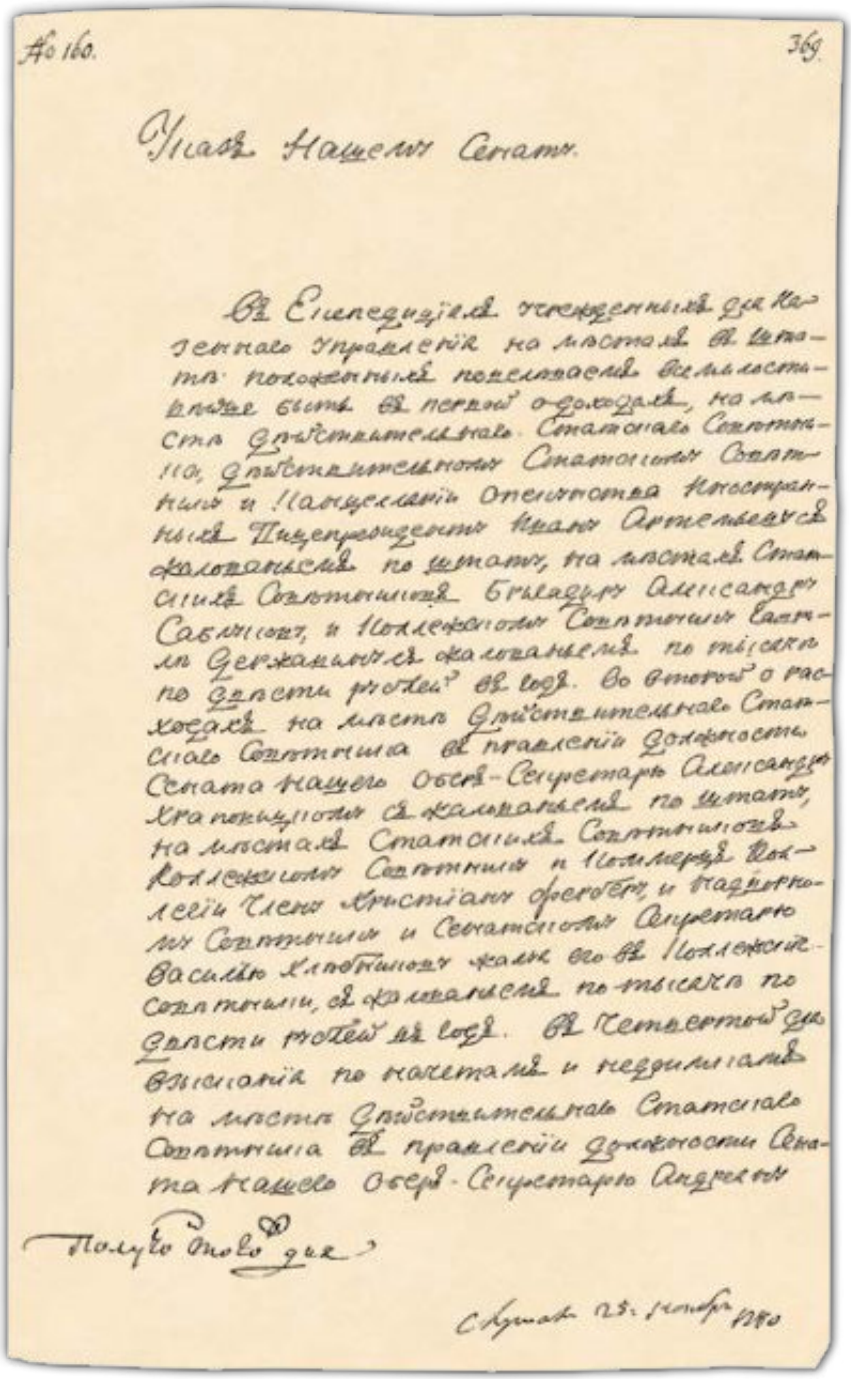
БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ,
ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІЙСКАЯ,
И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Документ 6. *Патент на чин коллежского советника в ранге сухопутного полковника (13 июня 1778 г.). Пергамен, подписи-автографы Екатерины II, А. И. Остермана и др. ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 2. Д. 5*

Документ 7а. *Жалованная грамота на имение в Полоцкой провинции Себежского ключа Каниновской части (20 августа 1777 г.). Пергамен, бронзовый футляр, зеленые шёлковые завесы, государственная печать на шнуре. ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 2. Д. 4. Л. 1. Титульный лист с государственным гербом*

Документ 7б. *Жалованная грамота на имение в Полоцкой провинции Себежского ключа Каниновской части (20 августа 1777 г.). Распоряжение императрицы Екатерины II о пожаловании Г. Р. Державину в вечное и потомственное владение имения с крепостными крестьянами в Полоцкой провинции со всеми прилегавшими угодьями. ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 2. Д. 4. Л. 1 об.*

Документ 7в. *Жалованная грамота на имение в Полоцкой провинции Себежского ключа Каниновской части (20 августа 1777 г.). Распоряжение императрицы Екатерины II о пожаловании Г. Р. Державину в вечное и потомственное владение имения с крепостными крестьянами в Полоцкой провинции со всеми прилегавшими угодьями. Подпись-автограф Екатерины II. ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 2. Д. 4. Л. 2*



№ 160. 369.

Указъ Нашему Сенату.

Въ Экспедицiю исключенныхъ для Государственныхъ Управленiй на мѣстахъ въ Статскихъ положенныхъ поселилась всемилостивѣйше быть въ первой половинѣ, на мѣстѣ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику и Кавалеру Отенгоффену Коммерцiи Инспекторскаго чина Артемьевскаго жалованья по штату, на мѣстахъ Статскаго Совѣтника Бригадира Алексѣева Сабинскаго, и Коллежскому Совѣтнику Державину жалованья по тысячи по сорока рублей въ годъ. Во второй о расходахъ на мѣстѣ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника въ правленiи должности Сената нашего Обер-Секретарь Алексѣевъ Хвостовъ съ жалованья по штату, на мѣстахъ Статскаго Совѣтника Коллежскаго Совѣтника и Коллежскаго Ассесора Христiана Фрезе, и Надворнаго Совѣтника и Сенатскаго Секретаря Василья Хлюстина жалованья по въ Коллежскомъ Совѣтникѣ, съ жалованья по тысячи по сорока рублей въ годъ. Въ Четвертой для Выписокъ по Указамъ и Недвижимыхъ на мѣстѣ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника въ правленiи должности Сената нашего Обер-Секретаря Андреева

Получено того дня

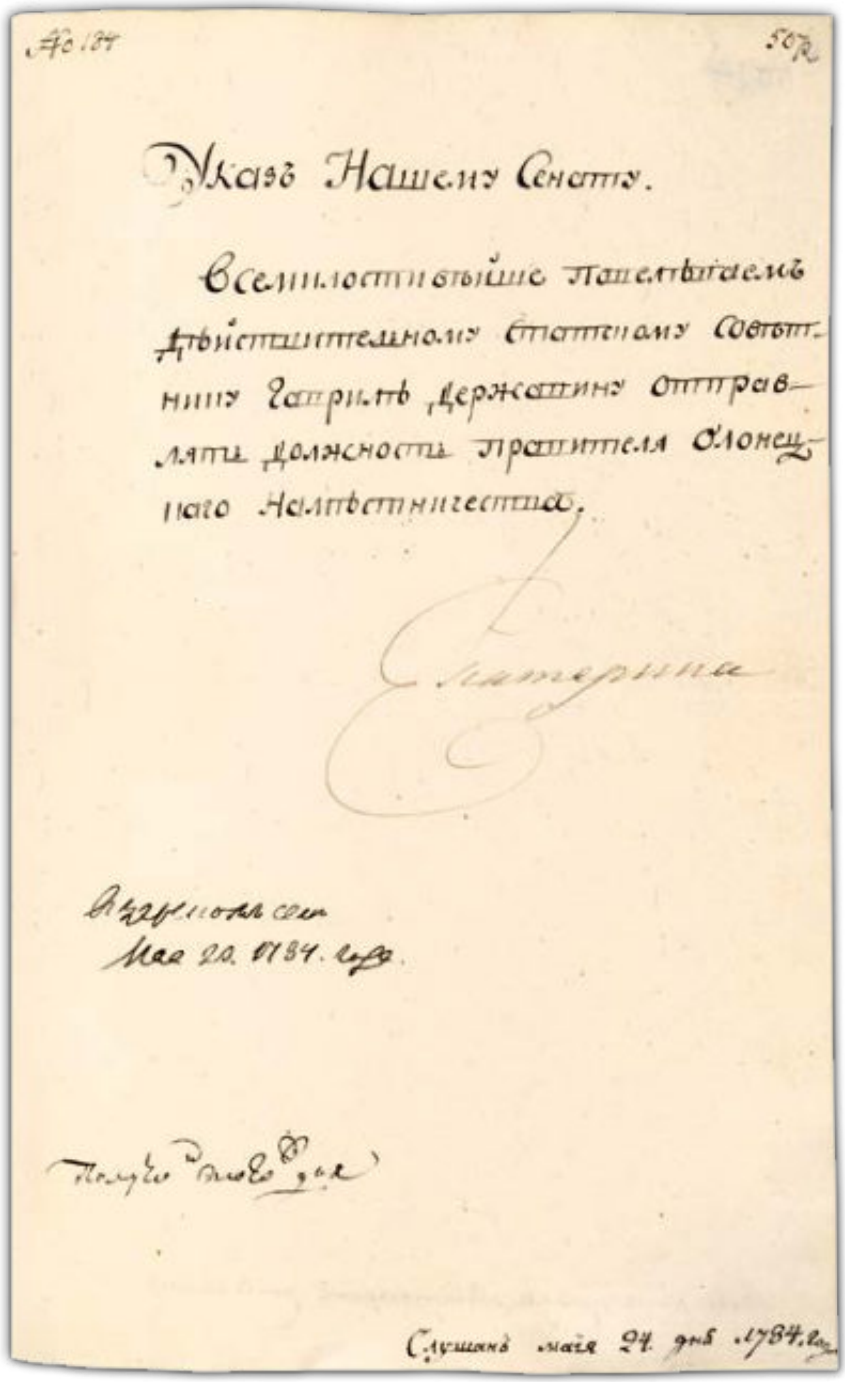
С Луны 23. ноября 1780

Документ 8. *Указ о переводе Г. Р. Державина в Экспедицию о государственных доходах первого департамента Сената в чине статского советника (24 ноября 1780 г.). РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 145. Л. 369. Подпись-автограф Екатерины II*

Василью жалуя его в Статский Советники, и с. жалованьем по штату, по-
стоянное Статского Советника Полагаю-
му Советнику и Санктпетербургской Ге-
ральской Палаты Советнику Тимофею Ка-
жу с. жалованьем по тысяче по два-
сти рублей в год.

Екатерина

В Санктпетербурге,
Ноября 24 дня
1780. году.



Указъ Нашему Сенату.

Всемилостивѣйше пожаловали Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Гавриилу Державину отправлять должность правителя Олонецкаго Намѣстничества.

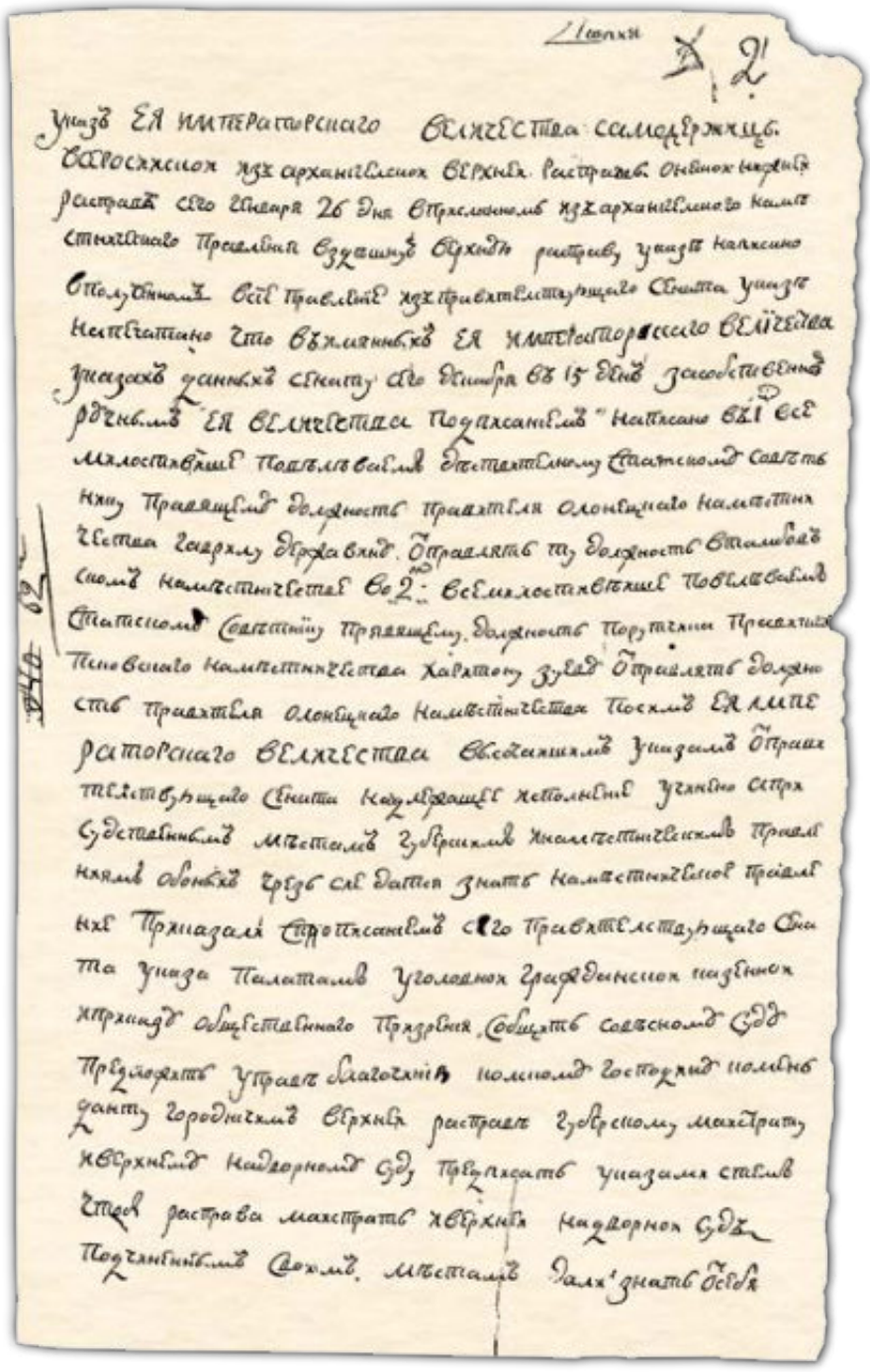
Екатерина

В Царскомъ Селѣ
Мая 24. 1784. года.

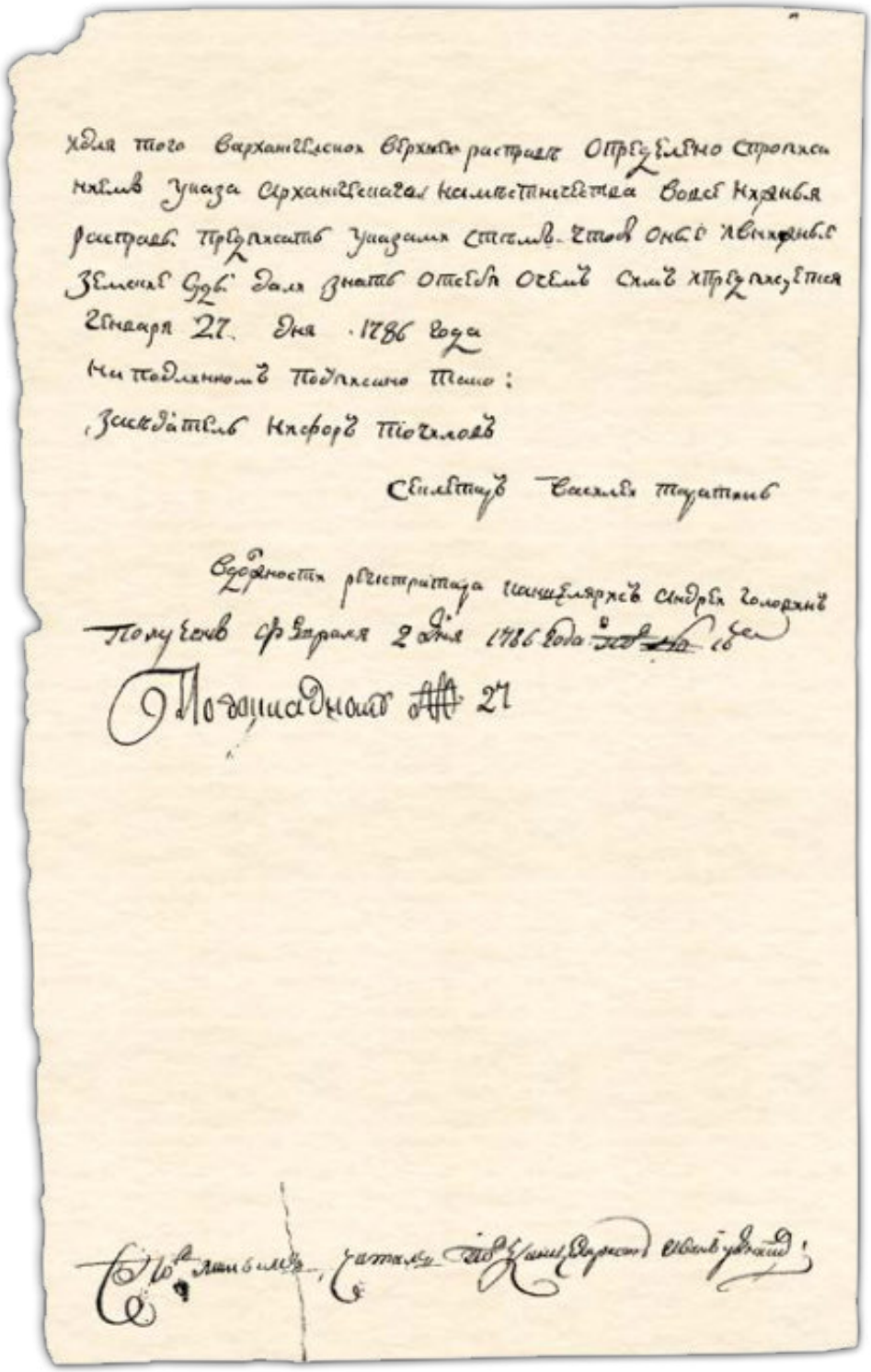
Получен Мая 29 дня

Слушано мая 24 дня 1784 г.

Документ 9. *Указ о назначении Г. Р. Державина правителем Олонецкого наместничества (23 мая 1784 г.). РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 155. Л. 507. Подпись-автограф Екатерины II*

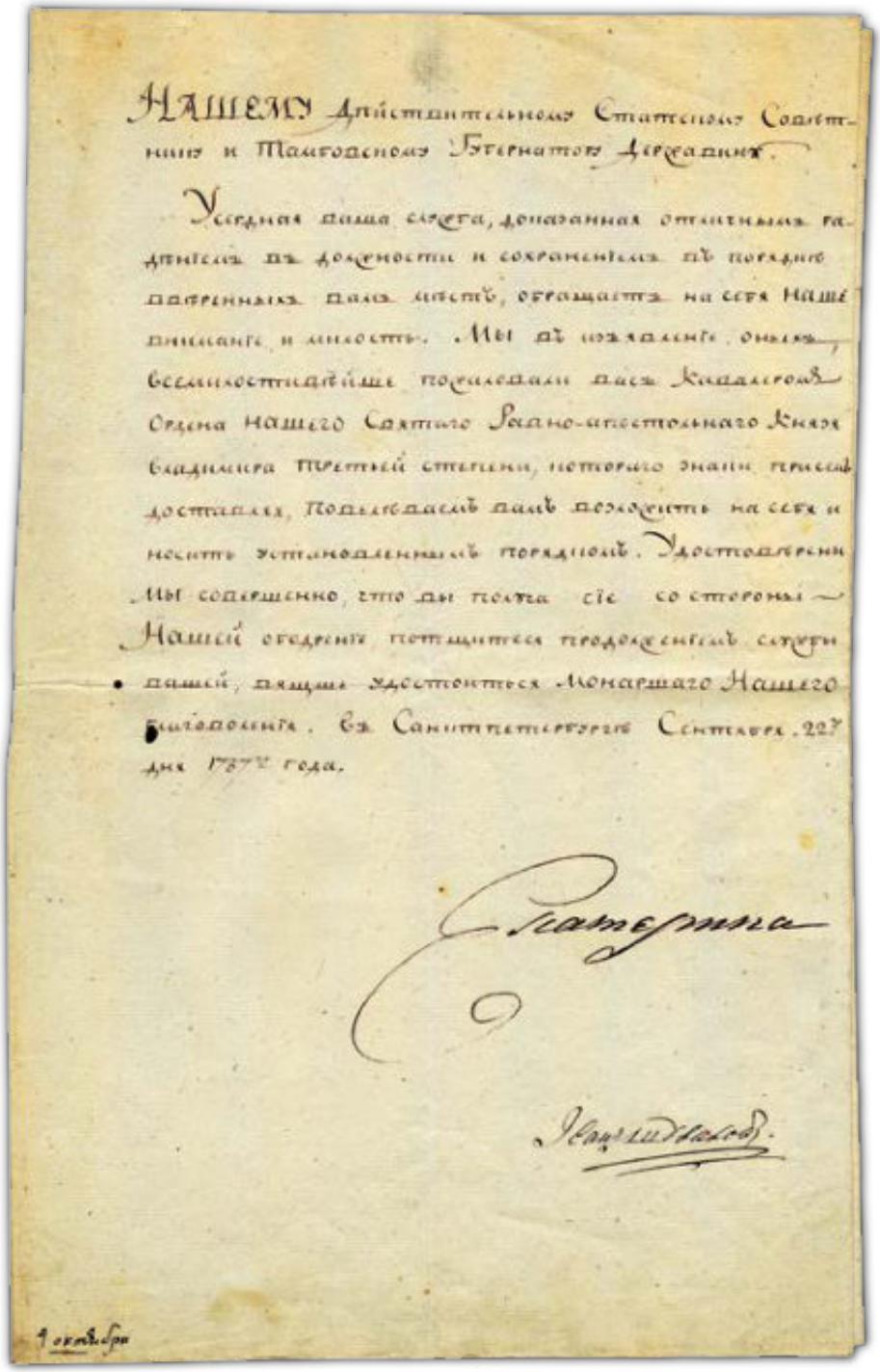


Документ 10. *Указ о назначении Г. Р. Державина правителем Тамбовского наместничества (15 декабря 1785 г.). РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 695. Л. 2–2 об. Копия с делопроизводственными пометами*



Ходя того Архангелских Верхних расправ Отправляно строгих
нихъ указа Архангелскаго Наместничества Волостъ Кянбля
расправ. Предписатъ указания Статъ. Устав Онаго Извлечение
Земскаго Суда. Дать знать Отеческим Сим Предписатся
Генваря 27. Дня 1786 года
На подлинном подписано тако:
Заседатель Ефоръ Точиловъ
Секретарь Василей Тарасовъ

Сходность регистратора Канцелярскаго Сидора Голорхина
Получено Февраля 2 дня 1786 года
Подписано 27



Нашему Действительному Статскому Совѣтнику и Тамбовскому Губернатору Державину.

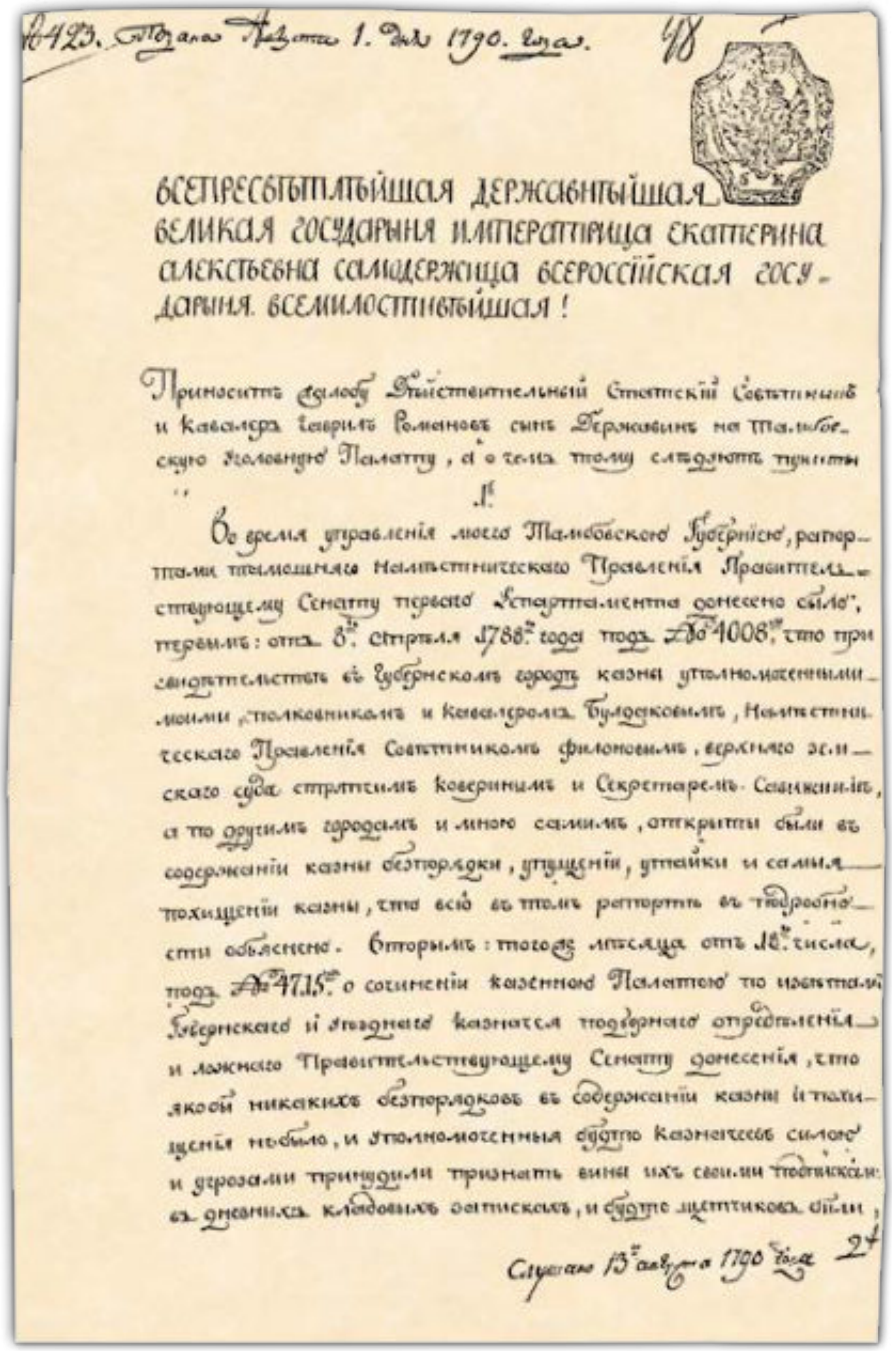
Усердная наша служба, доказанная отличными радѣніемъ въ должности и сохраненіемъ въ порядкѣ поверенныхъ намъ частей, обращаетъ на себя Нашее вниманіе и милость. Мы въ награжденіе оныя, Всемилостивѣйше пожаловали васъ Кавалеромъ Ордена Нашего Святаго Равно-апостольнаго Князя Владимира Третьей степени, котораго знаки при семъ къ вамъ препровождаемъ. Повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить установленнымъ порядкомъ. Удостовѣреніи Мы совершенно, что вы полны сіе со стороны Нашей отеческія попеченія продолженіемъ службы вашей, дѣлающія вамъ достоинство Монаршаго Нашего благоволенія. Въ Санктпетербургѣ Сентября 22 дня 1787 года.

Екатерина

Графъ Шуваловъ.

9 октября

Документ 11. *Грамота на орден Святого Владимира III степени (22 сентября 1787 г.). Подписи-автографы Екатерины II, И. И. Шувалова и др. ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 2. Д. 6*



№423. Подана Августа 1. дня 1790. года.

ВСЕПРЕСВЪТЛЪЙШАЯ ДЕРЖАВНЪЙШАЯ ВЕЛИКАЯ ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІЙСКАЯ ГОСУДАРЫНЯ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ!

Приноситъ жалобу Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Гаврилъ Романовъ сынъ Державинъ на Тамбовскую Уголовную Палату, о чемъ тому слѣдуютъ пункты

1.

Во время управленія моего Тамбовскаго Губернія, репортами тамошняго Палатъ Казенныя Палаты Правительствующему Сенату перваго Департамента донесено было, первымъ: отъ 8. Апрѣля 1788. года подъ №4008. что при свидѣтельствѣ въ Губернскомъ городѣ казны уполномоченными моими, столкновникомъ и Кавалеромъ Булдаковымъ, Палаты Казенныя Правленія Совѣтникомъ Филоновымъ, верхняго земскаго суда стряпчимъ Коверинымъ и Секретаремъ Семеновымъ, а по другимъ городамъ и мною самимъ, открыты были въ содержаніи казны безпорядки, упущенія, утайки и самыя похищенія казны, что всѣ въ томъ репортѣ въ подробности объяснено. Вторымъ: того же числа отъ 18. числа, подъ №4715. о сочиненіи казенною Палатою по ревизіи Губернскаго и Городоваго казначея подложнаго отрѣшенія и ложнаго Правительствующему Сенату донесенія, что якобы никакихъ безпорядковъ въ содержаніи казны и похищенія небыло, и уполномоченныя будто Казначеевъ силою и угрозами принудили признать вины ихъ своими подписками въ дневныхъ книгахъ и актискомъ, и будто щетниковъ сыны,

Слушано 13. августа 1790 года 24

которой подобрь учиненный Присудствующими казенной Палаты, въ сокрытіе ихъ преступленій, тогдаже обнаруженъ; а потому и прошено было, отъ Правительствующаго Сената въ склебетаніи уполномоченныхъ, удовольствія; о телъ въ томъ рапортѣ обстоятельно явствуетъ. К сей

2.

По силѣ рапорталъ того же года отъ Іюня 22. дня подъ №3446. указалъ своимъ, Правительствующій Сенатъ, правящему Генералъ Губернаторскую должность Господину — Генералъ-Порутчику и Кавалеру Людвигу, между прочимъ предписалъ: „подъ собственнымъ его наблюденіемъ неторядки по „казенной Палатѣ исправитъ, и имѣть храненіе денежной „казны, книгъ и всего протчаго на основаніи установленныхъ „на то Законовъ, участвующихъ же въ упущеніи должностей „и злоупотребленій, а наипаче, буде окажется и въ самомъ „похищеній, или утайкѣ денежной казны, тотчасъ пре„дать суду для поступленія по Законамъ, приложа при„томъ неослабное потщеніе о скорѣйшемъ взысканіи утра„ченныхъ, или по другимъ обстоятельствамъ въ казну „не вступившихъ еще доходовъ. При семъ долгъ знать „Сенату, кто виновенъ въ какомъ преступленіи, винова„тымъ найдется„. Смелов

3.

Въ точное исполненіе сего Правительствующаго Сената указа хотя и подлежало бы ему, Господину, правящему Генералъ Губернаторскую должность учинить слѣдующее: 1. безпорядки, не инымъ чѣмъ исправить, какъ прикажетъ прежде всего вытравиться ревизованы ли щеты казенной Палаты и имѣетъ ли она въ вѣрности ихъ

119 2

утверждении, или квитанции отъ Експедиции о Государственныхъ доходахъ; и буде то тяжель щетомъ., остаточныя суммы отъ прошедшихъ годовъ, въ настоящей годъ поступили исправно и казны въ цѣлости, что въ самомъ томъ годѣ, вступившія доходы, вернули полученыя изъ тѣхъ мѣстъ, откуда были въ казенную Палату высланы? А то сими вытребовать, при тѣхъ самыхъ уполномоченныхъ отъ меня тинахъ, которыя безпорядки въ содержаніи казны и похищеніе оной открыли, приказать переписанныя, перетравленныя, безъ шнуровъ и безъ печати найденныя въ Губернскомъ и Уездномъ казначействахъ книги, слитки съ окладами и съ самими документами повѣрить, и естели, что нашлось бы неисправно, при тѣхъ же уполномоченныхъ исправить, или по узаконенному порядку, тѣ книги вновь заплести и отдать въ Палату; ибо безъ сего необходимо нужнаго производства, основываясь на однихъ показаніяхъ и вѣдомостяхъ присудствующихъ казенной Палаты, и казначея, яко уже доказанныхъ въ разныхъ утайщеніяхъ и злоупотребленіяхъ, удостовѣреніе о цѣлости казны возлагать было не можно. 2. По самимъ отвѣтамъ уже видно было, кто изъ членовъ казенной Палаты ложно свидѣтельствовалъ казну; кто выбиралъ казенныя деньги подъ собственныя свои росписки; кто отвлекалъ безаконныя опредѣленія и посылалъ Казначеямъ указы, чтобъ не взыскивать съ откупщиковъ штрафныхъ денегъ; кто содержалъ особо или послѣ свидѣтельствы уполномоченныхъ составилъ излишнюю общую кладовую дневную записку, бывшую

отвѣ

ент кладовой, которой при свидетельстве объявлено не было; и то которой, якобы целы оказались, не явившейся въ кладовых палатках, пятнадцать тысяч рублей казенныя деньги; — кто более двух годов терпеть похищение казны, козловским казначеем Смирновым и не отвлекать на него законного взыскания; а наконец и то ложныя отъ казначеев принимать извёты и тому оных чинить определение о донесении Правительствующему Сенату, якобы безпорядков и похищения казны не было: то всех оных преступников, а равно и то другим обстоятельствам, изображенным въ тех рапортах; и самыми отвлекли доказанных, безъ всякаго изъятия и безъ продолжения времени, тогда же бы и подлежало отдать тогда судъ и донесть объ отрешении оных Правительствующему Сенату. Но всего того, не взирая для того не вдавано, и оставлена вся производства по казенной части въ рукахъ у преступников; да и следующих въ казну съ купцов бородина и фридина штрафных денегъ более двадцати четырех тысяч рублей взыскание послаблено и о пяти тысячах не найденных въ кладовых то надлежащему не изследовано; ибо есть ли то ретенному указу Правительствующего Сената утущенныя штрафныя деньги съ протчих откупщиков взыскивать велено, то тому же указу казется изключить бородина и фридина отъ взыскания не следовало; а ревизитерью есть ли признано, что общей кладовой записки быть не должно, то нужно было изследовать, для того она содержалася и о показанных въ ней деньгах, для того оныя уполномоченным объявлены не были; что всё въ предложениях

три селъ, подъ литерою А, приобщаемыхъ, усмотрѣть можно. А только то репорту вершняго Земскаго Суда тредъседателя Артакова и старшаго филоновскаго посланныхъ, не видомо для того, безъ меня и моихъ уполномоченныхъ вновь свидѣтельствовать казну, въ чемъ кажется и нужда не было; ибо она уже была свидѣтельствована, и дѣйствительно найдена содержанного непорядочно и въ расхищеніи, отосланы тогда судъ въ уголовную Палату, губернской казначей Пытинъ и увѣздный волосатовъ, а о прочихъ тинахъ сказано, буде нужно будетъ Уголовной Палатѣ, то сыскать съ нихъ объясненіе. Пчелинъ отвѣчаетъ

4.

Хотя изъ вышеписаннаго и изъ прилагаемыхъ три селъ подъ литерою В предложеній вытрещающихъ мнѣ то высочайшему Учрежденію стотитъ 162 екстренно свидѣтельствовать казну, и по Губернаторскому наказу 728 года репортовать о похищеніяхъ казны Правительствующему Сенату, видимо было явное снисхожденіе къ вице-губернатору и къ членамъ казенной Палаты; однако предполагаль я, что и по отпущеніи моемъ отъ управленія Губерніи, уголовная Палата то своей обязанности, не оставитъ о всемъ томъ, въ подробности изслѣдовать и приговоритъ виновныхъ, тому явятся достойнаго по законамъ; а тѣмъ самымъ доставитъ и уполномоченнымъ отъ меня, за оклеветаніе ихъ предъ Правительствующимъ Сенатомъ подлежащее удовольствіе.

5.

Но сверхъ всякаго моего чаянія изъ числа вышеупомянутыхъ уполномоченныхъ моихъ, Совѣтникъ Нальчикскаго Правленія филоновъ, письмомъ своимъ, съ подлинникомъ трехъ селъ, съ копіею опредѣленія уголовной Палаты подъ литерою С приложеннымъ, увѣдомляетъ меня, что не только

потому делу, преступники въ тюрьмѣ по Законамъ не наказаны; но и порядочнаго слѣдствія произведено не было и ему для истребованія съ нихъ уполномоченнымъ въ тяжбѣ ихъ обидъ, ни какого удовольствія не учинено, и Правительствующему Сенату о рѣшеніи сего дѣла не донесено, что всѣ изъ самаго того опредѣленія видѣть можно; а потому и просить меня, отъ вышняго начальства, изходатайствовать ему подлежащее въ обидѣ — удовольствіе. Совѣтникъ

6.

Къ наилутшему Правительствующаго Сената соображенію безпорядковъ казенной Палаты, найденныхъ при свидѣтельствѣ казны и описанныхъ въ полянутомъ рапортѣ, за нужное нахожу оныя здѣсь въ кратцѣ представить; а имянно: 1., безъ опредѣленіевъ и безъ записки въ настольной реестръ, принято было казенною Палатою денегъ болѣе двадцати тысячъ рублей. 2. Нѣсколько книгъ содержались безъ шнура, безъ печатей, безъ скрепы присудствующихъ и безъ полноты Секретарей, и притомъ перескоблены и перетравленеи. 3. выдано было болѣе девяти тысячъ рублей безъ росписокъ туземцовъ и безъ записки въ расходныя книги. 4, выдано было болѣе двадцати тысячъ рублей такимъ которыя грамотѣ не умѣютъ, и росписался вмѣсто ихъ той же Палаты канцелярской служителъ. 5, Утеряны были неокладныя зари за гербовую бумагу и за печатныя тешкорты, и хотя оныя доходы вступили, но книги для нихъ учиненныя нѣсколько мѣсяцовъ пошлись бѣлыми. 6, упущены были штрафныя съ откупщиковъ деньги, болѣе шестидесяти тысячъ рублей. 7. Найдено въ кладовыхъ совсѣмъ безлѣсно лежащихъ, то есть ни въ какія книги не записанныхъ и въ вѣдомостяхъ уполномоченнымъ не показанныхъ, банковыхъ и другихъ

57. 4

сумме, более ста пятидесяти тысяч рублей.
8. По осмотре кладовой и по пересчете денег, на другой день, найдено присланных из Межевой Канцелярии, подкинутыми более двух тысяч рублей которых ни в каких книгах; ни в ведомостях уполномоченным объявлено не было. 9. Не явилось в одной кладовой, более пяти тысяч рублей, и хотя в дневных кладовых записках, выносу оных не показано; но Казначей утверждал, будто они перелищены в другую кладовую; а как и в той ни взносу их не записано, ни превосходства в суммах в той Палате не явилось, но еще недоставало, около полутора тысяч рублей, а в настольной реестра вписывались суммы без определения Палаты, что до точнаго изследования и должно было их полагать в действительном похищении, а равно и сто пятьдесят рублей, которых и против самой записки в книгах в наличности не нашлося. 10. Поймана в Казначей Волосатова с подлетными около тысячи трех сот рублей деньгами, которыя она в недостающее число, приходя в кладовую тайно хотяла подкинуть, в чем и сама подпискою в кладовой дневной записке признался. 11. из заказухи вынуто у щетника Попадьина пристава десять пять да из его же сундука и другаго где гербовая бумага хранилась бывших в ней кладовой сто семьдесять два рубли, шесть копеек. 12. из сундука вынуто у канцелярскаго служителя Суздальцова, росписок на разданныя за гербовую бумагу деньги, на четыреста восемьдесять рублей, которых нигде по книгам и ведомостям показано же не было. 13. Палатскими членами, разобрано подъ партикулярныя росписки более пяти сот рублей. 14, два

года совсѣмъ не содержалось реестра тотъ должно записывать и отмѣчать исходящія бумаги, а отъ того документовъ о раз-
ходѣ, а то скобленными и неподписанными книгами приходя
безъ справокъ отъ тѣхъ мѣстъ, откуда деньги въ приходъ по-
ступили, повѣрить было не возможно. 15, болѣе двадцати-
тысячъ печатныхъ пашпортовъ около двухъ годовъ никогда
въ приходъ не записано. 16, дневныя кладовыя записки не
содержались внутрь кладовыхъ и находились въ рукахъ у кан-
целярскихъ служителей. 17, не записывалось въ оныхъ кто
входилъ въ кладовыя и за тѣмъ, да и содержались въ нихъ не
вѣдомо для того за печатью рекрутскаго департамента
Секретаря Шамонина рекрутскія деньги. 18, смѣшиваны
были, безъ записки въ утвержденныя книги одна сумма за
другою, а чрезъ то самое, казначей показывалъ, якобы деньги
соляного капитала изъ одной кладовой перемѣщены были
въ другую. 19, въ количествѣ монеты, найдены въ натурѣ
противъ забисныхъ въ книгахъ великія несходствы; а чрезъ
то и оказывалось сумнѣніе, въ обмѣнѣ казенныхъ денегъ, на
другую монету. 20, не чинено было казенною Палатою еже-
мѣсячныхъ щетныхъ выписокъ. 21 не хранили были казна-
чеями, принимаемыя деньги всегда въ кладовыхъ; но съ не-
брежѣніемъ вне оныхъ. 22, то отъѣзднымъ городамъ: а имянно
то Козлову, не напомнялъ казенная Палата, чрезъ долгое
время соляного капитала похищеннаго казначеемъ Сипрно-
вымъ. 23, оставляла то похищеніе состоящее съ лишкомъ
въ девяти тысячахъ рубляхъ болѣе девяти годовъ безъ
всякого взысканія. 24. по Киреанову не записаны, были
въ книги чрезъ цѣлые 4 мѣсяца поступившія доходы.

32 5

25, по Темникову не росписывались плательщики подушных денегъ въ пріемѣ квитанцій и похищались оныя назначеемъ и канцелярскими служителями. 26, по Лебедянѣ не содержались по предписаннымъ правиламъ книги, тѣмъ что общихъ транспортовъ въ нихъ ведено не было. 27, по Липецку открыто похищеніе казны болѣе четырехъ тысячъ рублей, къ свидѣтельству которой, подъ предлогомъ непозволенія казенной Палаты, не допущалъ моихъ уполномоченныхъ, посланной отъ нея Ассесора Лукинъ. 28, не сдавала казенная Палата, казначеямъ повелѣнія, по требованію Наместническаго Правленія, допускать уѣздныхъ стряпчихъ, къ ежемѣсячному свидѣтельству казны. 29, не доставляла по требованію моему болѣе трехъ годовъ вѣдомостей о штрафныхъ деньгахъ, слѣдующихъ въ Приказъ общественнаго призрѣнія. 30, посылала казначеямъ указы, чтобъ съ откупщиковъ не взыскивать тѣхъ штрафныхъ денегъ, тѣмъ самымъ, оныя трехъ 4 года были, не только не взысканы но и утаена. 31, не сбрала по требованію Наместническаго Правленія, съ казначеевъ объясненія по случаю разломанія въ Темниковѣ у казенной кладовой замка. 32, при ежемѣсячномъ свидѣтельствѣ въ губернскомъ городѣ, всею Казенною Палатою казны, а въ уѣздныхъ городахъ посланными отъ нея членами, никогда не примѣчаемо было, никакихъ вышеотписанныхъ въ содержаніи казны безпорядковъ; но въ дневныхъ кладовыхъ записках, всегда однако записывалось, что всѣ исправно и казна цѣла; слѣдовательно, всѣ тамошніе

свидѣтельствы и членовъ ея были ложны. Сверхъ вышеизображеннаго отъ 3. Маія донесено было: что за 6 рекрутскій наборовъ, о собираемыхъ провіантскихъ, складочныхъ и штрафныхъ деньгахъ щетовъ казенною Палатою сочинялемо не было. Отъ 2. Октября, что уменшительно, тридцатьтять тысятъ рублей требовала она взысканія недоимокъ за оброчныя статьи, тѣмъ въ окладныхъ книгахъ то выправкамъ уѣздныхъ стряпчихъ оказалося и что оброчныя земли инымъ мѣстъ полукоптейки десятина и безъ переобротки въ найма отдаваны были, что въ приложенной при томъ репортъ-ведомости имянно явствуетъ. Отъ 6. Маія тогожъ №5677, октября 8. тогожъ №7073, и ноября 8. тогожъ №1900, что казенныя Палаты повелѣнныхъ разчетовъ съ прикосновенными губерніями и откупщиками не сдѣлала; недоимокъ по высочайшимъ вашего ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Манифестамъ не слала; незнала своихъ окладовъ по нетотчету сегодѣнѣ ревизскихъ душъ; не присылала въ Маніфестическое Правленіе въ утрежденное время реестровъ о нетплательщикахъ податей, отъ чего происходило во взысканіи оныхъ мѣдленіе. — Такожъ губернской стряпчей Князь Мещерской жаловался Правительствующему Сенату на казенную Палату, объ отдатѣ не согласно съ Законами винного откупу; о отложеніи казны; о беззаконныхъ зборехъ. Поелику же содержаніе всѣхъ оныхъ репортовъ и жалобъ по протисанными въ нихъ законамъ означало безпорядокъ казенной Палаты и подходило точно подъ реченной Правительствующаго Сената указъ, которымъ велѣно обстоядки

53. 6

исправите и следующее въ казну взыскать;
но Уголовная Палата въ означенномъ опредѣленіи своемъ,
не только о чемъ либо объ онемъ, что связи между собою отдѣ
не коснулася; но и то репорту в.[ашего] Отдѣленія порядочнаго слѣд-
ствія не произвела. Паче же не обинуясь сказать можно,
вся злоупотребленія казенной Палаты видимымъ обра-
зомъ сокрыла. Доказывается сіе тѣмъ самымъ: 1.[о] когда
по отдѣлу не взведено было, чтобъ цѣты сочиняемы были, а
сколько извѣстно, хотя оныя за нѣсколько лѣтъ не говоря
о рекрутскихъ наборахъ и сочинены; но Экстедиціею о Госу-
дарственныхъ доходахъ по недоимкѣ суммы не апробованы,
о чемъ и до днесь требуется объясненій. А за послѣдній
годъ и совсѣмъ не доставлено; записныя же книги нашлись
иныя перескобленi, иныя безъ скрепы, иныя безъ шнуровъ,
то и не видно, на какомъ основаніи такое заключеніе зат-
лано, что казна кромѣ полукопѣйки цѣла, какъ о томъ
уголовная Палата въ опредѣленіи своемъ сказала —.
Основываться же въ томъ какъ выше сказано, на показа-
ніяхъ казенной Палаты возпрещала и разумъ и за-
коны; ибо вся сія Палата состояла подъ слѣдствіемъ;
а потому всѣ ея вѣдомости и объясненіи безъ справокъ
съ самыми дѣлами существеннаго удостовѣренія не от-
лали. 2.[о] О посылкѣ указова, чтобъ не взыскивать штра-
фныхъ съ откупщиковъ денегъ; о воровствѣ цѣтчиковъ
Поповыхъ и канцелярскихъ служителемъ Суздаль-
цовымъ; о не взысканіи денегъ похищенныхъ казначеемъ
Смирновымъ; о немайденныхъ пятнѣ тысячахъ рублѣхъ
въ кладовыхъ палатскихъ; о ложномъ свидѣтельствѣ

казны; о сотиненіи подобнаго опредѣленія, а равно и о молчаніи не безъ вниманія, что въ помянутыхъ рапортахъ, значится совсѣмъ умолчено, какъ бы и въ оныхъ всего того не было. 3-е, хотя въ кладовыхъ дневныхъ запискахъ именно сверстными казначеевъ признаніемъ утверждено было, что сорокъ семь тысячъ рублей банковыхъ денегъ, ниже ни въ настольномъ реестрѣ, ни въ книгахъ, ни въ вѣдомостяхъ уполномоченными показано не было; но оная уголовная Палата въ томъ своемъ опредѣленіи не вѣдомо что тому сказала что тѣ деньги записаны были въ дневную кладовую записку; но только не выведени съ общими деньгами въ транспортѣ. 4. хотя въ рѣшеніи своемъ оная Палата сама признала, что казначей Волосатовъ, подкидывала взятыя имъ казенныя деньги; что члена казенной Палаты разбирали казну тогда собственныя своя росписки; что губернской казначей Пытинъ, пренебрегалъ свою должность; но въ заключеніи своемъ о винахъ ихъ, тому они то онымъ достоины нимало не слѣдовала высочайшимъ вашего императорскаго величества законамъ на таковыя случаи установленнымъ; а какъ видно, что онъ и впредь губернской казначей и прочіе члены были не исправны въ своихъ должностяхъ и чинили въ нихъ столь нагныя злоупотребленіи, оставила ихъ спокойно всѣхъ въ преженемъ званіи. А нынѣшній господинъ Правитель губерніи, таковое несогласное съ законами опредѣленіе уголовной Палаты пропустилъ и не донесъ объ ономъ Правительствующему Сенату. и Кабинетъ

54

7.

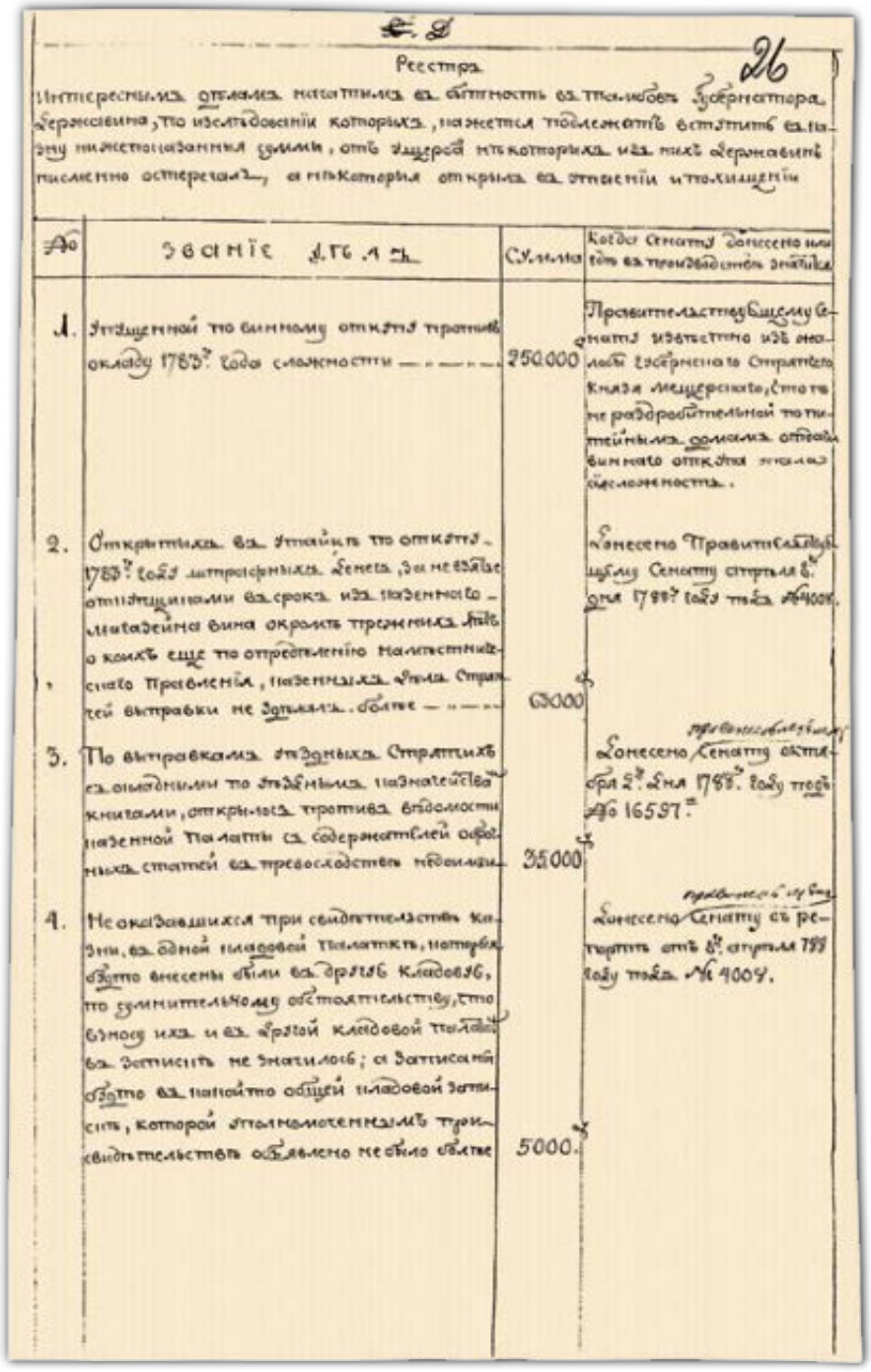
По сему же Правительствующій Сенатъ, есть хранилище законовъ, блюститель высочайшихъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА интересовъ, отъ котораго истекаетъ правосудіе и порядокъ на всю Имперію, то ежели бы дошло до его свѣденія означенное съ законами несогласное опредѣленіе Тамбовской Палаты, всемірно не оставилъ бы онъ здѣлать на ней подлежащаго взысканія. Я же по отрѣшеніи меня отъ должности Правителя Тамбовской Губерніи, кромѣ никогда и ни чемъ не прерываемой вѣрноподданнической моей обязанности, хотя не имѣю теперь особаго права вмѣшиваться на оное рѣшеніе, относительно интересныхъ отдѣл ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА изъ помянутыхъ репортовъ изображенныхъ, то коимъ, да и то другимъ обстоятельствамъ въ бытность мою въ Тамбовѣ засѣдованнымъ, подлежащимъ кажется ко взысканію въ казну онаго суммы, которымъ для свѣденія Правительствующаго Сената подъ литерою D реестръ здѣсь прилагаю; не могу однако посвидѣтельствованіемъ истинной чести и то далѣе службы тою оставить, что за оклеветаніе моихъ уполномоченныхъ никакова на присудствующихъ казенной Палаты взысканія, не здѣлано, о исходатайствованіи, которато помянутой Совѣтникъ Фрилонов меня просить, въ семъ я ему и отказать не могу; ибо обидѣли надъ нимъ наталникомъ и далъ ему о свидѣтельствѣ казны тобольские, сотлинскъ за исполненіе онаго въ нужномъ случаѣ я его защитить отрекся, то въ продолженіе ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА служенія, никто уже изъ подчиненныхъ моихъ ко мнѣ и къ моимъ приказаніямъ никакого уваженія и довѣренности имѣть не будетъ. А какъ сіе относится къ моей укоризнѣ и презрѣнію; а подлость и клевета, усиленныя членами Казенной Палаты противны Законамъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, а именно: Генеральнаго регламента 50й главъ: устава, управы благочинія 270й статьи отдѣленія 2го и 21й статьи отдѣленія 12й;

дворянской грамоты 6-й статьи 6-м отделению, Манифеста 21-го Апреля 1787-го года 13-м пункту, которые Уголовная Палата в решении своем совсем выпустила изъ своего примѣчанія, то и прошу всеподданнѣйше: Гаврила

Дабы высочайшимъ вашего ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА указомъ, повелѣно было сію мою жалобу въ Правительствующій Сенатъ въ первой Департаментъ принять и по предписаннымъ выше сего Тамбовскаго Намѣстническаго Правленія репорталамъ, а въ слѣдствіе оныхъ, состоявшагося указу — Правительствующаго Сената, ретенное произведенное въ Тамбовской уголовной Палатѣ дѣло, отослать на ревизію куда слѣдуетъ для справедливѣйшаго по законамъ рѣшенія и доставленія уполномоченнымъ моимъ за вышеписанную обиду удовлетворенія; ибо когда по жалобамъ на меня правящаго должность Генерала Губернатора господина Генерала Поручика и Кавалера Гудовича приговорено было къ отрѣшенію отъ должности и къ суду, и судясь ни въ чемъ невинныхъ предъ высочайшимъ вашего ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Престоломъ оправдался, что доказывается Именнымъ вашего ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА указомъ состоявшимся 1789-го года Августа 4-го дня, которымъ велѣно мнѣ произвесть удержанное и впредь по званію Губернатора производить полное жалованье до опредѣленія къ мѣсту; что и помыслить не могу, чтобъ сіе вышнее Правительство, доказанныхъ самыми отцами

преступниковъ, яко то похитителей казни, укрывателей оныхъ, и другихъ злоупотребленій, а равно и сотинителей подложнаго опредѣленія, и ложнаго репорта, далѣе оставило безъ послѣдствія по Законамъ взысканія.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ! прошу ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА о семъ моемъ прошеніи учинить рѣшеніе Іюля 31 дня 1790 года. къ подачѣ надлежитъ въ Правительствующій Сенатъ въ первой Департаментъ, сію челобитную писалъ Государственнаго Санктпетербурескаго Архива старыхъ отдѣлъ канцеляристъ Григорей Ширяевъ.



Реестръ

26

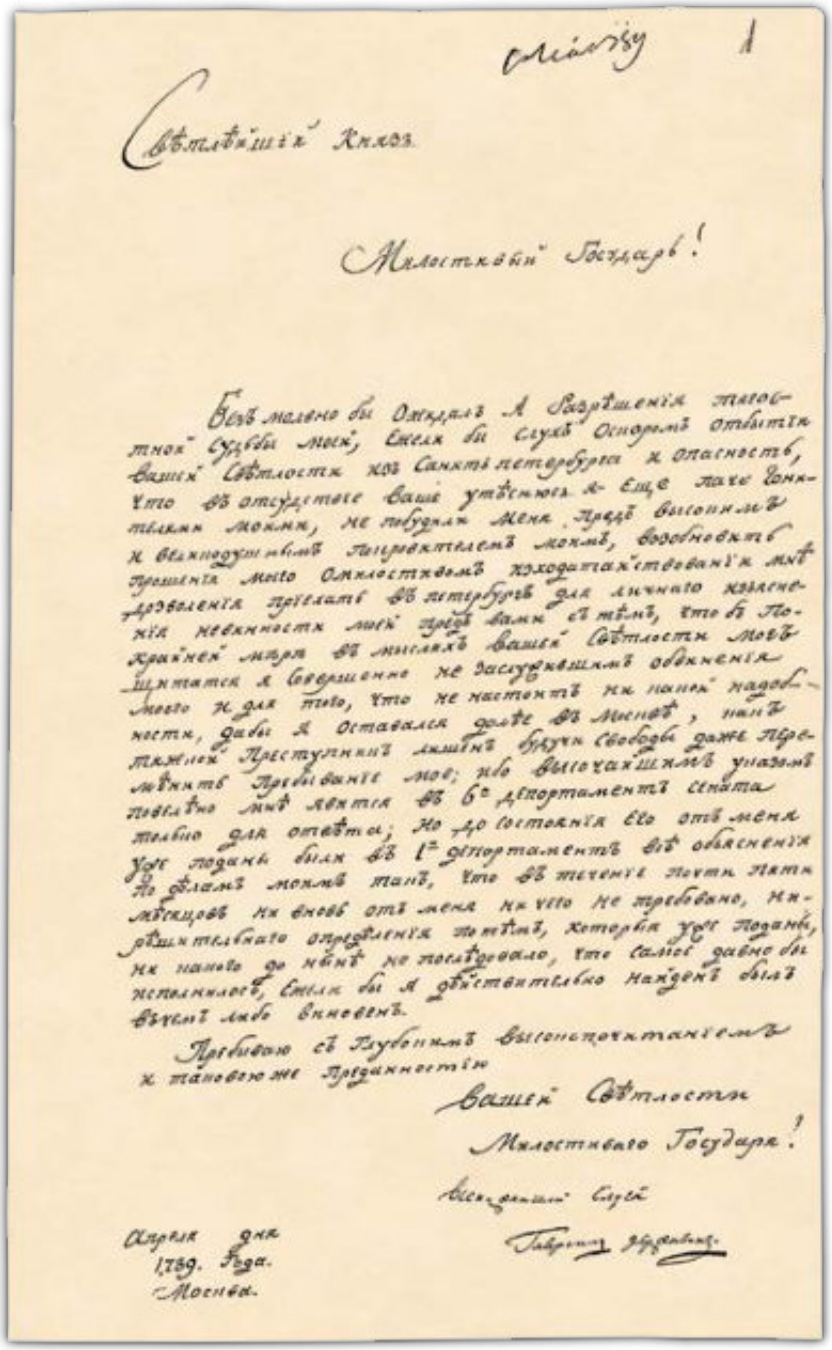
Интересныхъ отъ[ъ]ятiй похитителей въ бытность въ Тамбовѣ Губернатора Державина, что изслѣдованiи которыхъ, кажется подлежатъ вступить въ силу нижеподписанныя суммы, отъ ущерба нѣкоторыхъ изъ нихъ Державинымъ письменно остереганъ, а нѣкоторыя открыты въ отсутствiи похитителей

№	Званiе дѣлъ	Сумма	Когда Сенату донесено или что въ производящемся значится
1.	Утащенной по винному откупу тратной окладу 1785го года сложности	250000	Правительствующему Сенату извѣстно изъ жалобы Губернатора Статнаго Князя Мещерскаго, что та не разработительной тотчасъ винного откупа сложность.
2.	Открытыхъ въ утайкѣ по откупу 1788го года штрафныхъ денегъ, за неявленiе отпущенными въ срокъ изъ питейнаго начетчиками вина окролѣ прежнихъ лѣтъ о коихъ еще по опредѣленiю Палатскимъ Правленiя, питейныхъ дѣлъ Стряпчей выправки не получалъ болѣе	63000	Донесено Правительствующему Сенату стряпчей 8го дня 1788го года подъ № 4004.
3.	По выправкамъ отъѣзжихъ Стряпчихъ съ оныхъ по отъѣзжимъ питействамъ книгами, открылось тративъ взысканiи питейной Палаты съ содержателей оброчныхъ статей за превосходствомъ недоимки	35000	Донесено Сенату апрѣля 2го дня 1788го году подъ № 1659го.
4.	Не оказавшихся при свидѣтельствѣ книгъ, въ одной питейной Палатѣ, которыя будто внесены были въ другiя кладовыя, по удостовѣренiю обстоятельству, что книгъ изъ и въ другой кладовой Палатѣ въ записи не значилось; а записаны будто въ тайной общей питейной записи, которой отъ начальствующихъ при свидѣтельствѣ объявлено не было быть	5000	Донесено Сенату съ рестрипт отъ 8го апрѣля 788 году подъ № 4004.

Документ 13. *Реестр о хищениях в Тамбовской губернии, выявленных губернатором Г. Р. Державиным. Приложение к жалобе Екатерине II на Тамбовскую уголовную палату (1790 г.). РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 707. Л. 26–27*

№	Званіе и Имя	сумма	Когда Сенату донесено или что въ производствѣ значится.
5.	Забранныхъ тѣмъ росписки таматскими членами, ежели оныя уже и взнесены то по ротмейстерской инструкціи такуюже сумму болѣе	600 р. 557-	Донесено въ томъ же рапортѣ.
6.	Не записанныхъ въ книгу за требованіемъ бумагу и розданныхъ въ займы, ежели оныя и взнесены, то то тойже инструкціи, такуюже сумму	480 р.	въ томъ же рапортѣ.
7.	Похищенныхъ тѣмъ городу Козлову назначеемъ Смирнымъ, которыхъ казенная Палата болѣе двухъ годовъ не взыскивала, ежели они и взнесены то то тойже инструкціи	9000 р.	въ томъ же рапортѣ
8.	Похищенныхъ Казначеемъ Салковымъ по городу Липецку болѣе	4000	въ томъ же рапортѣ
9.	За взятое откупщиковъ воровинныхъ изъ винныхъ магазейна по повелѣнію Совѣтника Костерова безденежно вино, ежели изъ взысканій то то тойжѣ инструкціи такуюже сумму около	1000 р.	Явствуетъ то въ Палатскомъ Правленіи 1788 году
10.	За взятые подводы или же воровинныхъ яловы за выставленной или на наемное строеніе то тогожду пирпиты, ежели и взысканы, то то тойже инструкціи	3400 р.	Извѣстно то опредѣленіемъ палатскимъ правленія мая 15 дня 787 году.
11.	Выданныхъ на пропорціе содержащихся подъ стражею благочестныхъ людей, которыя отъ помѣщиковъ обратно въ подданство поступили, и о коихъ Казенная Палата репортовалася Сенату тако о сто осмидесяти рублях но то взысканіи палатскими Членами слѣдуетъ ко взысканію около	1000 р.	788 году въ Сенатѣ читалъ опредѣлено въ палатскомъ Правленіи отрепортовать Сенату. но то отлученіе Сердюкина отъ должности неизвѣстно репортовано ли.

№	Званіе дѣлъ.	сумма	Когда Сенату донесено или кто за производствомъ оныхъ значится.
12.	По рекрутскимъ шести наборамъ несотиненнымъ щетамъ хотя не можно ничего сказать утвердительнаго; однакожъ по разсмотрѣніи державинскимъ вѣдомости отмѣтенной его рукою поданной отъ регистратора Гришина за 62 и 63.[2] наборы за непоставку въ срокъ рекрутъ штрафныхъ денегъ и по вѣдомостямъ поданнымъ отъ губернскаго Стряпчего князя Мещерскаго, сколько припомнить теперь можно, слѣдовало ко взысканію болѣе — . — .. — .. — . — .. —	20,000.[rr]	извѣстно что дѣла рекрутскаго департамента; а что щетовъ за шесть наборовъ сотинено не было, о томъ рапортовано правительствующему Сенату отъ 3.го мая 1788 года подъ №5420.го
13.	Въ намѣстническомъ Правленіи, по приказаніе державина открытыхъ, свидѣтельствованіе приходныхъ и расходныхъ книгъ, бывшихъ подъ смотрѣніемъ Совѣтниковъ Аничкова или Сластьянова, о чемъ безъ окончанія начатаго слѣдствія послѣдовало оказавшихся перекосленныхъ и перетравленныхъ канцелярскихъ актовъ достовѣрно узнать было не можно; кромѣ слѣдующихъ на возвратку съ присудственныхъ мѣстъ выданныхъ на щетъ ихъ на протоны, болѣе трехъ тысячъ рублей, дѣйствительно утраченныхъ около — .. — .. —	600.[rr]	Извѣстно по трепоженіе въ намѣстническое Правленіе державина 10 октября 787 году и по опредѣленіе Правленія февраля 8.го дня 788.го года.
14.	Забранныхъ въ Гражданской палатѣ, предсѣдателемъ Титеринымъ и ассесоромъ Левашовымъ отпелляціонныхъ денегъ, сколько оные и взнесены по тѣ Рентмейстерскіе инструкціи таковые суммы — .. — .. — ..	475.[rr]	Извѣстно по дѣламъ въ Гражданской палатѣ 10, 21, 24, 26, и 29 дня и что предъ сего стряпчей Филаретовскаго въ намѣстническомъ Правленіи
	И того кромѣ прочихъ слѣдственныхъ дѣлъ о коихъ упомнить теперь не можно слѣдуетъ капнется въ казну вступить		
	Всего —	393512.[rr]	



Светлѣйшій Князь

Милостивый Государь!

Весьма маловѣрно бы ожидалъ я разрѣшенія такого-тяжкой судьбы моей, ежели бы слухъ о горькомъ опытѣ вашей Свѣтлости изъ Санктъ-Петербурга и опасность, что въ отсутствіе ваше утѣсненъ я еще паче Санктъ-Петербургскимъ моимъ, не побудили меня предъ выгонными и великодушнѣйшимъ покровителемъ моимъ, возобновить прошеніемъ мое о милостивомъ исходатайствованіи мнѣ дозволенія предстать въ Петербургѣ для личнаго изъясненія невинности моей предъ вами съ тѣмъ, что бы по крайней мѣрѣ въ мысляхъ вашей Свѣтлости моей Шкатовъ я совершенно не заслуживающимъ обвиненія моего и для того, что не настоитъ ни какой надобности, дабы я оставался долѣе въ Москвѣ, какъ тяжкомъ преступникѣ лишенъ будучи свободы даже переѣзжать пребываніе мое; ибо выключая шлемъ указомъ повелѣно мнѣ явиться въ 6-мъ департаментѣ сената только для отвѣтовъ; но до состоянія его отъ меня уже поданы были въ 1-мъ департаментъ въ объясненія по дѣламъ моимъ такія, что въ теченіе почти пяти мѣсяцовъ ни вновь отъ меня ни чего не требовано, ни-рѣшительнаго опредѣленія такого, которыя уже поданы, ни какого до нынѣ не послѣдовало, что самое явно бы неполнилось, ежели бы я дѣйствительно найденъ былъ въ чемъ либо виновенъ.

Пребываю съ глубокимъ высокопочитаніемъ и такою же преданностію

Вашей Свѣтлости

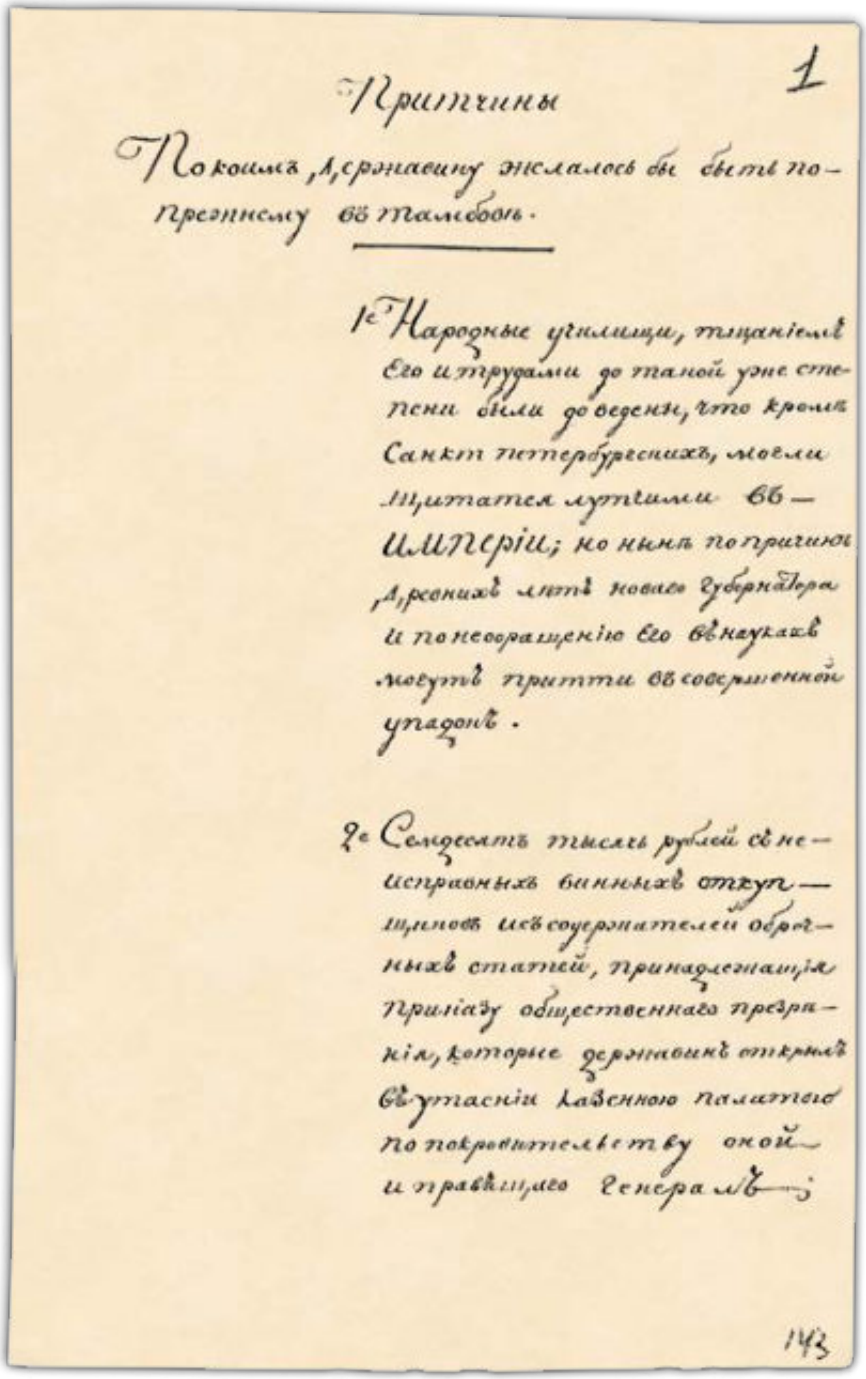
Милостиваго Государя!

Всенижайшій слуга

Гавріилъ Державинъ.

Апрѣля дня
1789. года.
Москва.

Документ 14. *Письмо Г. Р. Державина Г. А. Потёмкину с просьбой исходатайствовать ему разрешение на выезд из г. Москвы в г. Санкт-Петербург для объяснений в Сенате относительно своей служебной деятельности (апрель 1789 г.). РГИА. Ф. 1640. Оп. 1. Д. 76. Л. 1. Подпись-автограф Г. Р. Державина*



1

Причины

По коимъ Державину желалось бы быть по-прежнему въ Тамбовѣ.

1е Народныя училища, тщаніемъ Его и трудами до такой уже степени были доведены, что кромѣ Санктпетербургскихъ, могли Штатася лутшими въ Имперіи; но нынѣ по причинѣ древнихъ лѣтъ новаго Губернатора и по невращенію Его въ наукахъ могутъ притти въ совершенной упадокъ.

2е Семдесятъ тысячь рублей съ неисправныхъ винныхъ откупщиковъ изъ Губернаторей оброчныхъ статей, принадлежащія Приказу общественнаго призрѣнія, которые Державинъ открылъ въ Губернскомъ Казенномъ Палатѣ по покровительству онойи правящаго Генерала въ

143

Документ 15. *Записка с перечислением доводов об оставлении Г. Р. Державина на должности правителя Тамбовского наместничества (1788 г.). РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 702. Л. 1–5. Черновик без подписи*

Губернаторскую должность поднесь
не взысканы; Следовательно Едвали
безделя, державина что и настоящ —
будет во взысканіи оных тем
паче, что и подоставленной штра-
фных деньгах об откупщиковъ
Въдомости во Сенатъ таящельно
и теперь резолюціи нетъ, тому
уже времяни прошло болше года.

3е Упущенную въ минувшей откупъ
правящимъ должность Генерала
Губернатора и казенною палатою
Четырехъ летнюю винную слож —
ность до 250,000 тысячъ рублей,
Ежели небудетъ препятствія со —
стороны Генерала Губернатора
пріемлетъ онъ державинъ насебя
Возвыситъ Еще свинкоторымъ —
можетъ быть превосходствомъ
чрезъ разробительную отдачу
по уставу о вин губернію на —
откупъ.

2

1е Ежели Высочайше опро-
буется сочиненной имъ, Генера-
винымъ и уставленной чрезъ
Генерала Губернатора проектъ,
о устроеніи судоходства въ Там-
бовской Губерніи порогъ пре-
весма нужнаго, какъ для спосо-
бнѣйшаго доставленія въ столицы
хлѣба, такъ изъ темниковской
и шацкой округъ леса и камня
для скорѣйшей и дешевѣйшей
выстройки Города Тамбова;
на что Ежели бы весма неболь-
шая сумма отпущена была,
то бы онъ это судоходство испра-
вилъ и казнѣ могъ знатную
принесть прибыль, какъ чрезъ
ежегодную сходнѣйшую постав-
ку хлѣба въ Петербургъ, такъ
и чрезъ дешевѣйшую выстройку
казенныхъ строеній противъ
нынѣшняго бочто, то и дорого
обходится.

Ѣ Извѣстно, что казенная па-
лата съ открытія губерніи
По сіе время не знаетъ Еще
Вѣрно окладовъ доходамъ Поне-
Сѣдпкію Ея не только дѫшъ;
Но и Селѣніевъ, что было на-
Чалъ приводить, дерѣнавинъ
Въ порядокъ; собравъ нужные
Всѣ къ тому. свѣдѣніи, то и-
Сіе устройство, Коими небу-
детъ препятствіевъ состо-
роны правящаго Генералъ о
Губернаторскую должность,
пріемлетъ дерѣнавинъ насебя
окончить; Что такожде по-
старости лѣтъ и понесен-
дкію казенной части едвали
Въ силахъ новой Губернаторъ
сдѣлать.

6 е Сверхъ того собственныя
дерѣнавина выгоды быть въ-
тамбовѣ состоятъ въ томъ:
1ѣ Получивъ прежнее мѣсто
удостовѣрилась бы неосмѣненно

(13)

3.

Пулина, что онъ на прямо ли-
шенъ былъ онаго; и что тѣ, кото-
рые по запрытію своихъ преступ-
леній пронырствами своими, при-
вели его въ несогласіе съ правящимъ
Генералъ Губернаторскую должность
не имѣли успѣха въ своемъ по-
ступкѣ, и неторжествовали бы
тѣмъ, что съ ними съ руки того,
которой приводилъ ихъ по исполне-
нію должностей и по сохране-
нію высочайшихъ интере-
совъ .. Сего кажется самое пра-
восудіе требуетъ. 2. Пересылка
изъ мѣста въ мѣсто дѣла важна
въ короткое время, стоитъ ему
нарочитыхъ издержекъ, такъ, что
онъ заводя домы то въ той, то
въ другой губерніи, разстроилъ свое
состояніе даже до того, что мно-
го спавать и разорился; А напо
въ тамбовѣ онъ сдѣлалъ пристрой-
ку, даже купилъ его, имѣя имуще-
ство по неизвѣстности пути

Ихъ отправить находятся и-
теперь въ оконіи еще городъ; то
получивъ прежнее мѣсто, избѣ-
гнулъ бы онъ чрезъ то необходи-
мыхъ ему новыхъ убытковъ, ко-
торыхъ онъ почти неизбѣжно-
ляпи уже теперь здлалъ. Всѣ
сіе не богатому человѣку инеи-
лѣшему не отнуда посторон-
нихъ прибылей составлять
поистинѣ шутъ, небезъ вазной.

7е Что жъ касается до двухъ въ-
полученію державину прежняго
мѣста нижеслѣдующія пре-
пятствіи а именно: 1е пра-
вящій. Генералъ губернаторскую
должность по явному теперь
къ нему недоброжелательству
безъ сумнѣнія иногда вящшую
къ нему вражду имѣетъ надъ-
нимъ чинить строжайшее
взысканіе, то Строгость

4

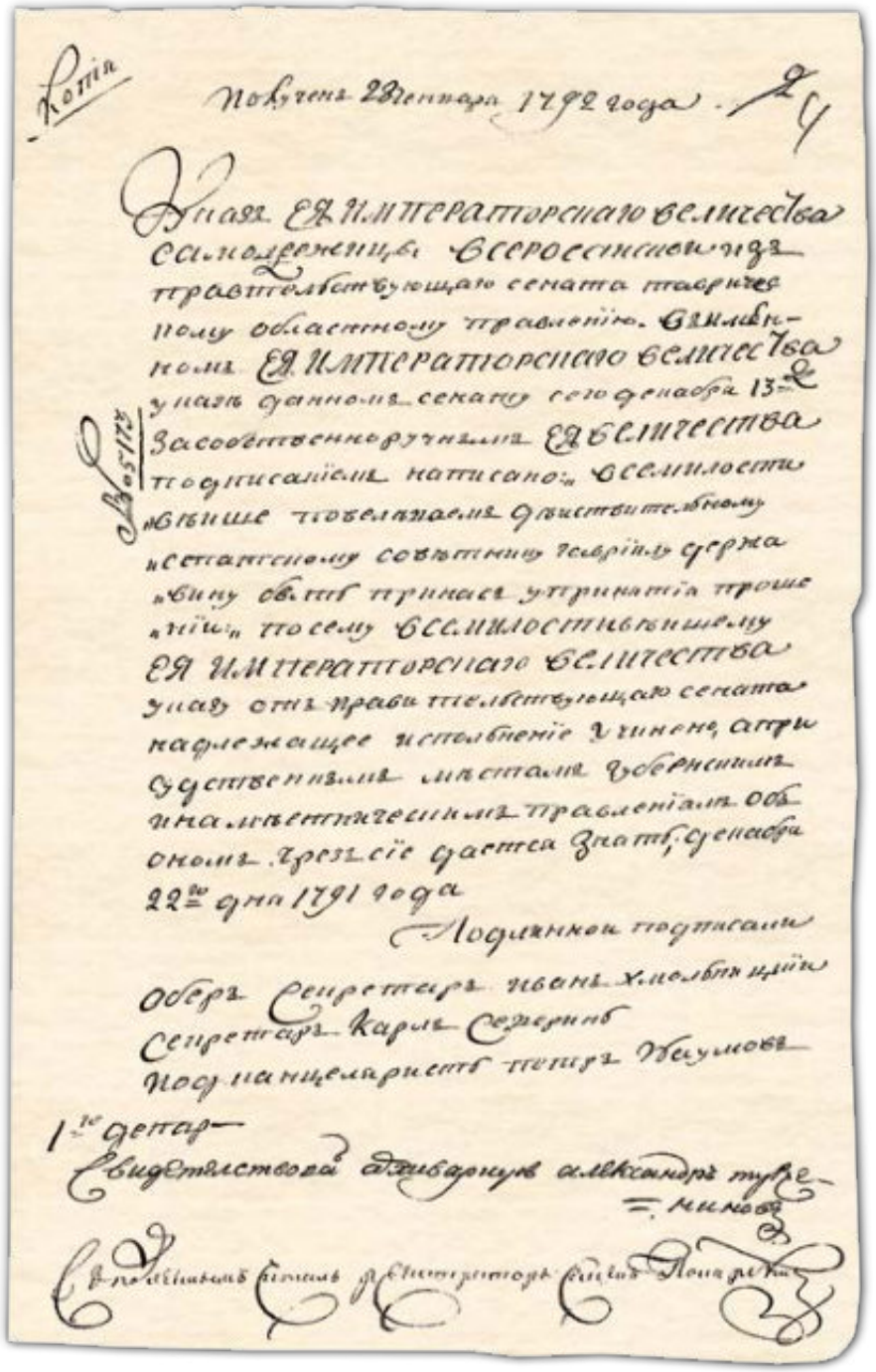
Законная нимало не унасаетъ
державина; ибо онъ привыкъ свя-
то отправлять возложенную
какого должность, и готовъ всегда
за оную отвѣтствовать; а недоу-
мные привѣтки какова были пред-
симъ къ нему учинены, могутъ
подобной ему и нынѣ нанести
стыдъ; а иногда подвергнуть по-
дозрѣнію по законамъ, самыхъ ви-
новныхъ оныхъ; Слѣдовательно,
а наипаче въ премудрое и проник-
нательное Царствованіе на-
шей Всемилостивѣйшей
Государыни державинъ не опа-
сается таковыхъ пустыхъ стра-
ховъ. Онъ совершенно надѣется
на свое безпорочное поведеніе и на-
Высочайшее правосудіе Ека-
терины Великой. Но познавъ
въ короткости правилъ исповѣдь
Державина иногда предпочтемъ
будетъ, что онъ ополчится
на тѣхъ мѣстію, которые

Об угождение правящаго генерал
губернаторскую должность какiе
либо ему личныя причинили
огорченiи, то пусть приказано
будетъ всехъ тахъ, которые по-
неисправленiю и преступленiю
своихъ должностей заслужатъ
быть судимыми, чтобъ онъ до-
носилъ объ оныхъ Сенату или
генералъ губернатору безъ опасенiя,
чемъ самымъ несумнительнымъ образомъ и охранена быть
можетъ ихъ безъ опасность.

Зе Анапонеш въ удостоверенiю, что
таковыхъ въ губерни весьма
мало, которыеб были дерза-
вными недовольны, то дабла-
говолено будетъ чрезъ бывшихъ
губернскаго шлузныхъ дворян.-
скихъ председителей съ которыми

5

Онъ во время управленія губер-
ніею имѣлъ подозрѣніе, что
отобрать отъ всего дворянства
свѣдѣніе, злымъ ли оно имѣетъ
Его по прежнему привѣтствіемъ
Губерніи; атаманъ же пусть и-
черпь спросить. Сверхъ того
можно оповѣщеніи Его освѣдомил-
ся и здѣсь отъ знатныхъ особъ
имѣющихъ въ той Губерніи свои
деревни, а именно: отъ Николая
Ивановича салтыкова, отъ але-
ксандра александровича и льва
александровича нарышкиныхъ,
отъ Графа Ивана Григорьевича
Чернышева, отъ Графа алекса-
ндра романовича, артемія
Ивановича и маріона Ивановича
Воронцовыхъ, отъ аркадія Ива-
новича Терскаго и прочихъ
Здѣсь находившихся не слы-
хали они чего отъ Своихъ



Копія

Получен 23 генваря 1792 года

Указ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
Самодержицы ВСЕРОССІЙСКОЙ изъ
правительствующаго сената товарище
ному областному правленію. Сынъ вы-
ному ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
указъ даннаго сенату сего декабря 13-го
Засобственноручнымъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА
подписаніемъ написано: ВСЕМИЛОСТИ
ВЫШЕ повелѣваемъ объявительному
„сенатскому совѣтнику Гавріилу Дер-
„жавину быть статс секретаремъ при
„нашемъ тосемъ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
указу отъ правительствующаго сената
надлежащее исполненіе учинено, апри
сутственнымъ мѣстамъ губернскимъ
и наместническимъ правленіямъ объ
оному чрезъ сіе дается знать. Декабря
22-го дня 1791 года

Подлинной подписали

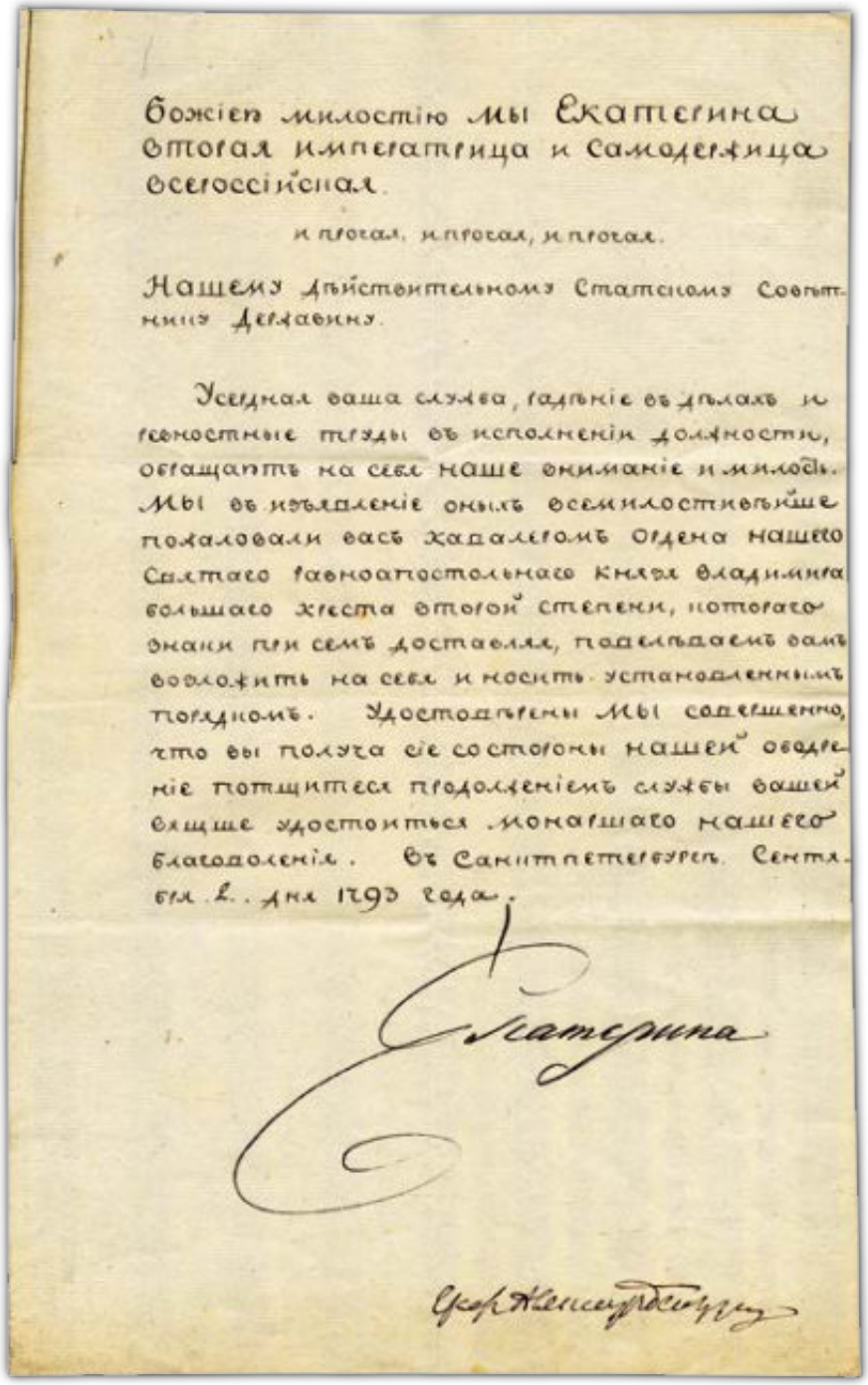
Оберъ Секретаръ Иванъ Хмельницкій
Секретарь Карлъ Седергиъ
Под канцеляристъ Петръ Жеумовъ

1-го декаб.

Свидѣтельствовалъ Дежурнуй Александръ Турге-
нѣевъ

С подлиннымъ вѣрно Дежурнуй Александръ Тургенѣевъ

Документ 16. *Указ о назначении Г. Р. Державина статс-секретарём Канцелярии её императорского величества для принятия прошений (13 декабря 1791 г.). РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 709. Л. 4. Копия с делопроизводственными пометами*



Божіею милостію Мы Екатерина
Вторая Императрица и Самодержица
Всероссійская.

и прочая, и прочая, и прочая.

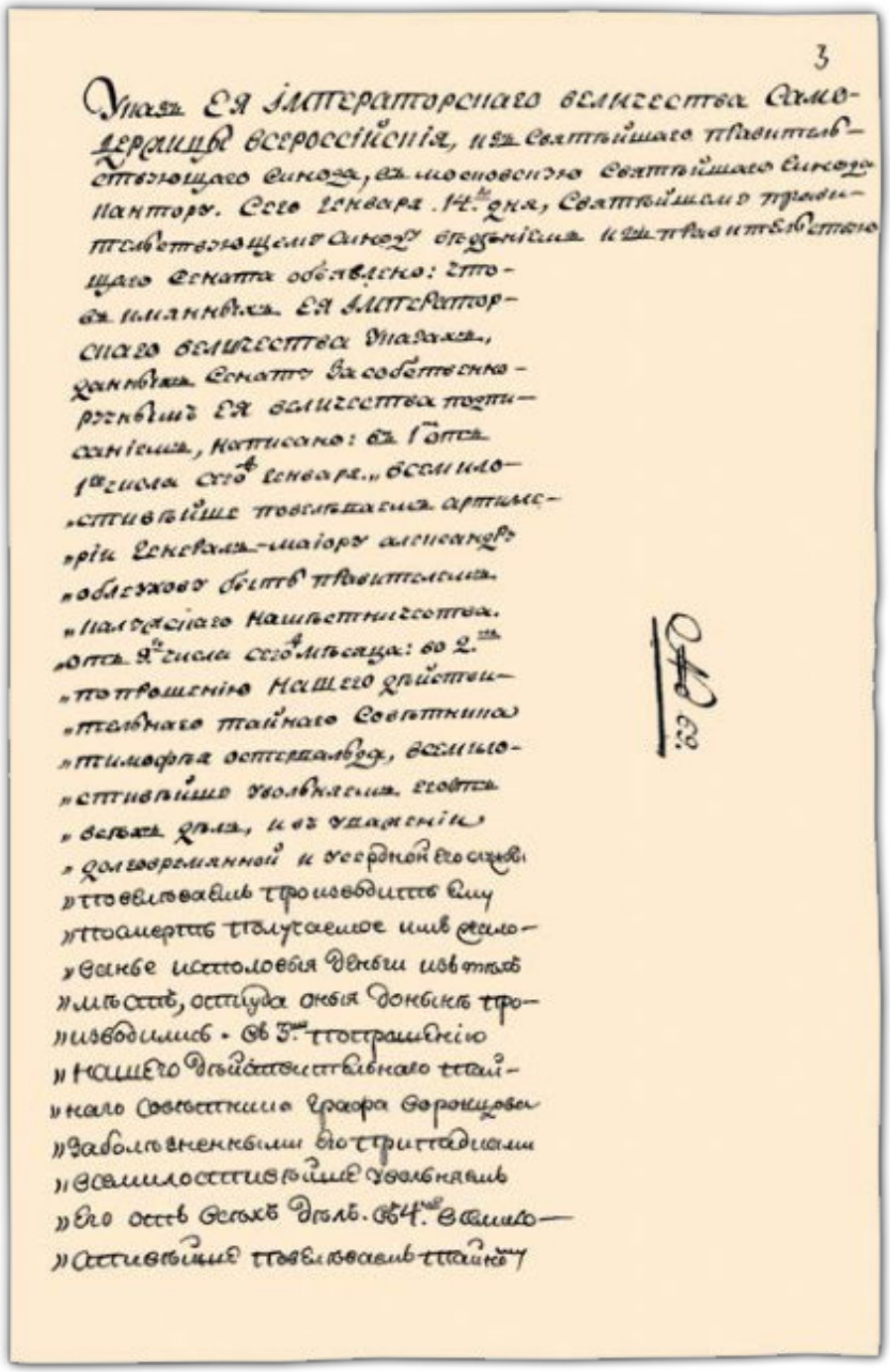
Нашему Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Державину.

Усердная ваша служба, радѣніе въ дѣлахъ и ревностные труды въ исполненіи должности, обращаютъ на себя наше вниманіе и милость. Мы въ изъявленіе оныя всемилостивѣйше пожаловали васъ Кавалеромъ Ордена нашего Святаго равноапостольнаго Князя Владиміра большаго креста второй степени, котораго знаки при семъ доставляя, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить установленнымъ порядкомъ. Удостовѣрены Мы совершенно, что вы получа сіе сего Ордена нашей ободреніе потщитесь продолженіемъ службы вашей вящше удостоиться монаршаго нашего благоволенія. Въ Санктпетербургѣ. Сентября 2. дня 1793 года.

Екатерина

Граф Безбородко

Документ 17. *Грамота на орден Святого Владимира большого креста II степени (2 сентября 1793 г.). Подпись-автограф Екатерины II и др. ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 2. Д. 7*



3

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійскія, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, въ московскую Святѣйшаго Синода Контору. Сего Генваря 14-го дня, Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ отправленнаго изъ Правительствующаго Сената обявлено: что въ минувшихъ Ея Императорскаго Величества Указахъ, данныхъ Сенату въ собственноручныхъ Ея Величества подписаніяхъ, написано: въ 1-мъ отд. 1-го числа сего Генваря. „Всемилостивѣйше повелѣвающая артиллеріи Генералъ-маіору Александру „Обліухову быть Правительствующаго „Пальтскаго Наместничества. „Отд. 2-го числа сего Генваря: по 2-му „по прошенію Нашего Дійствительнаго Тайнаго Совѣтника „Тимофея Остерманъ-Толстова, всемилостивѣйше увольняемаго отъ „всѣхъ дѣлъ, и въ уваженіи „долговременной и усердной его службы „тѣмъ повелѣваемъ Тимофею Ему „Тѣмъ жалованье получаемое имъ отъ „Онаго исполовья Деньги изъ тѣхъ „мѣстъ, отколѣ онаго донынѣ производимыя. Въ 3-мъ отправленію „Нашего Дійствительнаго Тайнаго Совѣтника Графа Воронцова „Завольженнаго Его Тріумфами „Всемилостивѣйше увольняемъ „Его отъ всѣхъ дѣлъ. Въ 4-мъ Всемилостивѣйше повелѣваемъ Тайнаго

Документ 18. *Указ о назначении Г. Р. Державина президентом Коммерц-коллегии (14 января 1794 г.). РГИА. Ф. 796. Оп. 75. Д. 20. Л. 3–3 об. Копия с делопроизводственными пометами*

»Советнику Гавріилу Державину отъ»
»Васъ Указа отправлять Вамъ повелѣно»
»Президента и Коммерцъ-Коллегіи.»
»въ 5-мъ отдѣленіи 11-го числа Генваря сего года.«
»Вашего Совѣтника Архистратига»
»Державина, что старостью и»
»изнеможеніемъ отъ Васъ, Всемило-»
»стивѣйшая Государыня отъ Службы,»
»тобѣ сія Мы сообщаемъ Нашему»
»Президенту Вамъ тѣмъ его,»
»Какъ только получа сіе Указъ,»
»Должностибрее его Претворитъ»
»отправлять Должности Вашей»
»Статскаго Совѣтника изъ Вед-»
»ства, что тотчасъ Всемилостивѣ-
Вѣйшимъ Ея Императорскаго
Величества Указомъ отъ Правя-
щаго Сенатъ Каѳедра
Щее исполненіе Указовъ, отъ Присут-
ственныхъ мѣстъ, Губернскихъ
и Провинціальныхъ Правленій
объ Окѣхъ Дано Знать Указомъ.
Итакъ по Указу Ея Императорскаго
Величества, Святѣйшій Правящій
Святѣйшей Синодъ Членъ: для
Свѣдѣнія сего Выписавши Святѣй-
шаго Синода Канторы изъ протчія
Дѣла слѣдуетъ мѣсяца сего Генваря 29 дня 1794 года.

Подлинное Сего писано Указы Императорскаго
Величества: Новгородскаго Губ. Лѣ. 70.
Московскаго Губ. Лѣ. 71.

Которые Указы Засвидѣтельствованы
оборъ Секретаря Николаемъ Григорьевымъ
Рукавишниковымъ, Секретаря Гавріила
Дерптскаго Застровскою Канцеляріи
Отца Алексѣя Алексѣевича Орлова
Взрослыя дочь Екатерина.

Приложение 2

Г. Р. Державин в портретном интерьере Екатерининской эпохи

Портрет императрицы Екатерины II в образе законодательницы.
Д. Г. Левицкий, 1783 г.

Портрет светлейшего князя Григория Александровича Потёмкина.
Неизвестный художник, 1780-е гг.

Портрет Г. Р. Державина в сенатском мундире с орденом Св. Владимира II степени.
В. Л. Боровиковский, 1795 г.

Портрет Ивана Ивановича Шувалова.
Ф. С. Рокотов, 1760 г.

Портрет графа Петра Ивановича Панина.
Неизвестный художник, XVIII в.

Портрет графа Петра Васильевича Завадовского.
И. Б. Лампи-ст., 1795 г.

Портрет Александра Ильича Бибикова.
Ф. С. Рокотов, после 1771 г.

Портрет Ивана Ивановича Дмитриева.
Д. Г. Левицкий, 1790-е гг.

Портрет князя Александра Алексеевича Вяземского.
К. Л. Христинек, 1768 г.

Портрет Тимофея Ивановича Тутолмина.
Неизвестный художник, 1789–1790 гг.

Портрет графа Ивана Васильевича Гудовича.
Г. С. Седов. Литография, 1857 г.

Портрет светлейшего князя Александра Андреевича Безбородко.
И. Б. Лампи-ст., 1794 г.

Портрет светлейшего князя Платона Александровича Зубова.
И. Б. Лампи-ст., 1793 г.

Портрет княгини Екатерины Романовны Дашковой.
Неизвестный художник, 1808 г., с оригинала 1790 г.

Портрет графа Александра Романовича Воронцова.
Д. Г. Левицкий, 1780-е гг.

Научное издание

Цинцадзе Нина Сергеевна

Г. Р. ДЕРЖАВИН:
НА СЛУЖБЕ У ТРЁХ ИМПЕРАТОРОВ

Монография
в трёх частях

ЧАСТЬ I
Государственная деятельность
в царствование Екатерины II

2-е издание, исправленное и дополненное

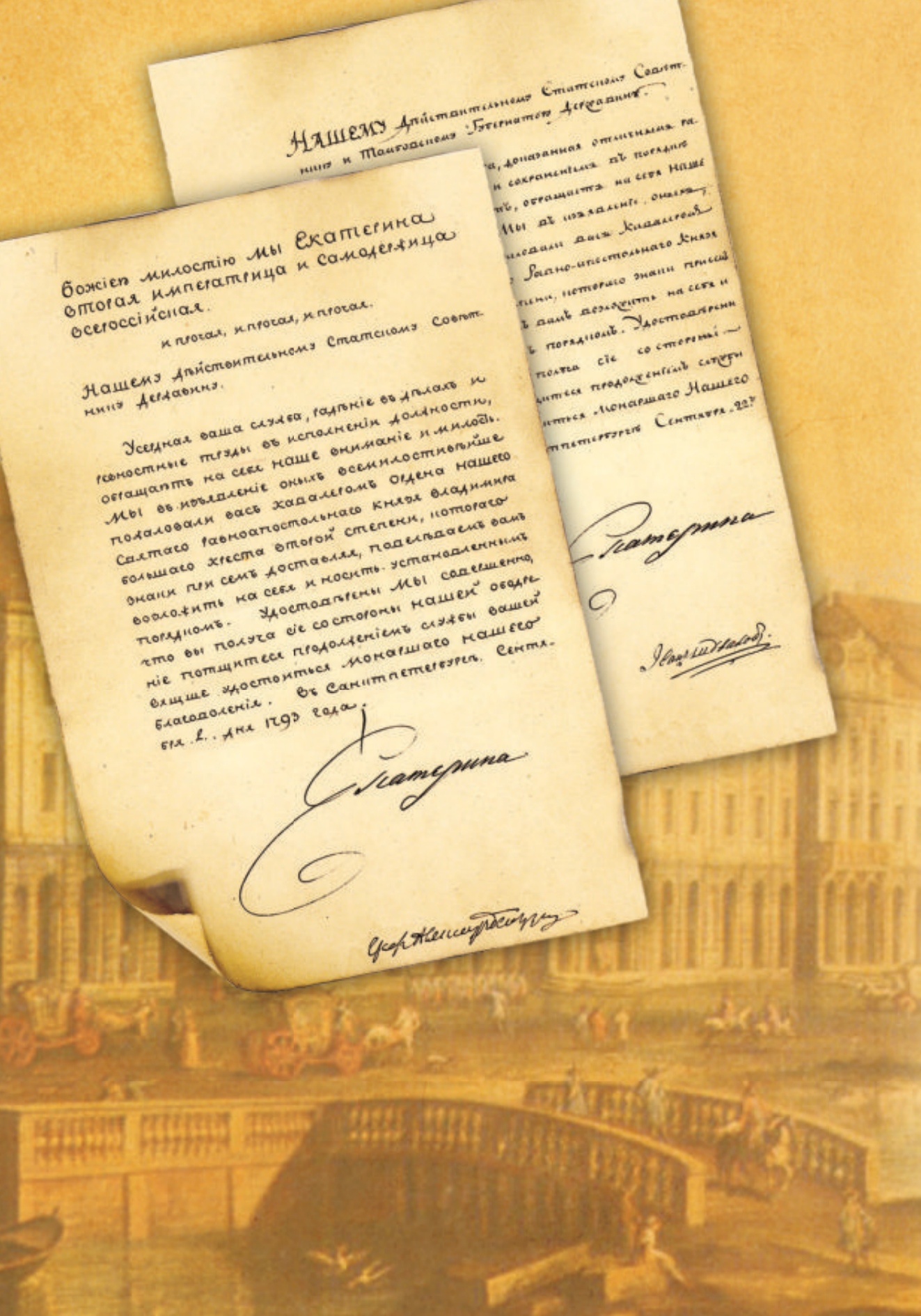
Редакторы *Н. Н. Бастрыкина, О. А. Хворова*
Компьютерная вёрстка *Т. О. Прокофьевой*

ISBN 978-5-00078-172-2

Подписано в печать 16.01.2018.
Формат 70×100 1/16. Усл. печ. л. 15,80.
Тираж 500 экз. Заказ 17332.

Издательский дом ТГУ имени Г. Р. Державина.
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190 г

Отпечатано в типографии
Издательского дома ТГУ имени Г. Р. Державина
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190 г



Божіею милостію Мы Екатерина
Вторая Императрица и Самодержица
Всероссійская.

и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему Действительному Статскому Совѣт-
нику Державину.

Усердная ваша служба, радѣніе въ дѣлахъ и
ревностные труды въ исполненіи должности,
обращаютъ на себя наше вниманіе и милость.
Мы въ воздаяніе оныхъ всемилостивѣйше
пожаловали васъ жалованнымъ Орденa нашего
Салтаго равноапостольнаго князя владимира
большаго креста второй степени, котораго
знаки при семъ доставляя, повелѣваемъ вамъ
возложить на себя и носить, установленнымъ
порядкомъ. Удостоверены Мы совершенно,
что вы получа сіе состоронны нашей ободре
ніе потщитесь продолженіемъ службы вашей
впредь удостоиться монаршаго нашего
благоволенія. Въ Санктпетербургѣ. Сентя-
бря 2. дня 1793 года.

Екатерина

Нашему Действительному Статскому Совѣтнику и Таврическому Губернатору Державину.

...а, дознанная отличными ра-
...и сохраненіемъ въ порядкѣ
...ть, обращаетъ на себя Нашѣ
...Мы въ воздаянье, оныя
...жаловали даемъ Жалованнымъ
...Равно-апостольнаго Князя
...тельнаго, которыя знаки присвоя
...въ даль держитъ на себѣ и
...въ порядкѣ. Удостоверяя
...тельства сіе со стороны —
...шится продолженіемъ службы
...ется Монаршаго Нашего
...тпетербургѣ Сентября 22-